

[Polaris]

ДУША

МУМИИ

Рассказы о мумиях

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXVIII

Salamandra P.V.V.

ДУША МУМИИ

**Рассказы о
мумиях**

Том I

Составление и комментарии
А. Шермана

Salamandra P.V.V.

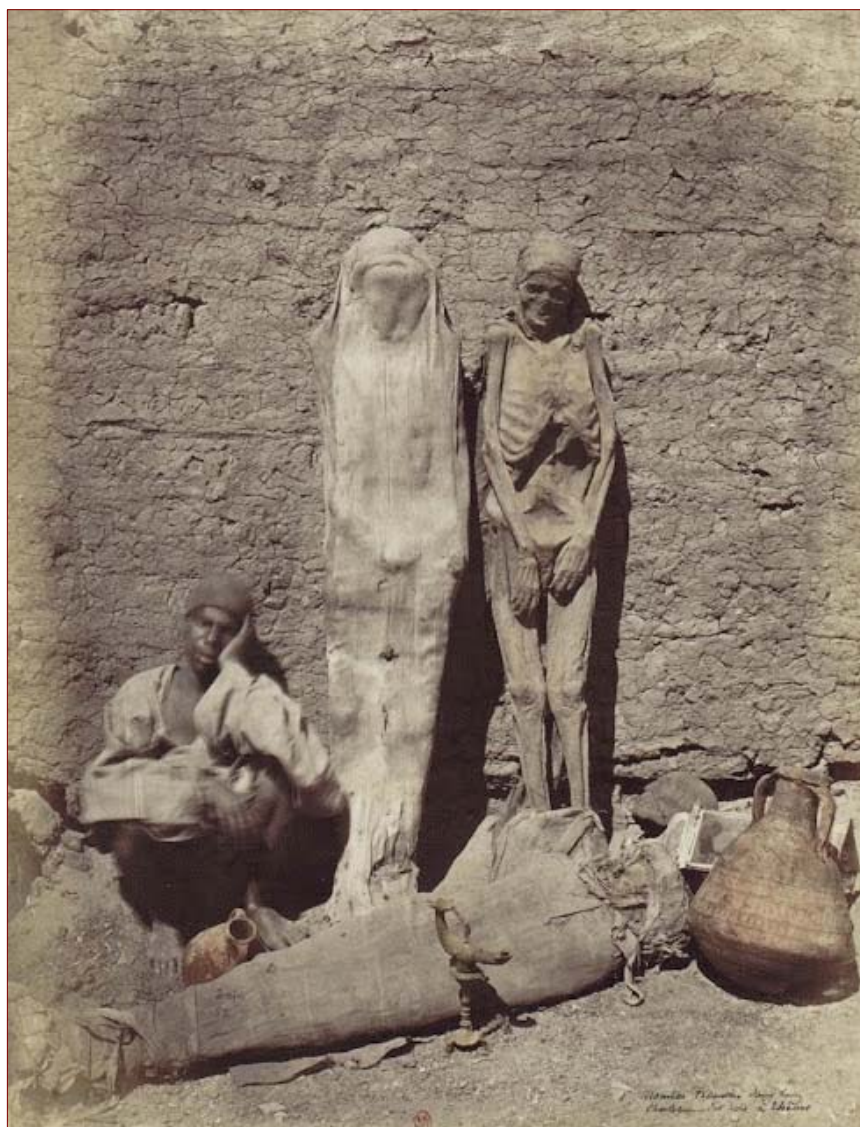
Душа мумии: Рассказы о мумиях. Том I. Сост. и комм. А. Шермана. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 258 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXVIII).

В уникальной трехтомной антологии «Рассказы о мумиях» собраны многочисленные фантастические произведения о таинственных мумиях Древнего Египта, включая наиболее редкие и никогда не переводившиеся на русский язык. Книга дополнена рядом статей о мумиях и их образах в высокой и популярной культуре. Это издание можно смело назвать одной из самых представительных антологий классических историй о мумиях в мировой практике.

© Authors, translators, 2015

© A. Sherman, состав, комментарии, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

ДУША МУМИИ

От составителя

Тема мумии в художественной литературе, даже если брать по преимуществу литературу фантастическую, весьма обширна, и при составлении любой антологии неизбежно возникает вопрос самоограничения. В настоящем издании было решено ограничиться исключительно рассказами, так или иначе связанными с мумиями Древнего Египта — первоисточником всех литературных образов мумий. По вполне понятным причинам, прежде всего из соображений объема, в антологию не вошли повести и романы. В издание также не включались произведения, написанные позднее первой половины XX века.

Наряду с хрестоматийными рассказами (Т. Готье, Э. По, А. Конан Дойль и др.) в книгу вошли вещи малоизвестные и забытые — от «Таинственной мумии» Сакса Ромера до «Оживших мумий» Макса Брода, от «Черного кофе» Джеффри Фарнола до «Руки мумии» Петра Аландского... Многие из них никогда не включались в какую-либо из известных нам антологий; многие впервые или заново переведены на русский язык. Мы сочли нужным дополнить антологию также несколькими статьями о мумиях и их отражениях в высокой и популярной культуре.

О кое-каких вошедших в книгу «редкостях» стоит рассказать подробнее. Литературоведы, культурологи другие исследователи давно интересуются происхождением мотива «проклятия мумии»; некоторые объявили, что первым европейским рассказом об этом проклятии является небольшой анекдот, приведенный в книге парижского аптекаря XVII в. Луи Пенише «Трактат о бальзамировании в древности и нынешние времена» (1699)¹. Эти утверждения, конечно же, являются полнейшим абсурдом, так как Пенише честно сослался на описание путешествия «Радзевила», откуда он и почерпнул историю о мстительных мумиях (с. 70). Речь идет о дневнике путешествия по Ближнему Востоку, совершенного в 1582-1584 гг. кн. Николаем Христофором Радзивиллом по прозвищу «Сиротка». Сочинение Радзивилла, изданное впервые в 1601

---

¹ Frost, Brian J. *The Essential Guide to Mummy Literature*. Lanham: Scarecrow Press, 2008; Stephens, John R., [ed.]. «The Truth of the Mummy's Curse». *Into the Mummy's Tomb*. Berkeley Trade, 2001.

году на латинском языке, впоследствии неоднократно переводилось, выдержало множество изданий и приобрело большую известность в Европе (рукописные русские переводы появились уже в первые десятилетия XVII в.).

Жасмин Дэй, автор книги «Проклятие мумии: Мания мумий в англоязычном мире», считает, что первым о «проклятии мумий» сообщил просвещенному миру знаменитый французский политический мыслитель и демонолог Жан Боден². Действительно, в сочинении «Коллоквиум семи, посвященный сокрытым тайнам возвышенного» (1588), Боден излагает историю о мести мумии, также связанную с морским путешествием. Однако трактат Бодена оставался неопубликованным до 1683 г., а к тому времени книга Радзивилла была уже хорошо известна. Если же говорить о рукописях, то и здесь Радзивилл, который основывался на сделанных во время путешествия записях, опередил Бодена. Все говорит о том, что пальму первенства следует отдать «Сиротке» Радзивиллу — что и было сделано еще в 1992 г.³ Впрочем, как справедливо замечает Ж. Дэй, «суеверия мореходов наверняка появились раньше этих историй, учитывая давность торговли *tutia*. Вопрос в том, пришли ли доевропейские поверья о проклятии мумии из арабского фольклора либо арабы почерпнули их у коренных египтян, сохранивших остатки древних верований».

Нечто схожее произошло с рассказом «Заблудившийся в пирамиде, или Проклятие мумии» (1869) Луизы Мэй Олкотт. Этот рассказ был заново открыт и переопубликован в 1998 г. безвременно умершим британским египтологом Домиником Монсерратом — и провозглашен первым полноценным (по крайней мере, американским) художественным произведением на тему «проклятия мумий». Само словосочетание «проклятие мумии» в самом деле, похоже, впервые встречается в этом сочинении. Но вскоре исследователи обнаружили целое «гнездо» таких рассказов, в том числе анонимную «Душу мумии» (1862) и «Три тысячи лет спустя» (1868) Джейн Остин (не путать с прославленной английской романисткой). Все они, надо заметить, любопытно сочетают «проклятие мумий» с темой вампиризма; много позднее эти темы соединил в своем творчестве (но не отдельных вещах) Брэм Стокер. Наконец, честь первого англоязычного беллетристического

---

² Day, J. *The Mummy's Curse: Mummymania in the English-Speaking World*. Routledge, 2006. С. 45, 188-9.

³ Green, L. «Mummymania: the Victorian Fascination with Ancient Egypt's Mortal Remains». *KMT: A Modern Journal of Ancient Egypt*. 1992, № 3. С. 35.

рассказа о мумиях может принадлежать вовсе не «Разговору с мумией» Эдгара По (1845), а «Письму ожившей мумии» (1832) так и оставшегося анонимным автора⁴.

С семидесятых годов прошлого века на Западе было издано около десятка антологий рассказов о мумиях; среди них выгодно выделяется составленная Питером Хейнингом книга «Мумия: Истории о живом трупе» (1988). И хотя далеко не все рассказы в ней относятся непосредственно к египетским мумиям, в этом издании были впервые собраны многие классические произведения. Последняя по времени из известных нам антологий классических рассказов о мумиях («Unearthed» издательства «Jurassic London») была опубликована в 2013 г.

На русском языке подобных антологий до сих пор не существовало; не были собраны и приключенческо-фантастические произведения на египетскую тематику, что мы надеемся сделать в будущем. Из числа сколько-нибудь близких по теме изданий следует упомянуть второй том впечатляющей работы «Русский Египет» Л. Пановой (2006), где приведены многочисленные образчики «египетских мотивов» в русской поэзии. В 2014 г. тиражом в 100 экз. вышел сборник «Семь звезд», включивший новый перевод первой версии «Сокровища семи звезд» Стокера и шесть рассказов (посвященных, однако, не только мумиям или Египту). Теперь этот краткий список пополнился и нашей антологией.

Александр Шерман

---

⁴ Этот рассказ, напечатанный в *The New York Mirror* (1932, 21 янв.) не включен в настоящую антологию, т. к. он никак не связан с египетскими мумиями.

Паула Гуран

МУМИЯ

Введение

Мумию, как таковую, не назовешь воплощением ужаса. В хорошо сохранившихся мертвых телах времен далекой древности нет ничего ужасного. В отличие от разлагающихся останков или обломков костей, мумии рассказывают нам о внутреннем мире и характере давно умершего человеческого существа. Глядя на иссохшее, но все еще сохранившее свои черты лицо мумии, мы видим некогда жившего человека, видим личность. Мумии обрели своего рода бессмертие и продолжают жить в нашем воображении. Многим мумии кажутся скорее завораживающими, нежели отвратительными.

Коннотации ужасного объясняются не столько самой мумией, сколько связанными с нею страхами. В целом мумия служит, конечно, напоминанием о нашей собственной смертности и страхе

смерти, но одного этого недостаточно, чтобы превратить мумию в чудовище.

Мумии жизнеподобны и словно таят в себе потенциал воскресения. В западной культуре укоренилась концепция «праха к праху и пыли к пыли», и мумии нарушают то, что видится нам как природный цикл. Но если мумия нарушает естественный порядок вещей, она становится частью мира сверхъестественного, где мертвые способны вставать из могил и разговаривать. Оживление мертвых также воспринимается как нечто из сферы «безумной науки». В сознании возникает связь с «синдромом Франкенштейна»: человек не должен слепо экспериментировать с неизвестным.

С мумией связывается и боязнь магических проклятий, пусть она и основывается на искаженной культурной индоктринации и ошибочных представлениях о Древнем Египте. За нарушением того или иного погребального (иначе говоря, религиозного) табу следует месть потустороннего.

Далее, мумии окружены и искусственно «ужасными» ассоциациями — воскреснув, давно умершие стремятся к обладанию живущими. Этот аспект страха перед мумиями часто выражается любовной линией, которая продолжается за гробом и приобретает гибельный, скрыто эротический и некрофильский характер.

Хотя мумия в конце концов попала в разряд монстров, в этой роли она никогда не была полностью действенна. В психологическом смысле, мумию не назовешь прочно закрепившимся образом пугающего создания. Фактор страха почти целиком зависит от *окружающих* мумию или топорно *присочиненных* к ней обстоятельств. Тем не менее, мумия достойна рассмотрения по меньшей мере как спусковой механизм, если не истинное воплощение ужаса.

Любой труп с хорошо сохранившимися мягкими тканями считается мумией. Мумификация может быть намеренной или случайной. Случайная мумификация может произойти в естественных условиях сильного холода, сухости и отсутствия кислорода. Результатом преднамеренного воздействия химикатов или бальзамирования, практиковавшегося древними египтянами, являются «забинтованные» мумии, ставшие ныне иконическими. Существует небольшое количество художественных произведений, связанных с прочими мумиями, но литература ужасов и кинофильмы о мумиях в подавляющем большинстве основаны на египетской модели. Ниже будет рассматриваться только источник представлений об «ужасных мумиях» — мумии Древнего Египта.

Мумия как факт

В целях понимания художественного образа мумии и искаженного восприятия мумий как предмета страха, необходимо в первую очередь обратиться к мумии как факту.

Египетское слово для мумифицированного тела — *sah*; «изготовление мумии» — *qes*. Египетская мумификация, вероятно, зародилась случайно более 5,000 лет назад, в прединастический период. Допустим, в песке захоронили умершего вместе с какими-то небогатыми погребальными дарами; горячие, сухие пески Египта высушили и сохранили тело. Альтернативная теория заключается в том, что идея мумификации возникла не столько благодаря наблюдению и подражанию, сколько из желания сохранить облик тела. Чем бы ни вдохновлялись египтяне, в архаический период (ок. 2950 д.н.э.) начали применяться различные методы бальзамирования. На первых порах они были примитивными, но техники совершенствовались на протяжении веков и к 1100 году д.н.э. искусство бальзамирования достигло вершины.

Вначале, надо полагать, одни только боги-цари считались достойными вечной жизни и, соответственно, бальзамирования. В период Древнего царства (2650-2150 гг. д.н.э.) мумификация распространилась на членов царствующей семьи, знать, придворных и государственных чиновников. К 2150 году д.н.э. бальзамирование (и бессмертие) стали доступны любому, кто мог позволить себе этот дорогостоящий процесс, причем качество мумификации зависело от цены. Во времена Нового Царства в небольших по размеру, но изящно украшенных и хорошо обустроенных могилах Дейр эль-Медины¹ хоронили мумии некоторых ремесленников и рабочих, занимавшихся при жизни строительством гробниц.

Сохранность тела от разложения гарантировала дальнейшее существование духовных аспектов личности. Тело и три его духовных элемента — *ka*, *ba* и *akh* — считались единым целым. *Ka* — это двойник или духовная копия человека. После смерти копия отделялась от тела, но оставалась в могиле, поблизости от него. В отличие от своего человеческого двойника, духовный двойник бессмертен, однако нуждается в жизнеобеспечении. *Ka* требуется то же, что и человеку при жизни — еда, питье, одежда, лич-

---

¹ Поселение ремесленников, работавших над созданием храмов и гробниц Долины царей в эпоху Нового Царства; в древности было известно как Сет-Маат или «Место истины» (*Здесь и далее прим. перев.*).

ные вещи; все это клали в могилу, частично заменяя моделями и изображениями. Лишенный узнаваемого тела двойник-ка не смог бы найти необходимые припасы.

Ба можно рассматривать как совокупность уникальных свойств человека, его личность или характер. Эта сущность могла свободно покидать тело при жизни и, вместе с самим дыханием жизни, оставляла его в момент смерти; как и живой человек, она нуждалась в средствах к существованию.

Если с мумией проводились подобающие ритуалы, *ба* и *ка* соединялись и умерший обретал форму *ах*. Затем *ах* путешествовал по загробному миру, подвергался последнему суду и, как надеялись египтяне, обретал право на посмертное существование и вечную жизнь рядом с богами. Наделенный посмертным бытием *ах* мог оказывать влияние на земную жизнь, наподобие западных «призраков» или «духов».

Но и сама гробница — ее содержимое, надписи, резные украшения, статуи и мумия — также помогала сохранить суть человека, ту суть, что была заключена в его имени. «Бессмертие» длилось лишь до тех пор, пока это имя произносилось. Уничтожение личного или царского имени на статуях и памятниках было равноценно стиранию памяти и самого существования. Египтяне испытывали настоящий ужас при мысли, что их могут забыть. Гробница и ее мумифицированный обитатель являлись средством продолжения жизни и не вызывали страха. Мумия не связывалась с чем-либо болезненным или макабрическим. Она была воплощением красоты, с тщанием подготовленным и упакованным (и порой хитроумно завернутым в декоративные ткани) для вечности.

Наряду с прикладной техникой сохранения тела от разложения, мумификация представляла собой также религиозный и ритуальный процесс, повторявший исходную мумификацию Осириса, владыки загробного мира. Осириса мумифицировала его супруга Исида; она собрала части тела бога после того, как Сет, брат и убийца Осириса, утопил их в водах Нила. Найди все, кроме съеденных рыбами гениталий, Исида скрепила куски тела воедино. Возрожденный к подобию жизни *ах* Осириса отправился в загробный мир и стал Царем мертвых.

Мумификация умерших прекратилась после принятия христианства в качестве официальной религии Римской империи; в 392 году н.э. император Феодосий I запретил традиционные религиозные практики. Наиболее широко бальзамирование применялось в греко-римский период (332 д.н.э.-392 н.э.); в те времена богатые иностранцы, селившиеся в Египте, часто перени-

мали местные обычаи. Мумификация стала доходной статьей коммерции, выражением скорее богатства и социального положения, чем религиозных верований. В этот период тела искусно бинтовали и снабжали картонажными масками (изготовленными из склеенных слоев древесных волокон или папируса), но сохранность тел оставляла желать лучшего.

Способы мумификации менялись на протяжении ее долгой истории. В эпоху XVIII-XX династий (ок. 1570-1075 д.н.э.) весь процесс занимал семьдесят дней. Тело омывали, затем перенесли в *per nefer* («дом красоты»), где специальными изогнутыми инструментами осторожно извлекали мозг через ноздри. Внутренние органы, за исключением сердца, удаляли — сердце, как считали египтяне, было средоточием мысли и чувства. Органы вымачивали в растворе натрона, промывали, бинтовали и помещали в четыре специальных сосуда-канопы. (В некоторые эпохи подготовленные и забинтованные органы размещали внутри тела; неиспользованные канопы продолжали оставаться частью погребального ритуала.)

Тело набивали и покрывали натроном, природной кристаллической содой, обладающей высокой гигроскопичностью, затем сорок дней обезвоживали. После извлекали набивку и смывали натрон, а высохшую и просевшую полость тела набивали льняными мешочками с опилками или миррой, смесью ароматических смол. Полость черепа заполнялась пропитанным смолой полотном; вставляли искусственные глаза. Кожу обрабатывали сохраняющими веществами и покрывали смолой. Иногда применялись косметические средства. Наконец, тело обматывали сотнями метров льняной ткани, в то время как жрецы произносили подобающие заклинания и размещали в нужных местах между слоями бинтов различные амулеты. Эта стадия мумификации занимала не менее пятнадцати дней.

Затем клали на место картонажную (либо золотую, в случае фараонов) портретную маску, мумию вновь обрабатывали мазями, благовониями и смолой и клали в гроб. Начинался последний акт погребального обряда.

Родственники, друзья, жрецы и профессиональные плакальщики сопровождали тело к могиле. Близкие умершего выражали горе по поводу своей утраты, но в целом то было радостное событие — двойник-ка уходил в вечную жизнь. У могилы произносились всевозможные заклинания, которые должны были обеспечить воссоединение *ба* и *ка*, защитить гробницу и тело умершего и облегчить его опасное путешествие по загробному миру. Здесь

же происходил важный ритуал «Отверзания уст». Этот сложный ритуал включал очищение, воскурение благовоний, умащение и чтение заклинаний; к мумии притрагивались посредством ритуальных предметов, чтобы восстановить способность умершего говорить, осязать, видеть, слышать и ощущать запахи. В гробницу помещали жертвенные дары и личные вещи покойного, что подразумевало дополнительные ритуалы.

Люди состоятельные и способные оплатить комплексный процесс мумификации начинали планировать свою смерть и погребение при жизни. Но египтяне вовсе не были фанатиками смерти; они любили жизнь и хотели, чтобы жизнь продолжалась вечно.

Мумии в Европе

Египтомания — и, в расширительном смысле, завороченность мумиями и всем египетским — со времен древних греков являлась частью западной культуры. Пирамидам и сфинксу в Гизе исполнилось уже 2,000 лет, когда Геродот, греческий историк и любознательный путешественник, посетил Египет в 450 году д.н.э. Он восхищался египтянами, о которых в своей «Истории» писал: «Как мне думается, египетский народ... существовал всегда, с тех пор как на свете появились люди»², и Египтом, ведь «в этой стране более диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми другими странами»³.

Геродоту и другим путешественникам Египет виделся одновременно доступным и таинственным. Его искусство было повсюду — статуи фараонов, цариц, богов и богинь, резные барельефы религиозной и светской тематики, яркие фрески на стенах гробниц, изображавшие повседневную жизнь Древнего Египта. Но Египет в то же время являлся и магическим местом. Магия (*heka*) играла важную роль в повседневной жизни, медицине и верованиях, связанных со смертью. В Египте времен фараонов жрецы практиковали магию и были известны как хранители тайных знаний, полученных от богов. Ко временам Геродота Египтом уже пять веков правили чужестранцы, но древние египтяне продолжали восприниматься как могущественные создания, познавшие, возможно,

---

² Геродот, «История», II.15 (пер. Г. Стратановского).

³ Там же, II.35.

тайны самой смерти.

Когда в Египте воцарилось христианство, таинственность древних египтян лишь достигла новых высот. К четвертому веку н.э. мало кто мог прочесть иероглифы. Публичное использование иероглифов прекратилось вскоре после 391 года н.э., когда римский император Феодосий Первый закрыл все языческие храмы. С исчезновением языческих жрецов исчезло и умение читать иероглифические надписи Египта эпохи фараонов и изготавливать мумии.

После первого мусульманского вторжения в 639 году Египет стал частью арабского мира. Арабы называли таинственную и неведомую магию Египта *al keme*. Древние египтяне именовали свою землю *kemet* — «черной землей» богатой и плодородной почвы по берегам Нила. Это понятие, в виде *keme*, сохранилось до дней арабского вторжения. Арабское *al keme* породило слово «алхимия», означавшее веру в то, что путем произнесения правильных слов и применения нужных смесей и зелий можно превратить одно вещество в другое.

Арабы верили, что стоит человеку проникнуть в гробницу и произнести необходимую магическую формулу, как его взору откроются сокровища — золотые погребальные приношения и прочие богатства — ставшие невидимыми благодаря магическим ухищрениям древних. Разумеется, если считать, что древние могли делать предметы невидимыми, вполне можно поверить и в магические чары, защищающие гробницы от расхитителей. Фрески на стенах гробниц часто изображают церемонию «Отверзания уст»; но арабам казалось, что они изображали ожившие мумии. Подобные создания, давно умершие и не знающие страха, были бы ужасными противниками — и, конечно, всеми силами старались бы защитить свои могилы и ценности.

Ранние арабские авторы, в назидание будущим поколениям, нередко упоминали эти поверья. Так был заложен «сверхъестественный» фундамент, постепенно проникший в западное сознание.

В самих мумиях, однако, ничего ужасного не было.

Слово «мумия», пишет Джон Айото в *Dictionary of Word Origins*, «происходит от арабского *tumiya*, “забальзамированное тело” (производное от *tum*, “мазь для бальзамирования”). Но слово *tumty*, появившееся в английском языке, например, через средневековое латинское *tumia* и старофранцузское *tumie*, использовалось в значении “лекарственного притирания, изготовленного из мумифицированных тел”... Первоначальный смысл (“забальзамированное тело”) это слово приобрело только в начале 17 века». В других этимологических источниках разъясняется,

что «мазь для бальзамирования» — это битум, природный асфальт, встречающийся в Персии. Увидев мумии, обмазанные толстым слоем черной смолы, арабские завоеватели решили, что они покрыты *tutiya* или *tut*, то есть битумом. Битум действительно применялся в мумификации в непосредственно предшествовавшие христианской эпохе века, но в основном использовалась смола и различные масла.

Мусульманские врачи лечили битумом плеврит и водянку (пациентам давали пить «битуминизированную воду»); битум применялся и как наружное средство при лечении ран и заболеваний кожи. В Западной Европе битум стал известен главным образом благодаря описаниям его целебных свойств в трудах мусульманских египетских врачей XII века. Начиная с XII в., тысячи египетских мумий были извлечены из могил во имя добычи якобы пропитывавшего их битума, затем проданы для медицинских нужд и тем самым уничтожены. В Европе мумии также использовались для лечения заболеваний суставов, улучшения кровообращения и продления жизни.

В XVI веке европейская знать считала порошок из мумий жизненно важным лекарственным средством. Франциск I, первый король Франции эпохи Возрождения, известный ученый и покровитель искусств, ежедневно принимал дозу порошка из мумии и корня ревеня и всегда носил с собой пакетик этого лекарства. Франциск считал, что порошок не только делает его сильнее, но и отпугивает наемных убийц.

Художники XVI и XVII веков широко пользовались краской, называвшейся «мумия» или «коричневая мумия» (она появилась, возможно, еще в двенадцатом столетии). Согласно некоторым источникам, пигмент находился в обращении вплоть до первых десятилетий⁴.

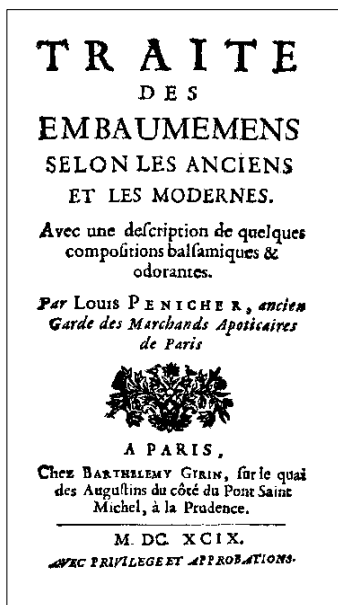
Мумия в художественной литературе

В предисловии к составленной им антологии *Into the Mummy's Tomb* Джон Ричард Стивенс называет *Traité des embau-*

---

⁴ Это и есть пигмент, упоминаемый Шекспиром в «Отелло»: «Волшебная таинственная ткань: / Окрашена могильной краской мумий» (пер. Б. Пастернака). Подробнее см. в приложенной к этому тому антологии статье Ф. Мак-Куата «Жизнь и смерть Коричневой Мумии».

mements selon les anciens et les modernes «самым ранним из известных нам художественных рассказов о проклятии мумии, написанным в 1699 году»⁵. Но нельзя сказать, что мумий страшились; с другой стороны, европейское сознание не воспринимало мумии как человеческое свидетельство древней цивилизации. В сущности, до XIX века, когда Наполеон Бонапарт вознамерился ради собственной славы покорить Египет, о стране и ее истории известно было очень мало.

Титульный лист «Трактата о бальзамировании» Луи Пенише (1699)

Наполеон, по словам Б. Брайера, считал «Восток» местом, где все прославленные завоеватели мира «обретали величие». Он убедил французское правительство в необходимости начать кампанию, и в июле 1798 года, после трудного шестинедельного путешествия, несколько сотен транспортных кораблей высадили у Александрии около 34,000 солдат. Вместе с солдатами французские суда при-

⁵ Данное утверждение не соответствует истине (см. предисловие составителя настоящей антологии).

везли более 500 гражданских лиц — биологов, минералогов, математиков, лингвистов, химиков, ботаников, зоологов, топографов, экономистов, художников, поэтов и прочих ученых мужей. Кампания Бонапарта была военным провалом, но одновременно стала культурным триумфом. Ученые составили монументальное «Описание Египта», печатавшееся с 1809 по 1827 год, и познакомили европейскую публику с египетским наследием. Были захвачены и археологические сокровища, но некоторые древности, собранные в Александрии для изучения, после окончания французской оккупации Египта в 1801 г. оказались в руках англичан. В числе других древностей, англичане завладели и гранитной (сперва считавшейся базальтовой) плитой с высеченным на ней в 196 г. д.н.э. жреческим декретом. Текст был написан трижды: подобающими для декрета иероглифами, демотическим письмом (шрифтом, употреблявшимся для повседневных нужд) и на греческом языке (то есть языке администрации). Получившая название «Розеттского камня» плита — французские солдаты нашли ее, копая яму под фундамент для расширения форта в порту Розетты (ныне Рашид) стала ключом к расшифровке древнеегипетских иероглифов. Спустя 1,400 лет письменные памятники Египта вновь сделались доступны для прочтения.

На протяжении XIX в. некоторые методы пионеров египтологии были чрезвычайно разрушительны, едва ли не преступны; однако они значительно обогатили наши научные познания. Среди многочисленных египетских древностей, отправляемых в музеи, были и мумии. В 1840-х годах пароходы существенно облегчили поездки в Египет. Богатые туристы привозили домой мумии в качестве сувениров, в моду вошли публичные и частные демонстрации и званые вечера с «распеленанием» мумий. Одно из дошедших до нас приглашений гласит: «Мумия из Фив будет разбинтована в доме лорда Лондесборо в половине третьего».

Усовершенствование типографских технологий привело к появлению более дешевых и массовых изданий мемуаров, описаний путешествий и прочей литературы о Египте, включая газетные и журнальные статьи, с которыми могли теперь ознакомиться и люди победнее. Европейцы и американцы были очарованы образом Египта и заворожены египетскими мумиями. Дразнящая мысль о мумии, восставшей к новой жизни, начала появляться на страницах художественной литературы.

Деятнадцатилетняя Мэри Уоллстонкрафт Годвин (в замужестве Шелли), возможно, была первым английским автором, увидевшим в ожившей мумии образ ужасного. В ее романе «Франкен-

штейн» (1818) ученый Виктор Франкенштейн, с отвращением глядя на сотворенное им существо, восклицает: «На него невозможно было смотреть без содрогания. Никакая мумия, возвращенная к жизни, не могла быть ужаснее этого чудовища».

Другая молодая девушка (на момент публикации ей также было девятнадцать) написала книгу *The Mummy! A Tale of the Twenty First Century* (1827) — первый роман на английском языке, посвященный мумии. В 1824 году, в возрасте семнадцати лет, Джейн Вебб (позднее Джейн Лудон) осиротела и, «изучив дела [отца] и придя к выводу, что мне необходимо чем-то поддерживать свое существование, написала странную, сумасбродную книгу под названием “Мумия”, где действие происходит в двадцать первом столетии и где я попыталась предсказать те улучшения, каких может достигнуть наша страна».

Вебб вдохновлялась несколькими источниками, включая популярную культуру того времени. Одним из ее заметных персонажей являлся бывший цирковой силач Джованни Бельцони (1778-1823). Наряду с прочими египетскими подвигами, он первым из западных путешественников исследовал пирамиды Гизы (включая пирамиду «Хеопса», чью фантастическую мумию оживила в своем романе Джейн Вебб). Британская пресса широко освещала его приключения, и даже спустя более чем 25 лет после смерти имя его оставалось довольно известным; к примеру, Чарльз Диккенс упоминает Бельцони в «Крошке Доррит». Египетская выставка, организованная Бельцони в 1821 году, вдохновила «Строки, обращенные к египетской мумии на выставке Бельцони» Горацио Смит (1778-1849). Последняя строфа стихотворения звучит так:

Why should this worthless tegument endure,
If its undying guest be lost forever?
O'let us keep the soul embalm'd and pure
In living virtue, when both must sever
Although corruption may our frame consume,
Th' immortal spirit in the skies that bloom!⁶

Вебб и Смит печатались у одного и того же издателя, Генри Колбурна. Тот, надеясь на хорошие продажи, убедил Вебб расши-

---

⁶ К чему хранить сей ничтожный покров / Если исчезнет навсегда его неумирающая гостья? / Да пребудет душа в бальзаме и чистоте / Живой добродетели; и когда настанет час разлуки / Пусть тление поглотит наши тела / Но бессмертный дух вознесется в радужные небеса!

рить задуманный ею рассказ до размеров романа. Заимствованную писательницей у Горацио Смита символику мумии, возвращенной к «живой добродетели», никак нельзя считать случайностью.

В романе имелись пугающие описания, например:

Клара задрожала при виде холодного, подобного мрамору лица, и в груди ее разлился ледяной холод страха, ибо она была убеждена, что это создание не принадлежит нашему миру. Одежды, стеклянные глаза и недвижные черты говорили о давно минувших веках, когда египтяне были гордыми хозяевами земли! Неужто оживший царь Хеопс, о котором она слышала столько рассказов, стоял перед нею?

И самые стойкие и уравновешенные умы страшатся ужасов сверхъестественного, и наша прекрасная беглянка невольно отвернулась! Она боялась оставаться на месте, боялась приблизиться, душу ее заполнило то смутное чувство опасности, что обыкновенно сопровождает отсутствие света, когда воображение рисует несуществующие ужасы, а фантазия охотно преувеличивает существующие; она не помнила, сколько времени простояла так, в плену жутких образов.

Когда Клара наконец подняла глаза, мумии не было; но вместо нее пред ее взором по всем углам мрачного склепа мелькали бесчисленные причудливые формы.

Однако, как указывает Линда Хопкинс, «хотя мумия в романе и кажется угрожающей и страшной, она на самом деле сочувствует людям и обладает своего рода всезнанием, помогающим безошибочно определить, какая помощь требуется в том или ином случае».

На Вебб, несомненно, повлиял «Франкенштейн» Мэри Шелли, опубликованный менее чем за 10 лет до ее романа; возможно, она полемизировала с политическими и философскими аспектами книги Шелли. Можно указать на заметные параллели между двумя романами. В то же время, есть и громадные различия. По словам Хопкинс, «главной движущей силой “Мумии”, несмотря на сенсационное заглавие, явно служит сатира; юмор романа не язвительен, а добродушен... Почти ничто не напоминает двойственность и эмоциональную глубину “Франкенштейна”... Собственно говоря, оживший мертвец в романе чаще забавен, чем страшен... Как ни парадоксально, мумия здесь дарует утешение, а не порождает ужас». Быть может, *Mummy!* и является, как формулирует Хопкинс, «первым поддающимся выявлению предшественником жанра произведений о мумиях», но и в этом романе мумия не выступает чудовищем.

Египтолог и археолог Маргарет Энн Мюррей (1863-1963, на верхней фот. вторая справа) и ее ассистенты разворачивают египетскую мумию во время публичной лекции в Манчестерском университете (1908).

Эдгару Аллану По, американскому мастеру ужасов, принадлежит честь создания первого настоящего короткого рассказа о мумии⁷. Но «Разговор с мумией» (*American Whig Review*, апрель 1845) был не рассказом ужасов, а сатирическим произведением. По высмеивал модное «распеление» мумий, «научную» практику гальванизма — использование электричества в попытке реанимировать умерших (мотив, встречающийся как у Шелли и Вебб, так и у трансценденталистов и торговцев патентованными лекарствами) — и идею прогресса. Вдобавок, один из героев рассказа «Разговор с мумией» получил фамилию «Глиддон». Джордж Глиддон, служивший в свое время вице-консулом США в Каире, был шарлатаном, который прибегал к помощи мумий, псевдонаучного жаргона и сценических трюков для «доказательства» того, что мозг чернокожих меньше мозга белых⁸.

«Роман о мумии» (1856) Теофиля Готье был первым исторически достоверным романом, действие которого происходило в Древнем Египте; в нем также впервые появился мотив романтической влюбленности в мумию. Мумифицированная царица становится предметом увлечения археолога, узнавшего трагическую историю ее жизни. Он увозит мумию в Англию; но в романе нет ни оживления мумии, ни элементов ужасного. Рассказ Готье «Ножка мумии» (1840) в юмористическом ключе разрабатывал романтическую тему и представления о магических свойствах мумий.

В 1821 г. в Англии вышла в свет анонимная детская книга «Плоды предприимчивости, явленные путешествиями Бельцони по Египту и Нубии и перемежаемые замечаниями матери в беседе с детьми». (Ее написала Люси Сара Аткинс Уилсон, пользовавшаяся в те времена известностью, но ныне забытая.) В книге упоминается о мумии, зажженной, подобно факелу, для освещения пирамиды. Не исключено, что эта книга вдохновила рассказ Луизы Мэй Олкотт «Заблудившиеся в пирамиде, или Проклятие мумии», напечатанный в *New World* 16 января 1869 г.

---

⁷ Автор словно забывает, что «Ножка мумии» Т. Готье была опубликована пятью годами ранее, хотя год издания этого рассказа указан ниже в тексте. Вероятно, о первенстве Э. По говорится лишь в контексте англоязычной литературы, что также является сомнительным (см. предисловие составителя).

⁸ Дж. Р. Глиддон (1809-1857) действительно отличался расистскими взглядами, а с его лекциями и демонстрациями мумий связано немало курьезов; однако его книги, египетские выставки и сеансы «распеления» мумий сыграли свою роль в популяризации египтологии в США.

LANDS SACRED AND CLASSICAL.

"Hol. Land of the Winged (Globe)" ISAIAH xviii. 1.

GLIDDON'S
Grand Moving Transparent Panorama
OF THE
NILE, EGYPT AND NUBIA,
GALLERY OF
EGYPTIAN ANTIQUITIES, MUMMIES, TABLEAUX, LIBRARY, &C.

WILL BE RE-OPENED, ON A LARGER SCALE,
Accompanied by Oriental Music, performed by an **Increased Orchestra,**
IN THE LARGE
LOWER SALOON OF THE CHINESE MUSEUM,
On Monday Evening, Nov. 4th, 1850,
At 7½ o'clock.

Admittance, Adults 25 cts. Children, half price.

SCHOOLS, over 25 Pupils, admitted at 5 cts. Teachers with Schools, free.

The Lecture will commence every Evening at 7½ o'clock,

AND

On Wednesday & Saturday Afternoons at 3 o'clock.

DOORS OPEN AN HOUR BEFORE.

N. B.—Encouraged by the gathering interest taken by the Citizens of Philadelphia in Egyptian Discoveries, Mr. GLIDDON has the pleasure of announcing the above arrangement—to take place immediately after the Exhibition of the FRANKLIN INSTITUTE—whereby the crowds that attended his discourses at the small *Lecture-Room* of the Chinese Museum, will be far more agreeably accommodated. No expense or labor will be spared to vary and increase the attractions: and a mass of new archaeological materials, in *Antiquities, Tableaux, Plates, Works*, and other scientific data, brought by Mr. Gliddon from the Museums of Europe, and yet undisplayed to the American public, will be exhibited and orally elucidated.

Craig, Printer, 116 Chestnut St.

Афишка египетской выставки Дж. Глиддона в Филадельфии (1850)

Это — первое известное упоминание «проклятия мумии». Рассказ оставался «потерянным», пока британский классик и египтолог Доминик Монсеррат не открыл его заново; первая перепечатка увидела свет в египтологическом журнале *KMT* летом 1998 г. В других произведениях Олкотт также упоминаются мумии; в 11-й главе «Маленьких мужчин» (1871) мистер Лаури говорит о мумиях и чудесах Египта.

«Мой Новый Год среди мумий», опубликованный в январе 1880 г. в журнале *Belgravia*, являлся, вероятно, первым рассказом о мумиях в британской периодике⁹. Под псевдонимом «Д. Арбутнот Вильсон» скрывался популяризатор науки Грант Аллен (1848-1899), уроженец Канады. Позднее Аллен раскрыл свое авторство и выступил с фантастическими романами, в том числе *The Beckoning Hand* (1887) и *The Great Taboo* (1891); он написал и один из первых романов о путешествиях во времени, *The British Barbarians* (1895). Упомянутый рассказ вошел в сборник Аллена *Strange Stories* (1884).

Сэр Артур Конан Дойль (1859-1930), создатель Шерлока Холмса, написал два рассказа о мумиях; некоторые считают их ключевыми элементами в построении современного мифа. В первом из них, «Кольцо Тота» (*Cornhill Magazine*, 1890) использовалась романтическая тема любви, побеждающей века. «Номер 249» — вероятно, первый рассказ, где мумия выступает как зловещий преследователь либо, по крайней мере, оружие зловещего персонажа.

В 1896 году был издан роман Тео Дугласа (миссис Генриетты Д. Эверетт, известной своим вышедшим в 1920 г. сборником «Маска смерти») *Iras: A Mystery*. В нем рассказывается о прекрасной девственнице, которая отвергает сватовство жреца Савака, а затем добровольно соглашается впасть в транс и быть похороненной заживо. Если истинный возлюбленный пробудит ее от вековечного сна «прежде, чем истекут семь эонов, ему она будет отдана. Но если не пробудится она прежде того срока, обратится в пыль и станет моей». Савак, поставивший это условие, ведет нечестную игру и добавляет к нему проклятие: «Если же будет найдена и пробуждена, ее возлюбленному предстоит померяться со мною силами, и ни он, ни девушка долго не проживут». Столетия спустя девушка пробуждается и обращается на беглом английском к египтологу Ральфу Лавенхэму; ученый, разумеется, и есть ее суженый.

---

⁹ Рассказ переводился на русский язык под названием «Среди мумий» и включен в настоящую антологию.

На ней цепочка с семью подвесками в виде цветков лотоса — по словам египтянки, каждый из них воплощает определенный отрезок времени. Пока талисманы при ней, она будет оставаться жива. Позабывшись о приличной одежде для дамы, Лавенхэм увозит египтянку в Шотландию и вступает с нею в незаконный брак. Подвески теряются одна за другой и Ирас, как назвал ее Лавенхэм, превращается в забинтованную мумию возрастом в несколько тысяч лет. В финальной части романа Лавенхэм пытается убедить окружающих в реальности существования его возлюбленной: никто из путешественников не встречал девушку.

Флакسمан Лоу был придуман «Е. и Х. Херон»; под этим псевдонимом выступали Хескет В. Причард (1876-1922) и его мать, Кейт О'Брайен Райалл Причард (1851-1935). Шесть рассказов о Флакسمане Лоу были опубликованы в *Pearson's Magazine* в 1898 году, в 1899-м за ними последовали еще шесть. В том же году они были собраны и опубликованы одной книгой. Флакسمан Лоу был первым в ряду многочисленных более поздних «окультиных» или «парапсихических» детективов; он на 15 лет опередил Карнаки, «искателя призраков» Уильяма Хоупа Ходжсона. В «Истории Бэлброу» (*Pearson's*, апрель 1898 года) Лоу встречается с периодически оживающей и превратившейся в вампира мумией.

В 1899 году австралиец Гай Бутби, живший в Англии, выпустил отдельным изданием «Фароса-египтянина», первый роман из будущей серии о зловещем докторе Никола, занятом поисками бессмертия (роман был впервые опубликован с продолжениями в *Windsor Magazine* в июле-декабре 1898 г.). Герой романа, художник Сирил Форестер, владеет мумией, привезенной из Египта его отцом. Появляется таинственный Фарос-египтянин; вскоре Сирил и мумия оказываются в Египте вместе с Фаросом — последний собирается вернуть мумию в гробницу. Сирил переживает множество увлекательных приключений, влюбляется и заражается вирусом чумы от «прививки» Фароса-египтянина, «худшего из непотребных дьяволов, каких только видал свет. Он никакой не Фарос, а маг Птахмес, поклявшийся отмстить роду человеческому». (Мумия и есть тело Фароса/Птахмеса; разобраться во всем этом довольно сложно, поскольку Птахмес, как выясняется, со времен своей смерти в дни иудейского Исхода существовал в форме Фароса). Фарос увозит Сирила обратно в Англию и вместе с ним посещает различные светские мероприятия, распространяя заразу. К счастью, Фарос снабжает беднягу лекарством, «останавливающим развитие болезни».

Бутби глубоко интересовался Древним Египтом; «Фарос-египтянин» — лишь один из нескольких его романов на египетскую тему. В рассказе Бутби «Профессор египтологии», написанном в 1904 г., мумии как таковой нет: автор предлагает любопытную вариацию на эту тему, заставляя современную женщину переместиться во времени для раскрытия древнего убийства.

В 1903 г. на сцену вышел Брэм Стокер, автор «Дракулы». Он сумел вдохновить немало будущих литературных произведений и несколько кинофильмов, физически соединив ожившую царственную особу Древнего Египта и живую современную героиню. В романе «Сокровище семи звезд» душа египетской царицы Теры вселяется в красавицу Маргарет, дочь египтолога. Тера ждет полного воскресения; для этого царице необходима ее рука — оторванная в семнадцатом веке, когда была обнаружена гробница с царственной мумией — и рубин с семью семиконечными звездами. В первой опубликованной версии планы воскресения рушатся, погибают все, за исключением Росса, рассказчика и жениха Маргарет. При переиздании романа в 1912 г. издатель потребовал сделать концовку счастливой; неизвестно, написал ли ее автор или сам издатель, так как Стокер умер незадолго до выхода книги. В новом варианте тело царицы исчезает, а Росс и Маргарет благополучно вступают в брак.

В «Немезиде огня» (1908) Алджернона Блэквуда Джон Сайленс, еще один оккультный детектив, расследует странные поджоги в сельском поместье. В конце концов оказывается, что виновна в них мумия, привезенная из Египта.

Египтолог-любитель Г. Райдер Хаггард посвятил Древнему Египту несколько романов, начиная с «Клеопатры» (1889). Его единственная вещь на тему мумий и сверхъестественного — повесть «Смит и фараоны», печатавшаяся с продолжениями в *Strand* (декабрь 1912 — февраль 1913)¹⁰. Упомянутый в заглавии Смит влюбляется в скульптурную головку египтянки, которую видит в музее, и со страстью погружается в изучение египтологии. Во время третьего путешествия в Египет он находит гробницу царицы Ма-Ми, той самой женщины, чьей скульптурой так восхищался; он также находит мумифицированную руку с двумя золотыми кольцами. Смит приносит находки в Каирский музей, и ему позволяют оставить у себя мумифицированную руку и одно из колец. Случайно запертый

---

¹⁰ На русском яз. выходила под названиями «Суд фараонов», «Среди фараонов», «Суд фараона». С мумиями повесть связана очень относительно.

в музее, он проводит там ночь и — не то во сне, не то благодаря магическим чарам — видит оживших царственных особ Древнего Египта, включая царицу Ма-Ми. Образ бессмертной древнеегипетской колдуньи Хаггард ранее разрабатывал в романе «Она» (впервые напечатанном с продолжениями в журнале *Graphic*, 2 октября 1886 — 8 января 1887 г.). Герой романа, искатель приключений Лео Винцей, разыскивает в Африке следы своего предка, египетского жреца эпохи Птолемеев, предположительно убитого древней колдуньей, «Той, которой повинуются все». Под именем королевы Аэши бессмертная колдунья правит в подземельях затерянного царства Кор: «Вся она была закутана белым газом; это напомнило мне мумию в могильном одеянии. Я перепутался еще больше при появлении призрачного существа, и волосы зашевелились на моей голове, хотя я мог ясно различить в этой мумии высокую и прекрасную женщину, обладающую удивительной, почти змеиной, гибкостью и грацией»¹¹. Аэша узнает в Лео жреца Калликрата и обещает ему вечную жизнь; для этого они должны ступить в Огонь Жизни у источника вулкана. Войдя в огонь, Аэша становится древней старухой и просит Лео помнить ее молодой и прекрасной. «Я не умру и снова вернусь, снова буду прекрасной, клянусь тебе!» — говорит она и умирает. За романом «Она» последовали два продолжения, «Аэша» (1910) и «Дочь мудрости» (1923).

Плодовитый английский писатель Артур Генри Сарсфилд Уорд, прославившийся под литературным псевдонимом «Сакс Ромер», был заядлым египтофилом, и в его произведениях часто появлялись египетские гробницы, пирамиды и тому подобное, но только время от времени мелькали мумии, редко становившиеся воплощением ужасного. В самом первом опубликованном рассказе Ромера, «Таинственная мумия» (*Pearson's Weekly*, 1903) речь идет, по сути, об отсутствии, а не присутствии мумии. В «Шепчущей мумии» шепот мумии оказывается мнимым. Случай с мумиями раследует оккультный детектив Морис Клау в рассказе «Обезглавленные мумии» (*New Magazine*, ноябрь 1913). Костлявый и зловещий «человек-мумия» в «Дьявольском докторе» (1916; другое название — «Возвращение доктора Фу-Манчу») является на самом

---

¹¹ Пер. В. Карпинской. Отметим некоторые моменты, пропущенные автором: во время туземных танцев, напоминающих обряды вуду, площадку освещают горящие мумии, а в своем финальном превращении Аэша уподобляется «высохшей мумии».

«Она» Г. Р. Хаггарда в представлении художника Д. Вильмсхерста

деле злодеем-человеком. В романе *Brood of the Witch-Queen* («Ведьмино отродье», 1918)¹², однако, мумия играет необычную и сверхъестественную роль. Древняя мумия ребенка превращается в живое дитя, сына «королевы ведьм»; он вырастает и становится колдуном, наделенным магическими способностями.

Мумии в раннем киноискусстве

На рубеже веков Древний Египет стал одной из тем нового вида искусства — кино. В эпоху немого кино было создано не менее трех дюжин кинофильмов, где появлялись мумии. Перечислим наиболее примечательные ленты:

Клеопатра (Франция, 1899, Star Films, английские названия: *Гробница Клеопатры*, *Ограбление гробницы Клеопатры*). Французский пионер кино Жорж Мельес (1861-1938) известен, прежде всего, *Путешествием на луну* (1902), но именно *Клеопатра* привлекла к нему внимание американского кинопродюсера Чарльза Урбана, начавшего распространять фильмы Мельеса в американском прокате. Герой фильма (сыгранный Мельесом) разрезает мумию на куски и затем воскрешает ее.

Мумия царя Рамзеса (Франция, 1909, Lux Studios, английское название: *Мумия царя Рамзеса*). В фильме реж. Жерара Буржуа ученый профессор воскрешает мумию.

Мумия (Германия, 1911, Thanhouser). Древнеегипетская принцесса оживает при помощи электричества. Она исполняет «восточный танец», соблазняя египтолога-любителя, профессора из Нью-Йорка.

Месть Египта (Франция, 1912). Наполеон Бонапарт лично руководит раскопками гробницы, во время которых обнаруживается саркофаг с мумией. Один из солдат тайно похищает кольцо мумии и отправляет его своей милой. Получив кольцо, женщина видит во сне, как мумия открывает глаза; в это время в спальню к ней прокрадывается грабитель и умерщвляет ее. Грабитель забирает кольцо и погибает; умирает также антиквар и человек, купивший кольцо. В конце концов египтолог возвращает мумии проклятое кольцо — и глаза ее загораются торжеством.

Когда душа с душой встречается (США, 1912, Essanay, реж. Фаррелл Мак-Дональд). Вероятно, первая кинолента о мумиях в США. Звезда немого кино Фрэнсис Бушман играет воскрешенного любовника, который покупает мумию возлюбленной, египетской принцессы (Долорес Кассинелли).

---

¹² Русский пер. под названием «Ведьмино отродье» опубликован изд. Salamandra P.V.V. в 2015 г.

Пыль Египта (США, 1915, Vitagraph, реж. Джордж Д. Бейкер). Сценарий фильма написал Алан Кэмбелл по своей одноименной пьесе. Заботам молодого человека (Антонио Морено) поручена египетская мумия. Герой засыпает; ему снится, что мумифицированная принцесса (Эдит Стори) оживает и самым комическим образом превращает его жизнь в ад. Проснувшись, он с радостью убеждается, что все это был лишь сон.

Гнев гробницы (Англия, 1915, Cricks & Martin, реж. Чарльз Калверт, прод. Джордж М. Крикс, сценарист Уильям Д. Эллиот). Призрак египетской принцессы рыщет по Лондону в поисках своей отрезанной мумифицированной руки, одержимый жаждой убийства. Возможно, первый полнометражный британский фильм ужасов; в американском прокате получил название *Мстительная рука*.

Глаза мумии Ма (Германия, 1918, реж. Эрнст Любич, английское название: *Глаза мумии*). Эту немую германскую киноленту иногда называют первым фильмом о мумиях, хотя мумий в ней нет. Не является она и фильмом ужасов — это трагическая мелодрама. Во время путешествия по Египту немецкий художник Вендланд (Гарри Лидтке) узнает о существовании мавзолея царицы Ма, месте настолько пугающем, что все побывавшие там сходят с ума. Египтянин Раду (Эмиль Яннингс) приводит его к гробнице и показывает саркофаг. Изображенные на саркофаге глаза медленно открываются, Раду бросается на художника. Тот прогоняет Раду, поднимает крышку и видит, что саркофаг служит проходом в небольшую комнату, где томится в заключении околдованная гипнозом Раду красавица (Пола Негри). Трюк с открывающимися глазами используется ими для ограбления туристов. Вендланд спасает женщину, увозит ее в Германию и женится на ней. Охваченный злостью Раду бредет по песчаной пустыне и теряет сознание. Его спасает и ставит на ноги немецкий принц. Раду становится его слугой и уезжает с хозяином в Германию. После нескольких гипнотических встреч Раду убивает свою бывшую пленницу.

Кинематографические версии глубоко повлияли на восприятие мумий среди широкой публики. Писатели не были исключением. Ранние фильмы о мумиях, к примеру, явно вдохновили роман Бертона Стивенсона *A King in Babylon* (1917). В нем повествуется о группе кинематографистов, навлекшей на себя проклятие фараона; есть и мотив давно утраченной и воскресающей любви.

Проклятие царя Туты

Всеобщая очарованность Древним Египтом достигла новых высот с открытием и последующим исследованием гробницы Ту-

танхамона, которое продолжалось десять лет. Эта находка вылилась во множество романов и рассказов о мумиях, но в то же время сыграла отрезвляющую роль. После широко освещавшегося прессы вскрытия мумии в общественном сознании закрепилась новая реальность — реальность мумии как иссохшей плоти и костей. Образ мумии, использовавшийся в рекламе и популярных комических песенках, отныне стал гораздо менее легкомысленным.

Открытие Карнарвона также послужило своеобразным «доказательством» идеи связанного с мумиями проклятия. Хотя древние египтяне иногда вырезали на стенах гробниц предупреждения, адресованные современными им грабителям, древнеегипетская культура не знала концепции проклятия, направленного против будущих осквернителей могил.

На протяжении долгой истории Египта ограбление гробниц представляло собой заметную социо-религиозную проблему. Надпись на стене одной датированной примерно 2500 годом д.н.э. гробницы проклинает тех, кто «совершит злые и непотребные деяния с саркофагом и любым камнем этой могилы» и обращается к местному богу с просьбой «не принимать никаких приношений [от грабителей, во искупление грехов]: да не унаследуют их наследники».

Но египтяне, готовившиеся к посмертной жизни, в большей степени заботились, пожалуй, о соблюдении религиозных и магических ритуалов. Важный чиновник времен фараонов Тети (2345-2332 д.н.э.) и Пепи I (2232-2283 д.н.э.) повелел высечь на своей гробнице следующее: «Что же до каждого, кто войдет в мою гробницу в некрополе, будучи нечистым и отведав мерзкую пищу... с таковым будет покончено за этот грех... Я сокрошу его шею, подобно птице... Я вселю в него страх предо мною».

В данном случае «проклятие» направлено против жрецов, которым перед входом в погребальную камеру не позволялось есть рыбу (считавшуюся в жреческом меню нечистой). В целом же мертвые охотно принимали в своих гробницах живых гостей. Их бессмертие обеспечивалось потоком приношений от живущих; последним полагалось для этого войти в гробницу — желательно, не распространяя вокруг себя рыбный запах.

Идея магического проклятия, связанного с осквернением могил, возникла в VII веке н.э. после завоевания Египта арабами-мусульманами. Древние надписи уже никто не мог прочитать, но среди простонародья еще сохранились обрывки языка и старинные верования; все это придавало египетским гробницам таинственный характер и вселяло в сердца благоговейный страх перед мертвыми.

Самым известным проклятием мумий стало «проклятие» царя «Тута». После того, как Говард Картер и лорд Карнарвон в 1922 г. нашли почти нетронутую гробницу Тутанхамона в Долине царей, журналисты толпой ринулись в Египет. Желая избавиться от назойливых толп газетчиков и их просьб посетить гробницу, Карнарвон предоставил лондонской «Таймс» право эксклюзивных репортажей. Всем — включая египтян — пришлось обращаться за новостями в Лондон.

Журналистам оказалось не о чем писать: вместо историй о сокровищах и драгоценностях они поневоле освещали бесконечные дразги между египетскими властями и Картером с Карнарвоном, которые относились к гробнице как к своей собственности. В марте 1923 г. популярная романистка Мария Корелли (в числе ее оккультных фантазий был и роман «Зиска», где фигурировали реинкарнации древних египтян и тайный подземный зал в пирамиде) — направила письмо в газету *New York Times*. Она утверждала, что в ее распоряжении находится перевод арабского текста, гласившего: «Крылья смерти постигнут любого, кто ступит в гробницу фараона»¹³. Вслед за вспышкой интереса со стороны изголодавшейся по новостям прессы история о проклятии, скорее всего, быстро умерла бы — но случилось так, что вскоре умер сам лорд Карнарвон.

Здоровье Карнарводна хромало со времен автомобильной аварии в 1903 г. У него были слабые легкие, он легко подхватывал различные болячки и надеялся спастись в Египте от сырости и холода британских зим. В начале 1923 года его укусил в щеку комар. При бритье он случайно порезал место укуса; быстро нача-

---

¹³ Автор не совсем точно излагает события: к Корелли обратилась газета *New York World* с просьбой прокомментировать болезнь лорда Карнарводна. В своем письме романистка писала: «Я не могу не думать о риске, связанном в проникновении в место последнего упокоения царя Египта, чья гробница охраняется особыми и высшими силами, и с похищением его сокровищ. В моем распоряжении имеется редкая книга, которой нет в Британском музее, озаглавленная “Египетское сокровище пирамид” и переведенная с арабского Вортье, профессором арабского языка при дворе французского короля Людовика XVI; в ней говорится, что *“неосмотрительно проникшего в запечатую гробницу ожидает самое страшное наказание”*. В книге содержатся длинные и подробные списки “сокровищ”, захороненных вместе с несколькими царями; в числе их упоминаются *“различные тайные яды, так искусно скрытые в шкатулках, что прикоснувшиеся к ним даже не поймут, по какой причине страдают”*. Вот почему я спрашиваю: “Был ли причиной столь серьезной болезни лорда Карнарводна комариный укус?”».

лось рожистое воспаление, а затем и пневмония. Карнарвон умер 5 апреля 1923 года.

В тот день, когда известие о смерти Карнарвона достигло Англии, репортер из «Таймс» интервьюировал сэра Артура Конан Дойля. Сэр Артур, придумавший логичного и сверхрационального сыщика Шерлока Холмса, сам верил во всевозможные фантазмагии, включая фей и разговоры с мертвыми. Когда репортер упомянул о письме Корелли, Дойль поддержал романистку и заявил, что смерть Карнарвона могла быть вызвана «элементариями», созданными древними египтянами для охраны гробницы¹⁴. Это высказывание обошло газеты всего мира.

«Новости» расцвечивались «подробностями», как например историей о том, что в момент смерти Карнарвона в Каире погасли все огни (городская энергосистема Каира часто давала сбои). Некоторые газеты даже утверждали, что «проклятие» Корелли было высечено на стене самой гробницы. В 1924 г. египтолог Артур Вейгалл описал ряд других событий, рассказав, в частности, о канарейке Картера, съеденной коброй (символом фараона); эти детали лишь придали вес абсурдной легенде.

На самом деле, из 26 человек, присутствовавших во время вскрытия гробницы, лишь шестеро умерли в течение десяти лет. Говард Картер, первый «осквернитель» гробницы, до конца жизни считал и утверждал, что любой здравомыслящий человек должен с презрением отвергнуть идею «проклятия фараонов». Он скончался в 1939 году.

Легенда была растиражирована Голливудом и популярной литературой. Некоторые придавали зловещий смысл любому египетскому артефакту. Даже с гибелью «Титаника» связывалось проклятие мумии из Британского музея. Зная о нем, англичане якобы продали мумию в коллекцию американского музея; мумия пересекала океан на обреченном «Титанике». История эта полностью вымышлена. Роковая мумия — это даже не мумия, а гробовая крышка (инв. номер ЕА 22542), которую до сих пор можно видеть в экспозиции Британского музея.

---

¹⁴ На самом деле Конан Дойль сделал это заявление в интервью, которое дал корреспонденту *Daily Express* сразу после прибытия в США; упоминалась также «роковая мумия» из Британского музея и смерть Б. Флетчера Робинсона (подробнее об этом см. статью П. Спиринга, приведенную в настоящей антологии). Корреспонденция, опубликованная на первой полосе «Дейли экспресс» 7 апреля 1923 г., была озаглавлена «Теория сэра А. Конан Дойля: “Элементарии”».

Говард Картер исследует гроб Тутанхамона.

О проклятии Тутанхамона вновь заговорили в 1970-х годах, когда выставка сокровищ из гробницы фараона отправилась в турне по музеям мира. Но истина в том, что нет никаких проклятий, связанных с какой-либо мумией или гробницей, что в гробнице Тутанхамона не были высечены никакие заклинания и что египетские артефакты не несут в себе никакой сверхъестественной угрозы.

В 2005 г. сокровища гробницы Тутанхамона были повторно выставлены в США, и на сей раз пресса чаще развенчивала, чем популяризировала миф о «проклятии фараонов». Быть может, представления о подобных проклятиях в основном стали теперь достоянием литературы ужасов и кинематографа.

Мумия в поздних кинофильмах

Кино, изначально строившееся на фольклоре и художественной литературе, давно превратилось в главного производителя мифов о мумиях. Если в ночных кошмарах кому-то видятся мстительные живые мертвецы, проклятия фараонов и мумии-убийцы, то образы эти, вероятно, сошли с киноэкранов. Их основным источником являются киноленты студии «Юниверсал» 1930-40-х гг. и выпущенные позднее вариации (включая фильмы 1950-60-х гг. производства кинокомпаний «Хаммер»).

За последние семьдесят с лишним лет было снято более трех десятков фильмов о мумиях. Далеко не первым, но наиболее знаменитым из них остается «Мумия» (*Universal Pictures*, 1932) режиссера Карла Фройнда с Борисом Карлоффом в главной роли.

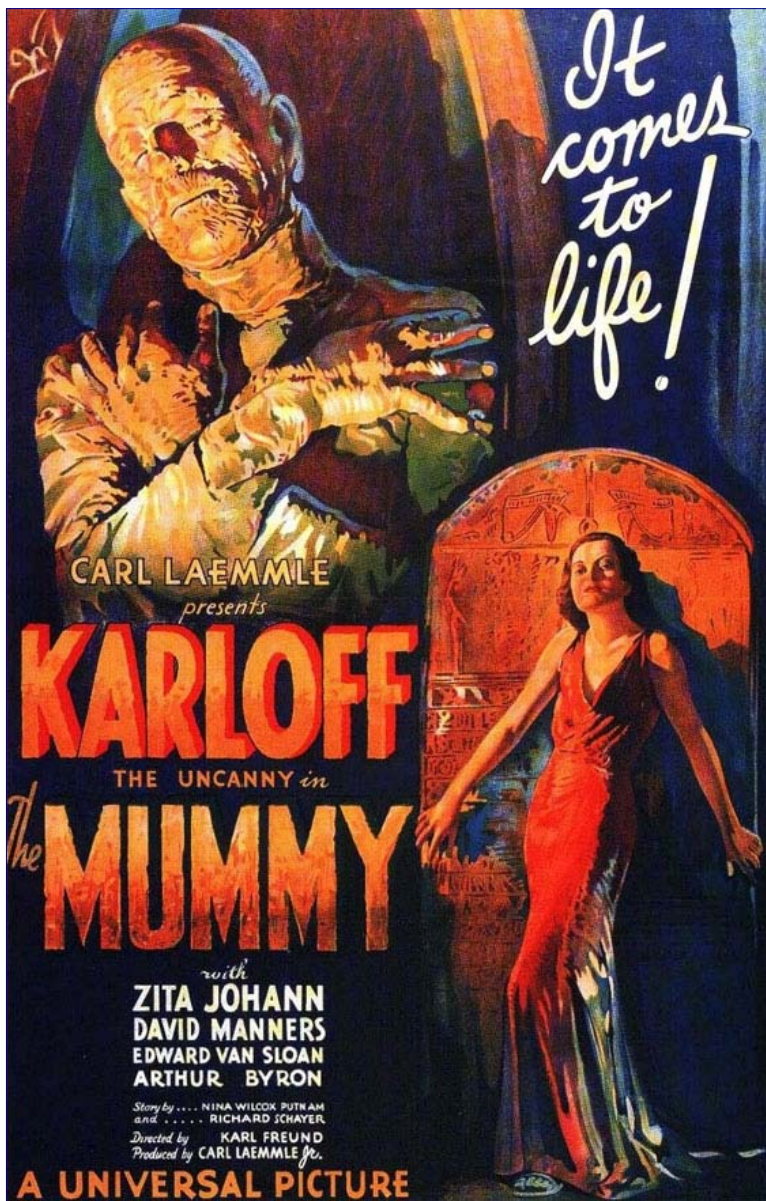
Карлофф изображает священника Имхотепа; в древности он был похоронен за попытку оживить свою умершую возлюбленную, девственную принцессу Анхесенамон. Могила Имхотепа обнаруживают современные археологи, и случайно прочтенное заклинание возвращает его к жизни. Действие происходит десять лет спустя; оживший священник — ныне таинственный каирский торговец Ардет-Бей — пытается вернуть утраченную любовь. Он помогает археологам найти нетронутую гробницу принцессы, а когда ее мумия оказывается в музее, читает над ней заклинания из магического папируса. Музейный охранник прерывает магическую операцию, но дух Анхесенамон (о чем еще не знает Имхотеп) поселяется в теле прелестной Элен Гросвенор (Зита Йоханн); она и внешне похожа на древнюю принцессу.

Тем временем в Элен влюбляется египтолог Фрэнк Уэмпл (Дэвид Мэннерс), сын обнаружившего мумию Имхотепа сэра Джозефа Уэмпла (Артур Байрон), который в свою очередь нашел могилу принцессы. (Он также признается, что чуточку влюбился в саму принцессу, разбирая ее древние вещи.) Маг-Имхотеп призывает к себе Элен, показывает ей прошлое и все, что ему пришлось испытать ради любви к ней. Элен не помнит эти откровения, но слабеет по мере того, как призывы Имхотепа становятся все более настойчивыми. За нею присматривают Фрэнк и доктор Мюллер (Эдвард ван Слоан), напоминающий ван Хельсинга из «Дракулы». Чары Имхотепа наконец берут верх, маг приводит Элен — в одеждах Анхесенамон и полностью во власти ее духа — в музей, к мумии принцессы. Вместо оживления мумии, Имхотеп собирается теперь умертвить Анхесенамон/Элен и превратить ее в живую мумию наподобие самого себя. Фрэнк и доктор Мюллер спешат на помощь, но против чар Имхотепа они бессильны. Девушка призывает богиню Исиду и молит ее вмешаться. Статуя богини поднимает руку с анхом (символом жизни) и поражает Имхотепа; тот высыхает, превращается в скелет и затем в прах.

Темы любви и воскрешения в этом фильме являются центральными для нашего образа мумии как архетипа ужасного. Обреченную и мрачную любовную страсть, соединяющую настоящее и прошлое, нетрудно счесть метафорой самой нашей увлеченности Древним Египтом. Нам нравятся сентиментальные нотки, но вторжение мертвого прошлого в живое настоящее также таит в себе намек на запретную эротику и некрофилию.

«Мумия» лишь поверхностно касалась другой постоянной темы поджанра, а именно проклятия; правда, в кинофильме говорится о проклятии, направленном против того, кто откроет ящик с магическим Свитком Тота. Более того, фильм отразил громадный интерес публики к Древнему Египту, возникший после открытия гробницы Тутанхамона в 1922 г. Вымышленное проклятие прочно ассоциировалось с этим открытием; оно стало частью распространенного образа мумии и сказалось в атмосфере, если не сюжете киноленты.

Карлофф, в поразительном гриме, созданном Джеком Пирсом, изображает Имхотепа-мумию только в самом начале фильма. Охранника музея и (магическим способом) сэра Джозефа Имхотеп убивает в облике Ардет-Бея — человека престарелого, физически хрупкого, несколько изможденного. В этом же облике он пытается убить Фрэнка и собирается умертвить Анхесенамон-Элен, чтобы превратить ее, подобно себе, в живой труп.

Афиша фильма «Мумия» (1932)

В отличие от прочих фильмов о монстрах, выпущенных в эти годы «Юниверсал», у «Мумии» не было прямого литературного прототипа, хотя в кинофильме и обыгрывались литературные мотивы утраченной и обретенной спустя тысячелетия любви и современной женщины, напоминающей древнюю героиню. Очевидны также параллели со снятым ранее «Дракулой»: и здесь, и там действовало ожившее и почти бессмертное существо, наделенное оккультными силами, которое стремится подчинить себе женщину и овладеть ею, обратив ее в живого мертвеца. И Дракула, и Мумия обладают гипнотическими способностями и могут поработать некоторых людей, оба создания боятся крестообразных религиозных символов. Есть и различия — Имхотепом движет любовь, и он, несмотря на все свои преступления, пострадал за эту любовь больше кого-либо другого. Имхотепа же убивает богиня, а не простые смертные, и он не может вновь воскреснуть к подобию жизни.

Фильм оказался достаточно успешным; в 1940-х гг. компания «Юниверсал» продолжала эксплуатировать тему мумии, выпустив серию нудных, лишенных воображения продолжений. Эти фильмы не имели ничего общего ни с тонкой игрой Бориса Карлоффа, ни с первоначальной Мумией и ее сверхъестественными способностями. В них появился Харис, неуклюжая мумия, которая с трудом тащилась на негнущихся ногах, волоча за собой бинты; ее неизменно убивали люди, и так же неизменно она воскресала. Харис служил людскому злу и был существом, которое могли победить «хорошие» персонажи. В этих фильмах мумия предстала в виде ковыляющего, шатающегося, но обладающего невиданной силой гуманоида в отрепье, который похищает женщин. Эта мумия в буквальном смысле слова тупа, неповоротлива и выглядит жалкой.

В первой киноленте серии, «Рука мумии» (1940), сыграл привлекательный и атлетически сложенный ковбой-кинозвезда Том Тайлер. В «Гробнице мумии» (1942) тряпки Хариса неохотно примерил известный по фильмам ужасов актер Лон Чейни-мл. Вслед за тем вышли на экраны «Призрак мумии» (1944) и «Проклятие мумии» (1944).

Возвращение мумии состоялось в 1959 году. Британская киностудия «Хаммер», которая приобрела права на монстров «Юниверсал», соединила мотивы первоначальной «Мумии» и мифа Хариса из фильмов-продолжений. Создателям новой «Мумии» удалось задействовать практически все связанные с мумией темы и клише: здесь и опасность неизведанного, и реанимирование мерт-

вых, и похороны заживо, и утраченная любовь, а также древняя/ современная женщина, месть, экзотическая магия и проклятия.

В главных ролях снялись Питер Кашинг (Джон Бэннинг) и Кристофер Ли (Мумия-Харис); фильм был поставлен режиссером Теренсом Фишером по сценарию Джимми Сангстера. Действие происходит в Египте в 1895 году. Из-за травмы ноги Джон Бэннинг не может присутствовать при вскрытии гробницы принцессы Ананки, найденной его отцом Стивеном (Феликс Эйлер) и дядей Джо. Один из египтян (Джордж Пастелл) предупреждает: «Тот, кто грабит могилы Египта, умрет», но археологи не обращают на это никакого внимания. В гробнице Стивен Бэннинг читает «Свиток жизни» и теряет рассудок. Его отправляют в Англию; Джон и его дядя исследуют и запечатывают гробницу. Три года спустя молчавший все это время в клинике для душевнобольных старший Бэннинг внезапно обретает дар речи и объясняет, что чтение папируса вернуло к жизни мумию и что ожившая мумия уничтожит святотатцев. Джон пропускает предупреждение мимо ушей. Тем временем компания грузоперевозок случайно топит в болоте ящик с египетскими древностями. Его транспортировку заказал переодетый Мехмет, тот самый человек, что предупреждал археологов в Египте о проклятии. Мехмет возвращается ночью и читает заклинания из магического папируса; мумия Хариса восстает к жизни и начинает убивать. Джон узнает, что Харис был жрецом, тайно влюбленным в принцессу; за попытку вернуть ее из мира мертвых он был похоронен заживо. Слабое место Хариса — Изобель, жена Джона (Ивонн Ферно) и живое воплощение принцессы Ананки (по крайней мере, с распущенными волосами). В конце концов Мумия похищает Изобель, ее спасают, а застреленная мумия тонет в болоте.

Премьера фильма состоялась 23 октября 1959 года; сборы и в Англии, и в США, где фильм вышел на экраны в декабре, оставили позади успех выпущенного годом ранее «Дракулы».

Продолжения «Мумии» были фильмами влоростепенными и снятыми более небрежно. Они включают «Проклятие гробницы мумии» (1964), «Покров мумии» (1966), и «Кровь из гробницы мумии» (1971). В последнем фильме, которые почерпнул элементы фабулы из «Сокровища семи звезд» Брэма Стокера, действовала не мумия, а воскресшая принцесса.

Мумии фигурировали во многих кинематографических и телевизионных драмах 1950-80-х годов, включая четыре эпизода «Пирамид Марса» (1963) из сериала «Доктор Кто» (мумии, прав-

Афиша фильма «Мумия» Т. Фишера (1959)

да, оказались здесь вовсе не мумиями). Вышли и три экранизации «Сокровища семи звезд» Стокера: «Проклятие мумии» (1971), «Пробуждение» (1980) и «Легенда о мумии» (или «Легенда о мумии Брэма Стокера», 1998).

Мумия в поздней художественной литературе

В 1920-30-х годах, когда мир следил за новостями из гробницы Тутанхамона, вышло немало романов на египетскую тему. В некоторых встречались и мумии — *The Palgrave Mummy* Флоренс М. Петри (1929), *The Mummy Case Mystery* Дермота Морана (1933), *The Mummy Moves* Мэри Гаунт (1910, переиздан в 1925). Истории об экзотическом и таинственном Египте постоянно встречались на страницах pulp-журналов, процветавших в США в 1920-1940-х гг.; встречались в них и мумии. Как и о большей части pulp-литературы, об этих произведениях лучше забыть, но попадались среди них и вещи интересные. Лучшие рассказы о мумиях были опубликованы в *Weird Tales*.

Издатель этого журнала, Джейкоб Кларк Хеннебергер, связал знаменитого фокусника Гарри Гудини с Г. Ф. Лавкрафтом, создателем цикла повестей и рассказов ужасов, известных как «Мифы Ктулху». Лавкрафт выступил литературным обработчиком новеллы «Под пирамидами», опубликованной в *Weird Tales* под названием «Заточенный с фараонами» (май-июль 1924). В письме к Фрэнку Белкнапу Лонгу, датированном 14 февраля 1924 г., Лавкрафт пренебрежительно отзывался об этом проекте:

Мне придется изобрести сюжет и придать ему самую макабрическую окраску. Пока что я не знаю, насколько далеко смогу зайти, так как, судя по образчику рассказа Гудини, присланному мне Хеннебергером, фокусник пытается выдать эти мюнхгаузианы за реальные приключения. Он самовлюблен до крайности, что видно с первого взгляда. Но в любом случае, думаю, мне удастся вплести некоторые довольно шокирующие вещи... неведомые нижние пещеры, горящие среди набальзамированных мертвецов огни или ужасную судьбу проводников-арабов, которые пытались напугать Нашего Героя.

Совместно с Хейзел Хилд Лавкрафт позднее написал еще один рассказ о мумии, «Out of the Aeons» (*Weird Tales*, апрель 1935), где его зачастую цветистый стиль становится поистине витиеватым и

пышным¹⁵.

В «Империи некромантов» Кларка Эштона Смита (*Weird Tales*, сентябрь 1932) два злых мага реанимируют мертвецов в пустыне Синкор на вымышленном континенте Зотика. Героями выступают две бывшие мумии, которые расправляются с некромантами и даруют своему народу вечный покой.

«Тайна Себека» (ноябрь 1937) и продолжение, «Глаза мумии» (апрель 1938), опубликованные в *Weird Tales*, были написаны Робертом Блохом (1917-1994)¹⁶. Как рассказал в интервью Блох, он впервые купил номер *Weird Tales* в 1927 году, соблазнившись «египетским мотивом обложки и притягательностью слова *Weird* в названии». В первом рассказе задуманное осквернение мумии жреца крокодилового Себека приводит к нескольким смертям. В конце не то сам бог, не то оживший жрец с головой крокодила вонзает зубы в последнюю жертву. В отличие от многих авторов рассказов о мумиях, Блоху удается передать некоторые элементы настоящего ужаса.

В декабре 1938 г. Блох, под псевдонимом «Тарльтон Фиск», опубликовал в *Weird Tales* рассказ «Жуки», посвященный жуткой судьбе археолога, открывшего гроб проклятой мумии. Позднее Блох переделал рассказ в телеспектакль, ставший основой одного из эпизодов (1987) сериала «Истории с темной стороны». (В другом эпизоде 1987 г., основанном на рассказе Харви Джейкобса «Грабители могил», охотники за сокровищами случайно оживляют мумию, которая затем играет с ними в стриптиз-покер и мстит проигравшему.)

Английский писатель Э. Ф. Бенсон (1867-1940) с молодости интересовался археологией и три года проработал археологом в Египте и Греции. Археологические познания отразились в его сочинениях, что не помешало ему писать и о проклятии мумии, как например в рассказе «Обезьяны» (*Weird Tales*, декабрь 1933).

В рассказе Сибери Квинна (1889-1969) «Человек с Кресцент-Террас» (*Weird Tales*, март 1946) мумия убивает жителя Лондона. Окультный детектив Жюль де Гранден, щелкнув своей зажигалкой, сжигает мумию-убийцу.

В «Жизни за жизнь» Денниса Уитли, рассказе из авторского сборника «Бандиты, кавалеры и призраки» (1943) герою каж-

---

¹⁵ Название рассказа чаще всего переводится на русский как «Вне времени» или «Вне времен», хотя точнее было бы — «Из бездны тысячелетий».

¹⁶ Весь «египетский цикл» Р. Блоха состоит из пяти рассказов, к которым при-
мыкают упоминаемые ниже «Жуки».

дую ночь снится прекрасная золотоволосая мумия, которая постепенно выпивает из него все соки жизни.

В пятидесятые годы истории о мумиях появлялись реже и часто носили юмористический характер. Таков роман Уолтера Лейта «Археолог и принцесса» (1957), где археолог влюбляется в воскресшую мумию. Роберт Силверберг и Рэндалл Гарретт, под псевдонимом «Клайд Митчелл», написали новеллу «Мумия женится», «безумную смесь мумий, дамочек и всеобщей неразберихи», согласно аннотации в журнале *Fantastic Science Fiction* (декабрь 1956).

«Карл Дредстоун» — издательский псевдоним ряда авторов, писавших романы по классическим фильмам ужасов — опубликовал в 1977 году беллетристическую версию «Мумии». (Автором ряда этих романов, но не указанного выше, был ведущий британский мастер ужасов Рэмси Кэмпбелл). В увлекательном романе Чарльза Гранта «Долгая ночь могилы» (1986) действует убийца-мумия по прозвищу «Черная тень». Превосходный роман Майкла Пэйна¹⁷ «Города мертвых» — леденящий кровь, атмосферный и исторически добротный триллер, рассказчиком в котором выступает Говард Картер. Роман представляет собой отрывки из вымышленного дневника Картера 1903-04 годов: в записях, сделанных задолго до открытия гробницы Тутанхамона, речь идет не о живых мертвецах, а о тайнах жизни и посмертного существования. (В лицензионном романе 2006 г. «Мумия: темное возрождение» Пэйн обратился к Мумии из фильмов «Юниверсал»).

Наиболее успешной книгой о мумии, бесспорно, стал роман Энн Райс «Мумия, или Рамзес Проклятый» (1989). Под пером Райс тема бессмертной любви и страсти превращается скорее в эротическо-любовную историю, чем в роман ужасов, хотя сама идея воскресения Рамзеса Великого в виде голубоглазого культуриста довольно-таки пугающа. Райс первоначально написала эту вещь в качестве сценарной разработки для фильма. Продюсеры отвергли ее труд и потребовали существенных изменений, после чего Райс забрала свои материалы и на основе их создала роман. Возможно, хоть однажды продюсеры оказались правы... В романе рассказывается об открытии гробницы Рамзеса II (чья мумия, как выясняется, вовсе не хранится в Каирском музее). Благодаря чудесному эликсиру Рамзес обрел бессмертие; он жил и во времена Клеопатры VII, правившей Египтом спустя 1,200

---

¹⁷ Псевдоним Джона Майкла Курловича.

лет после его смерти, и был влюблен в царицу. Мумия Рамзеса оживает в виде мужчины совершенной красоты; дочь археолога, открывшего гробницу фараона, влюбляется в него и знакомит его с современной жизнью. Рамзес разозлен тем, как люди XX века воспринимают его возлюбленную Клеопатру; он отправляется в Египет и узнает в «неизвестной» мумифицированной женщине царицу. С помощью эликсира бессмертия Рамзес оживляет Клеопатру, но та лишается своего прекрасного тела и разума. Она становится ходячим трупом, массой гниющей безумной плоти, убивающей без малейшего признака жалости. Хотя в этой чрезвычайно популярной книге происходит еще много событий, финал остается более-менее открытым и обещает продолжение, которое пока что так и не было написано. Много лет ходили слухи об экранизации романа.

В антологиях рассказов о мумиях часто публикуются одни и те же произведения. Столь же часто и почти без исключения все они включают произведения, где мумий как таковых нет. В тонком карманном издании *The Mummy Walks Among Us* (1971) под редакцией Вика Гидалии были собраны рассказы из pulp-журналов. В *Mummy!* (1980, ред. Билл Пронзини) читателю были предложены семь перепечаток классических вещей и пять новых рассказов, не имеющих отношения к египетской культуре. Рассказы из *The Mummy: Stories of the Living Corpse* Питера Хейнинга (1988) в основном представляли собой перепечатки и включали ностальгический рассказ Рэя Брэдбери «Подлинная египетская мумия работы полковника Стоунстила». В *Mummy Stories* под редакцией Мартина Гринберга (1990) вошли пять слабых оригинальных рассказов и девять перепечаток.

Мумии появлялись и в комиксах, в том числе мумии, основанные на персонажах классических фильмов; вышел также «эротический» комикс и роскошная лимитированная серия в 12 частях по роману Энн Райс. Вероятно, самой запоминающейся мумией в комиксах был Н'Канту, Живая Мумия (созданный Стивом Гербером и Ричем Баклером). Этот воин из североафриканского племени, поработившего древними египтянами, пытался поднять восстание и был усмирен с помощью парализующего вещества. Его кровь выкачали, а вместо нее в вены закачали особый состав, сохраняющий жизнь. Затем Н'Канту завернули в папирус и поместили в гробницу в качестве мумии. Три тысячи лет спустя паралич проходит и Н'Канту, сошедший с ума после трех тысячелетий, проведенных в темноте и неподвижности, выбирается из могилы. Впервые этот герой появился в пятом выпуске *Superna-*

tural Thrillers (Marvel, 1973). После нескольких комиксов 1980-90-х годов он вновь возник в *Nick Fury's Howling Commandos*, №№ 1-6 (Marvel, декабрь 2005 — май 2006).

Мумии в недавней литературе и кинофильмах

Интерес к теме мумии пробудился вновь в 1999 году благодаря выпущенному «Юниверсал» блокбастеру «Мумия»; фильм был поставлен Стивеном Соммерсом, главную роль исполнил Брендан Фрэйзер. В нем рассказывается о находке мумифицированного тела Имхотепа (Арнольд Вослу), египетского жреца, который в свое время влюбился в наложницу фараона, попытался вернуть ее из мира мертвых, был схвачен и заживо мумифицирован. Восстав из мертвых, он приобретает грандиозную магическую силу, воскрешает армию живых мертвецов и обрушивает на врагов библейские казни египетские. В этом популярном кинофильме, полном замечательных спецэффектов, была сделана попытка отойти от забинтованного монстра и вернуться к ожившему сверхъестественному и почти бессмертному существу, которое ищет свою давно утраченную (но не девственную) возлюбленную. В конце концов, когда «духи египетских богов» уже готовы воплотиться, Эвелин (Рэйчел Вайс, современная версия Анхесенамон) читает заклинание, полчища плохих мумий-жрецов обращаются в пыль, а Имхотеп становится смертным. Перед гибелью он произносит слова, которые Эвелин переводит как «Смерть — это лишь начало». Несмотря на некоторые сцены, где режиссер стремится напугать зрителей, «Мумия» получилась в конечном итоге приключенческим фильмом с комедийными элементами, которые словно говорят, что происходящее на экране — всего лишь развлечение и не должно восприниматься всерьез.

Фильм собрал в мировом прокате более 400 миллионов долларов; продолжение было неизбежным. «Мумия возвращается», также поставленная Стивеном Соммерсом, вышла в 2001 году. Здесь мало что осталось от традиционной канвы историй о мумиях. Стоит Имхотепу восстать из мертвых, как на зрителя обрушивается великолепный спектакль: битвы, схватки, погони, нападения мумий, големов и высушенных голов... Каждому что-то предопределено. Атмосфера мистическая. Мир спасен, но к концу фильма немногих зрителей это волнует. Весьма доходное допол-

нение 2002 года, «Царь скорпионов», никак не связано с мумиями.

Франшиза, по оценкам, принесла около миллиарда долларов брутто и включала также DVD, компьютерные игры, «Месть мумии» (тематический парк с современными технологиями), книги по фильмам и мультипликационный телефильм (2001-2002).

Попыткой прокатиться на волне новой «мании мумий» стали антологии *Into the Mummy's Tomb* Джона Ричарда Стивенса (2001) и *Pharaoh Fantastic* Мартина Гринберга и Бриттани А. Корен (2002). Первая состояла из перепечаток, во вторую вошли 13 оригинальных рассказов, из которых только два были связаны с мумиями. Антология *Return From the Dead: Classic Mummy Stories* (ред. Дэвид Стюарт Дэвис, 2004) состояла из старых рассказов.

Роман Ричарда Лаймона об ожившей мумии был в 1979 году отклонен издательством «Уорнер Букс». Впоследствии Лаймон использовал образ мумифицированной женщины с колом в сердце в романе «Кол» (1991). После смерти Лаймона в 2001 году, его роман вышел в Англии под названием «Амара» (2003), а в США — под названием «Пробуждая мертвых». Мумия, рыжеволосая жена Ментухотепа I, устраивает кровавое побоище в Южной Калифорнии. Согласно рецензии в *Publishers Weekly* (25 августа 2003), из трех сюжетных линий «наименее интересна та, что связана с мумией, так как злобное, нетвердо держащееся на ногах чудовище в сущности лишено отличительных черт, подобно мумиям в старых фильмах “Юниверсал”; это просто слепая сила, которую необходимо одолеть».

В наши дни мумии чаще встречаются в детективах и триллерах, чем в литературе ужасов, причем не как основная тема, а как элементы сюжета. В *Blood Lines* (1993) Тани Хафф, книги из серии о бывшей полицейской Вики Нельсон и ее напарнике-вампире, присутствует любовная линия и мумия на улицах современного Торонто. Действие романов Элизабет Питерс происходит в конце XIX-начале XX века; ее чудесная героиня Амелия Пибоди изучает древнеегипетские гробницы и раскрывает убийства вместе со своим мужем Рэдклиффом Эмерсоном и одаренным сыном Рамзесом. События в первом романе, «Крокодил на песчаном берегу» (1975), приурочены к 1884 году. В 2006 г. вышел восемнадцатый роман серии, «Гробница золотой птицы», в котором герои принимают участие в открытии гробницы Тутанхамона в 1922 г. Это исторически и археологически точные («Элизабет Питерс» — псевдоним доктора египтологии Барбары Мертиц), умные и хорошо скомпонованные детективы, не лишенные элементов трил-

лера и ужаса, но лишь поверхностно связанные с мумиями. В числе многих выпущенных Мертц книг можно также назвать «Голову шакала» (1968, под псевдонимом Элизабет Питерс) и «Ищи в тенях» (1987, под псевдонимом Барбара Майклс); оба романа — триллеры на египетскую тему.

Линда С. Робинсон (еще один автор с египтологическим образованием) написала серию детективов, чье действие происходит в Египте восемнадцатой династии, во времена Тутанхамона. Она тщательно избегает голливудских клише и мелодрам о Древнем Египте, предлагая вместо этого собственное видение египетской культуры, поглощенной мыслями о смерти и трупах. В первой книге серии, *Murder in the Place of Anybis* (1994) древнеегипетский «детектив» Мерен расследует убийство в мастерской бальзамировщиков.

Литературный мэйнстрим дал необычный роман Артура Филлипса «Египтолог» (2004); убийство и самоубийство в нем связаны с мумиями, но оживших мумий в романе нет.

Вернется ли когда-нибудь литература ужасов к мифу о мумии? Современные авторы успешно (и не очень успешно) обращаются к вампирской легенде; заново интерпретируется образ вервольфа. Всякое возможно, но главная проблема в том, что ожившая мумия может либо сохранить свои покровы и влиться в ряды ходячих мертвецов — а практически любая жертва способна от них спастись, как только преодолеет первый страх — либо сбросить бинты и предстать ревенантом со сверхъестественными способностями и/или противоестественными желаниями. Так или иначе, подобная мумия — больше не мумия. Идею «бессмертного существа» нелегко объяснить логически: к чему бессмертным становиться мумиями? И скольких жрецов можно похоронить заживо? Проклятие из загробного мира? Но для этого не очень-то нужна мумия. Как, впрочем, и реинкарнация.

Интерес к Древнему Египту по-прежнему велик. Современная наука располагает целой сокровищницей знаний, которыми успешно пользуются авторы триллеров, детективов, любовных и исторических романов. Писатели, работающие в этих жанрах, вдохновляются Древним Египтом в целом; если же им понадобятся воплощения ужасного, в богатой египетской мифологии можно вполне найти кое-что новое.

Николай Христофор Радзивилл

**Из книги
«ПОХОЖДЕНИЕ В ЗЕМЛЮ СВЯТУЮ
И В ЕГИПЕТ»**

(1610)

Здесь хотелось бы мне упомянуть о том, что извели на своем опыте мореходы, а именно, что если находится в каком корабле мумия, кораблю тому грозят большие опасности или совершенная гибель. Того ради прилежно на-казуют тем, что поклажу свою на корабли переносят, чтобы мумии с собой не брали, полагая тому следующую причи-ну: поскольку мумии суть тела язычников, в коих вместе с ними погребены идола, то нет сомнения, что тела и самые души их пребывают во власти и попечении дьявола, како-вой не оставляет их своими заботами, куда бы их ни пере-возили. Находясь в Каире, я спускался к гробам в пещеру, наполненную такими телами, где купил два тела, мужское и женское, точно так обернутые, как они там лежали; и да-бы удобнее было везти, разделил каждое на три части и ве-лел положить их порознь в особые ящики, сделанные из древесной коры, а идолов отдельно; всего же было шесть длинных ящиков и седьмой с идолами. Но когда, еще на су-ше, я узнал от корабельщиков об опасности, коей грозят на море эти тела, стал я советоваться со многими знакомыми купцами, спрашивая, как мне надлежит поступить и спра-ведливо ли то, что корабельщики рассказывают? Некото-рые утверждали, что корабельщики не лгут, другие же, на-против, почитали то за баснь, уверяя, что сами часто му-мии в Италию морем возили и никакой опасности не вида-ли. И потому задумал я взять те тела с собою, дабы пока-зать в Европе, как они в Египте обретаются, а также затем, что никогда не видел их привезенными к нам в целости. Не сказав ничего корабельщику, велел я с другими моими вещами перенести на корабль и те семь ящиков, но тут же едва не попал в великие хлопоты. Ибо когда в Александрии пришли турки осматривать вещи мои, то привели с собою еврея, который у них служил переводчиком и нотариусом. Сей еврей приятствовал христианам и жалел их, ибо чрез него дела и купли христианские шли, отчего имел всегда и прибыль и некий подарок; завидев мумии, тотчас велел за-переть ящики и обвязать веревками. Туркам же, которых мы потчевали вином, сказал, что ничего в тех ящиках не было, только черепахи панцири, какие обыкновенно попадают

на морских берегах. Турки ему поверили, положась на него как на своего приказчика, тем паче не хотелось им скоро оставлять наши чертоги и вино. Причина же тому, что турки за-прещают мумии вывозить, такова: будучи сами весьма преданы суевериям, верят они, что христиане вывозят те тела ради колдовства ради, дабы потом туркам и их владениям чрезвычайный вред чинить. В рассуждении сего почти невозможно купцам вывозить целые мумии, и купцы обыкновенно вывозят их по частям. Я поднес еврею щедрый подарок, ибо если бы он объявил туркам о мумиях, причинил бы мне много бед, от коих откупаться пришлось бы немалыми деньгами, а то и великую опасность. В первых бурях морских никто из нас отнюдь о мумиях не вспомнил. Но был со мною польский священник, именем Симон Белогорский, который имел проездную грамоту от короля Стефана и посетил гроб Господень в Иерусалиме. Виделись мы с ним впервые в Триполи, по возвращении из Иерусалима, а вторично в Каире, когда ехал я в Египет, а он в Иерусалим. Наконец пришел он в Александрию в двадцатый час субботы, мне же на другой день должно было отправляться в Европу. И так как он, находясь в чужой стороне без денег, пришел ко мне просить помощи, я, в чем можно было, с радостью помог, но заметил, что он в скором времени опять дойдет до крайности; притом и сам он, не имея никакой причины оставаться в Египте, просил меня привезти его в христианские владения, и я охотно согласился на просьбу его. Сей священник ничего не знал о том, что я намерен везти мумии, поскольку за три дня до прибытия его в Александрию я перенес все вещи мои на корабль, сам же проживал в городе, ожидая попутного ветра. Когда настигла нас первая буря, никто и не вспомнил о мумиях; но священник жаловался мне, что два чудища-искусителя препятствовали ему в молитве и всюду следовали за ним, куда бы он ни скрылся в корабле. Сие приключение меня удивило, и после бури (как обыкновенно меж людьми случается, что ежели в общем несчастьи содеется с ними нечто особенное, более к смеху, чем к состраданию бывають склонны) стал я смеяться над его беспокойством, думая, что сии привидения произошли от страха и морского смуще-

ния, как часто случается с плавающими во время опасности. Однако во вторую бурю еще сильнее жаловался он на привидения, сказывая, что видел двоих людей, мужчину и женщину, черных, в таком-то одеянии; и сим привел меня в удивление, ибо описываемое им одеяние было точно такое, какое на мумиях находилось, хотя он их и не видел, да не только он, но никто из слуг моих о тех телах не знал, исключая тех двоих, что были со мной в пещерах каирских и, конечно, никому не открыли сей тайны, тем паче человеку постороннему; но и тогда не пришли мне на мысль мумии. Наконец священник в великом смятении, побледнев и дрожа, прибежал ко мне и рассказывал, сколь страшно мучили его сии привидения-искусители во время молитвы. Здесь я подумал, что терпит он сие чрез мумии, и пришло мне на мысль тайно бросить в море ящики с мумиями; почему, не высказывая причины, послал к кормщику, дабы велел он отворить нижнюю часть корабля, но он отвечал, что не может того сделать по причине великих волн, почти покрывавших корабль, и сказал: «Погодите немного, нет нужды лазить прежде времени вниз, все на дне морском будем, когда потонем». Но и сами уж видели мы, что отворять корабль было весьма опасно. Но с другой стороны тот священник, Симон, все плакался и жаловался на привидения, чем привел меня в нерешимость, что мне предпринять должно.

На рассвете, когда показалось нам светило св. Германа и противный ветер начал утихать, приказал я отворить корабль. Хотя при явлении сего светила за подлинно положить можно было, что корабль избежал опасности, но поскольку священника страшные привидения мучить не перестали, велел я те ящики с мумиями бросить в море. И только сие было исполнено, прибежал ко мне кормщик, спрашивая, что мы бросили в море, не мумии ли? Я ему признался, отчего он пришел в великий ужас, после же, успокоившись, обрадовался и сказал, что более таких вихрей и бурь в пути не увидим. Так оно и было. И хотя у острова Карпатос восстала было буря, но не весьма сильная и при явившемся один раз светиле св. Германа прекратилась. После же кормщик сказывал мне, что когда посылал я к нему ночью, дабы отворить корабль, он по

причине вздымающихся волн никак не отворил бы, хотя бы и для мумий, и никакой не имел надежды, ожидая только, когда погрузимся мы с кораблем в глубины морские. Между тем спрашивал меня и священник, что я бросил в море. Когда я ему сказал, что мумию, он еще более ужаснулся и начал меня укорять, что я осмелился возить с собою языческие тела, производящие страшные явления, от которых он много пострадал. Я же, дабы не подать ему о себе подозрения, причину моего поступка предложил таковую: поскольку мумия весьма часто нужна к изготовлению некоторых лекарств, то в рассуждении сего положил я оную привезти, притом и церковь наша не возбраняет вывозить мумии в свою страну. Когда приехали мы на Крит, он спрашивал о том мнения богословов, которые ему доказали, что христианам не запрещается вывозить мумии. И на том он успокоился. Из сего видно, что он во время путешествия не знал о тех телах, ибо если ведал бы, то не оставил бы меня без увещаний, будучи побуждаем к тому страхом, особливо когда мы уже помышляли о смерти, и он сам читал с нами молитвы, пристойные сему бедоносному случаю.

О сем я написал не с тем, дабы утвердить, что тела мумий причиняют кораблекрушения, но дабы о всем приключившемся в плавании уведомить. О священнике же ничего иного нельзя сказать, как только, что был он весьма богобоязнен и благочестив, и плыл со мною до самой Корциры, после же во исполнения обета поехал в Компостеллу, оттуда в Рим, а из оного возвратился в Польшу. Я почитаю нужным упомянуть здесь обстоятельно о его видении, которое ему случилось после великой бури, свирепствовавшей у острова Карпатос. Он, стоя на молитве, как сам сказывал, видел, что корабль наш разбит на части, и мы все были повержены в море. Между тем Пресвятая Дева, покрыв нас своею ризой, и разбитые части корабля собрав, изрекла: «Зрите, в какой опасности были!» После чего священник как будто от сна пробудился, что мы и сами видели; ибо он вздрогнул и, осмотревшись во все стороны, нашел корабль и нас невредимыми и здоровыми, в видении же мнил нас потонувшими.

Жан Боден

**Из книги
«КОЛЛОКВИУМ СЕМИ, ПОСВЯЩЕННЫЙ
СОКРЫТЫМ ТАЙНАМ
ВОЗВЫШЕННОГО»**

(1683)

ОКТАВИЙ: Будучи в Египте, я осмотрел город Каир — который жители именуют «курицей-наседкой» по причине многочисленности его обитателей и огромных размеров — а также пирамиды близ города. Затем некий женеvский эмпирик, путешествовавший вместе со мной, убедил меня похитить «амоию». Этим словом он называл тела умерших египтян, ибо их с древних времен подолгу вымачивали в бальзаме, кардамоне, соли, уксусе, меде, мирре, алоэ, нарде, корице, смоле и прочих сохраняющих веществах. Тела эти, по его словам, обладали такими целебными свойствами, что способны были оградить едва ли не от всех болезней. И хотя я не слишком доверяю эмпирикам, доводы его убедили меня. Мы отправились к пирамидам, вскрыли немало гробниц и наконец извлекли одно мертвое тело, завернутое в кожу. Под кожаным покровом мы увидели узкие полосы парусины, обернутые вокруг каждой части тела и покрытые золотой чешуей; ибо, как вам известно, золото превосходно сохраняет не только тела, но также дерево, металлы и прочее. Плоть под пеленами казалась золотистой и красновато-коричневой, так как была пропитана веществом, употреблявшимся древними критянами в качестве сахара. Внутри же тело оказалось весьма сухим, поскольку все органы были удалены. На месте сердца лежал каменный амулет с именем Исиды, бывшей некогда царицей Египта, чья могила находится в городе Ниса в верхней Аравии; эпитафия ее высечена на мраморной колонне:

Я Исида, царица Египта, воспитанная Гермесом,
Никто не преступит мои законы.
Я жена Осириса;
Я открыла плоды земли;
Я мать царственного Гора.
Я сверкающий Пес среди звезд.
Я воздвигла Бубастис.
Возрадуйся, возрадуйся, о Египет, взрастивший меня.

Священные обряды Исиды были упразднены, если я не ошибаюсь, в правление Константина Великого, и тело, на-

до полагать, было захоронено 1, 300 лет тому или же, возможно, две или три тысячи лет назад. То было тело мужчины, совершенно лишенное запаха благодаря своей сухости. Трупы женщин больше подвержены зловонию и разложению, потому что плоть их является более упитанной и влажной, а также потому, что тела девушек и женщин, еще не иссушенных старостью, на протяжении трех дней не отдавали могильщикам и бальзамировщикам, дабы те не осквернили их, о чем вы могли прочитать у Геродота.

СОЛОМОН: Подобное вожделение кажется мне непредставимым.

КОРОНЕЙ: У Геродота можно прочесть много поразительного — недаром Плутарх опровергал его.

ФРИДЕРИК: Мы избегаем таких пороков и вследствие этого считаем подобные деяния непредставимыми, однако история доказала их истинность. Не станем удаляться далеко от наших мест: Малатеста, правитель Римини, на памяти наших дедов радушно принял благородную даму, жену немецкого графа, совершавшую паломничество в Рим. Не сумев соблазнить ее сладкими речами и овладеть ею силой, он умертвил ее жестоким ударом меча в горло, дабы утолить с изуродованным и окровавленным трупом похоть, что не находила выхода, покуда дама была жива.

КУРЦИЙ: Столь вопиющие преступления не ограничиваются Египтом или Италией, но распространились даже и в Галлии. Я сам видал в Тулузе медика, который, как рассказывали, удовлетворил свою беззаконную страсть с телом женщины, умершей от чумы. Поскольку его застигли, юридически говоря, «в состоянии объятия», медик был предан мстительному пламени, и люди взирали на него с ужасом. Подобные случаи полностью подтверждают слова Геродота.

СЕНАМИЙ: Плутарх, желая защитить честь и достоинство своей родины, обрушился на резко отзывавшегося о ней Геродота. Марк Туллий, однако, называл последнего «отцом истории». Несмотря на то, что многие не верили Геродоту, время доказало его правоту. К примеру, его рассказы о ликантропии среди неводов и воздействии ветров известны по сей день. А описанные им брачные обычаи, когда выкуп за красивых невест идет в приданое уродливым, сохраняются и поныне в такой могущественной и процветающей республике, как Сиена.

КОРОНЕЙ: Послушаем Октавия, пусть продолжает свой рассказ.

ОКТАВИЙ: Я привез бы вам этот труп, извлеченный из гробницы, если бы то позволили тритоновы духи. Я договорился о его перевозке и поместил тело в ящик, словно это был похищенный палладиум. Купец Пистакий ждал с нагруженным судном попутного ветра в порту Александрии, куда направился и я, намереваясь вернуться в Италию после долгих странствий. Когда задул Волтурн, он созвал корабельщиков и велел поднимать паруса. Я спешно погрузил на борт свой ящик. Корабль был очень большим, с немалой командой, и принял на борт много путешественников: как вы знаете, Александрия — весьма густонаселенный город, где всегда собираются купцы, прибывшие из дальних стран.

Когда мы выходили в море, продолжал дуть Волтурн. Греки, если память мне не изменяет, зовут этот ветер Эрономом, египтяне — Сирохом, так как он зарождается в Сирии, Гораций же именует его «ясным Нотом»; он даровал нам ту спокойную погоду, о которой говорится в строках:

Как иногда ясный Нот гонит тучи с туманного неба
И не всегда он дожди порождает...

Гомер в схожем смысле называет этот ветер «проясняющим небо».

КУРЦИЙ: Но тот же Аргест сотрясает нашу область Прованс с такой силой, что нередко швыряет камни, выворачивает с корнем деревья и разрушает дома. Тамошние жители все еще называют упомянутый ветер Альбаном, как делали наши предки, согласно Плинию.

ОКТАВИЙ: Ветерок, поначалу легкий, с течением времени, как мы заметили, становился все более яростным. И мало того, когда мы оказались далеко в открытом море, Киркий — самый неистовый из северозападных ветров, ветер «буйный», по словам Гомера, — поднял шторм. Киркий дул прямо в лоб Волтурну; от столкновения их злые волны начали бешено сотрясать корабль, и нам пришлось свернуть паруса и выбросить в море груз потяжелее. Буря трепала судно целый день и целую ночь. Мореходы надеялись, что шторм вскоре прекратится, и говорили, что такая сильная буря длится, как правило, не больше суток, редко продолжается два дня и никогда более трех. Тем не менее, вихри продолжали сталкиваться друг с другом, и волны вздымались все выше.

СЕНАМИЙ: Помнится, Аристотель писал, что ветры никогда не дуют одновременно в противоположных направлениях.

ОКТАВИЙ: Вероятно, Аристотель написал это в тени Ликейя, а не в школе моряков, которые утверждают, что самый свирепый шторм вызывают лишь противодействующие порывы ветра. <...> Сперва кормчий призывал нас мужаться и надеяться на лучшее. Но когда он осознал наше положение, его обуял страх, точно «морехода, побежденного яростью ветра», если воспользоваться строкой поэта. Волны непрестанно захлестывали судно, и он велел освободить корабль от груза. Но люди на борту уклонялись от работы, стесанная от боли во всех членах по причине непомерной качки. Отдав якоря, кормчий тяжело вздохнул и приказал всем молиться Господу. И тогда один флорентиец воззвал к Екатерине Сиенской; другой к Деве из Лорето, хорошо известной

в том городе. Многие молились святителю Николаю; иные Клименту. Некоторые с жалобными завываниями распевали: «Слався, звезда морская». Греческие купцы начали хором повторять *soson hemas, kyrie, eleeson, hemas, eisak-puson despota*, «Спаси нас, Боже, смилостивись над нами, Господи». Евреи снова и снова зывали: *shema adonai*, «Услышь нас, Господь». Иسمайлиты из Александрии твердили: *Ejuche nabhudu, Alla, Alla, Alla, malah, resulala* («Тебе поклоняемся, Аллах, Аллах, Аллах, Господь Пророка Аллаха»). Некий венецианский купец, пав на колени, достал спрятанную на груди освященную гостию в круглом стеклянном сосуде и вскричал:

О жертва спасительная, отворяющая врата небесные!

Вы знаете продолжение. Кто-то из Калабрии восклицал громким голосом: «Тебе единому, Тебе, о Господи, согрешили; не приидет помощь от смертных, токмо от Господа Бога; сжался, Господь, над слепыми смертными». Купец из Марселя произнес:

Он речет, — и восстанет бурный ветер и высоко поднимает волны его: восходят до небес, нисходят до бездны; душа их истекает в бедствии; они кружатся и шатаются, как пьяные, и вся мудрость их исчезает. Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он вывел их из бедствия их. Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают.

Говорили они и прочее, что я не запомнил. Зная, что обеты действенней всего в час опасности, я распростерся на палубе и стал молить Господа простить мои грехи. Я поклялся, что буду ежегодно праздновать этот день, если спасусь от беды и счастливо достигну суши. Но испанский солдат, которого в этот миг окатила гигантская волна, начал отвратительно бранить Всевышнего, изрыгая обыкновенные испанские проклятия: «Как назло» и так далее. Не буду повторять остальное: «*malgrado*» и прочее, «*pere*» и тому подобное, «*a la virgen sa madre*». В конце он добавил: «Твоя

мощь не сравнится с силой дьявола». Видать, он припомнил эту безумную песнь: «Если небесных богов не склоню — Ахеронт я подвигну».

Один из купцов, услышав его поношения, взъярился и принялся просить кормчего наказать хулителя за чудовищное богохульство, подвергнув испанца пыткам или отдав его волнам; иначе, говорил он, всем суждено погибнуть за грехи одного.

СОЛОМОН: В старину, когда бурю не удавалось усмирить молитвой, бросали жребий и человека, на которого падал жребий, швыряли за борт. Некогда пал жребий на пророка Иону, и стоило корабельщикам бросить его в море, как буря немедленно прекратилась. Полагаю, то же самое произошло бы в случае испанца, осыпавшего Господа столь обильными проклятиями, если бы давний обычай был возрожден. Священный жребий часто падал на людей богатых и знатных, но никогда не бывал он незаслуженным. Однако те звали на подмогу крепких слуг и таким образом спасались от своего удела. Вот почему на кораблях постепенно исчез обычай бросать жребий.

Тем не менее, я считаю, что человек должен погибать лишь за свои грехи; и напротив, часто бывает, что чистота одного спасает всех от грозящих им опасностей, либо же кто-то один спасается при кораблекрушении, пожаре или вспышке болезни.

ОКТАВИЙ: Когда же стало очевидно, что мы изливаем наши молитвы понапрасну, благодетельный дух надоумил кормчего пригрозить смертью любому, кто не выбросит за борт находящиеся в его владении египетские трупы. Это приказание ужаснуло меня; под покровом ночной тьмы я тайно извлек труп из ящика и бросил тело в море. Внезапно буря утихла и попутный ветер благополучно домчал нас до Крита. И тогда почтенный седовласый старец простер руки к небесам и стал благодарить превечного Бога, своим примером заставив всех вознести хвалу Господу. Вспомнив о своем обете, я сочинил дифирамб <...>

СОЛОМОН: О, если бы все спасенные от смертельной опасности благодарили бы так бессмертного Господа! Но надежда неблагодарных иссякает, как божественно сказал учитель мудрости.

ОКТАВИЙ: Тот старец показался мне весьма умудренным и опытным в морских делах, и я спросил его, отчего кормчий велел выбросить за борт все египетские трупы. Он ответил, что перевозка трупов египтян всегда вызывает бурю, добавив, что египетские морские законы это недвусмысленно запрещают. Нарушивший закон обязан выбросить свой груз за борт и возместить купцам убытки. Узнав об этом, я решил держать язык за зубами, опасаясь, что с меня потребуют возмещение; но в глубине души я понимал, что совершил ошибку.

КОРОНЕЙ: История морского путешествия интересна и сама по себе, и может оказаться полезной, снабдив нас многими любопытными материями для беседы на случай, если темы наши иссякнут. Во-первых, почему именно трупы египтян вызывают бури и ничего подобного не происходит, когда с места на место перевозят иные тела? Я склонен думать, что то же самое произошло бы и при перевозке других трупов, могилы которых были потревожены. Далее, возникает ли шторм по вине демонов или же только воздушных завихрений и испарений, как утверждают ученые физики? И наконец, на борту находились представители стольких религий: чьим же молитвам внял Господь, благополучно приведя судно в порт?

Здесь все замолчали. После они повернулись к Торальбе, искушенному в физике. Но тот не осмелился высказать свое мнение по таким затруднительным вопросам.

Теофиль Готье
НОЖКА МУМИИ
(1840)

От нечего делать я зашел к одному из тех промышленяющих всевозможными редкостями торговцев, которых на парижском аргю, для остальных жителей Франции совершенно непонятном, называют торговцами «брикабраком».

Вам, конечно, случалось мимоходом, через стекло, видеть такую лавку — их великое множество, особенно теперь, когда стало модно покупать старинную мебель, и каждый биржевой маклер почитает своим долгом иметь комнату «в средневековом стиле».

В этих лавках, таинственных логовах, где ставни благо-разумно пропускают лишь слабый свет, есть нечто общее со складом железного лома, мебельным магазином, лабораторией алхимика и мастерскою художника; но что там заведомо самая большая древность — это слой пыли; паутина там всегда настоящая, в отличие от иного гипюра, а «старинное» грушевое дерево моложе только вчера полученного из Америки красного дерева.

В магазине моего торговца брикабраком было сущее столпотворение; все века и все страны словно сговорились здесь встретиться; этрусская лампа из красной глины стояла на шкафу «буль» черного дерева, с рельефными панно в строгой оправе из тонких медных пластинок, а кушетка эпохи Людовика XV беззаботно подсовывала свои кривые ножки под громоздкий стол в стиле Людовика XIII, украшенный массивными спиралями из дуба и лиственным орнаментом, из которого выглядывали химеры.

В углу сверкала бликами литая грудь миланских доспехов дамасской стали; амуры и нимфы из бисквита, китайские болванчики, вазочки в виде рога изобилия из селадона и кракле, чашки саксонского фарфора и старого Севра заполнили все горки и угловые шкафы.

На зубчатых полках поставцов блестели огромные японские блюда с синим и красным узором и золотым ободком, а бок о бок с ними стояли эмали Бернара Палисси с рельефными изображениями ужей, лягушек и ящериц.

Из развороченных шкафов каскадами ниспадали куски штофа, шитого серебром, потоки полупарчи, усеянной ис-

корками, которые зажег косой луч солнца; портреты людей всех былых времен улыбались под слоем пожелтевшего лака из своих более или менее обветшалых рам.

Владелец лавки осторожно шел за мною по извилистому проходу, проложенному между грудями мебели, придерживая рукой распахнутые полы моего сюртука, угрожавшие его вещам, бдительно и тревожно следя за моими локтями взглядом антиквара и ростовщика.

Странная внешность была у этого торговца: огромная, плешивая голова, гладкая, как колено, в жидковатом венчике из седых волос, подчеркивавшем ярко-розовый тон кожи, придавала ему обличье благодушного патриарха, с той, впрочем, поправкой, что у его маленьких желтых глазок был особый мигающий блеск, они светились в глазницах каким-то дрожащим светом, словно два золотых луидора на живом серебре. У него был круто изогнутый, точно клюв орла, нос с горбинкой, — характерный для восточного или еврейского склада лица. Его худые, немощные руки в прожилках, с выступающими узелками вен, натянутых, словно струны на грифе скрипки, когтистые, как лапки летучей мыши, соединенные с ее перепончатыми крыльями, время от времени начинали по-старчески дрожать, и на них тяжело было смотреть; но у этих судорожно подергивающихся рук оказывалась вдруг крепкая хватка; они становились крепче стальных клещей или клешней омара, когда поднимали какую-нибудь ценную вещь — ониксовую чашу, бокал венецианского стекла или блюдо из богемского хрусталя; этот старый чудака был до того похож на ученого раввина и черно книжника, что лет триста назад его бы судили по наружности и сожгли.

— Неужто вы ничего сегодня у меня не купите, сударь? Вот малайский кинжал, клинок его изогнут, точно язык пламени; посмотрите, какие на нем бороздки, чтобы с них стекала кровь; поглядите на эти загнутые зубья, — они сделаны для того, чтобы выворачивать человеку внутренности, когда вытаскиваешь из раны кинжал; это оружие свирепое, добротное, оно будет как нельзя кстати в вашей коллекции оружия; вот двуручный меч Джакопо де ла Гера, до

чего ж он хорош! А эта рапира со сквозной чашкой эфеса, посмотрите, что за дивная работа!

— Нет, у меня достаточно оружия и всего, что требуется для кровопускания; мне бы хотелось иметь статуэтку или что-нибудь такое, что могло бы служить как пресс-папье, я терпеть не могу всю эту бронзовую дребедень, которую продают в писчебумажных магазинах, — ее можно увидеть на любой конторке.

Старый гном, порывшись в своих древностях, выставил передо мной античные, или якобы античные, статуэтки, куски малахита, индийских или китайских божков — качающихся уродцев из нефрита, своеобразные воплощения Браммы или Вишну, которые изумительно подходили для уготованной им цели, не слишком божественной: придавливать газеты и письма, чтобы они не разлетались.

Я колебался, не зная, чему отдать предпочтение: фарфоровому ли дракону, усыпанному бородавками, с клыкастой, ощеренной пастью или маленькому мексиканскому фетишу, весьма отвратительному, изображавшему в натуральном виде самого бога Вицли-Пуцли, когда вдруг заметил прелестную ножку, которую сначала принял за фрагмент античной Венеры.

Она была того чудесного красновато-коричневого тона, который флорентийской бронзе придает теплоту и живость и несравненно привлекательней зеленоватого тона заурядных бронзовых статуй, словно покрытых ярью, так что, право же, подчас думаешь: уж не разлагаются ли они? Отблески света дрожали, переливаясь, на округлостях этой ножки, зацелованной до лоска двадцатью столетиями, потому что медь эта, бесспорно, была родом из Коринфа, была произведением искусства времен его расцвета, быть может, литьем Лисиппа!

— Вот эта нога мне подойдет, — сказал я торговцу, и он взглянул на меня с затаенной насмешкой, протягивая выбранную мною вещь, чтобы я мог лучше ее рассмотреть.

Меня изумила ее легкость; это была не металлическая нога, а настоящая человеческая ступня, набальзамированная нога мумии: на близком расстоянии можно было раз-

глядеть клеточки кожи и почти неощутимый оттиск ткани, в которую запеленали мумию. Пальцы были тонкие, изящные, ногти — безукоризненной формы, чистые и прозрачные, как розовые агаты; большой палец был немного отставлен в сторону, как на античных статуях, грациозно отделяясь от остальных сомкнутых пальцев ступни, что придавало ей какую-то особую подвижность, гибкость птичьей лапки; подошва ноги с еле заметными тонкими линиями-штрихами свидетельствовала о том, что она никогда не прикасалась к голой земле, ступала лишь по тончайшим циновкам из нильского тростника и мягчайшим коврам из шкуры пантеры.

— Ха, ха! Вы хотите ножку принцессы Гермонтис, — сказал торговец, как-то странно похохатывая и вперив в меня свой совиный взор, — ха, ха, ха! Употребить вместо пресс-папье! Оригинальная мысль, мысль, достойная артиста! Сказал бы кто старому фараону, что ножка его любимой дочери будет служить в качестве пресс-папье, он бы очень удивился! А особенно, ежели бы услышал это тогда, когда по его приказанию в гранитной скале вырубали грот, чтобы поставить туда тройной гроб, весь расписанный и раззолоченный, сплошь покрытый иероглифами и красивыми картинками, изображающими суд над душами усопших, — проговорил вполголоса, словно обращаясь к самому себе, чудной антиквар.

— Сколько вы возьмете за этот кусок мумии?

— Да уж возьму подороже, ведь это великолепная вещь! Будь у меня к ней пара, — дешевле, чем за пятьсот франков, вы бы этого не получили: дочь фараона! Есть ли где большая редкость?

— Разумеется, вещь не совсем обычная, и все-таки сколько вы за нее хотите? Но я предупреждаю вас: я располагаю только пятью луидорами, это все мое богатство; я куплю все, что стоит пять луидоров, но ни на сантим больше. Можете обыскать карманы моих жилетов, все потайные ящики моего стола, вы не найдете и жалкого пятифранковика.

— Пять луидоров за ступню принцессы Гермонтис — это очень уж мало, право же, слишком мало, ступня-то подлин-

ная, — сказал, качая головой и поглядывая на меня бегающими глазками, торговец. — Что ж, берите, я дам в придачу к ней и обертку, — добавил он и стал завертывать ножку мумии в лоскут ветхого дамаста. — Прекрасный дамаст, настоящий дамаст, индийский дамаст, ни разу не крашеный, материя прочная и мягкая, — бормотал он, поглаживая посекающую ткань и привычно выхваляя свой товар, хотя вещь была вовсе нестоящая, почему он и отдавал ее даром.

Он сунул золотые монеты в висевший у него на поясе кошель, напоминавший средневековую суму для подаяний, приговаривая:

— Превратить ножку принцессы Гермонтис в пресс-папье!

Затем уставил на меня мерцающие фосфорическим блеском глаза и сказал голосом, скрипучим, как мяуканье кошки, подавившейся костью:

— Старый фараон будет недоволен, этот добрый человек любил свою дочь!

— Вы говорите о нем так, словно вы его современник! Но как вы ни стары, вы едва ли ровесник египетских пиратид! — смеясь, ответил я ему уже с порога.

Я вернулся домой, очень довольный своей покупкой.

И, чтобы сразу же применить ее по назначению, я положил ножку божественной принцессы Гермонтис на пачку бумаг; чего только там не было: черновики стихов — неудобочитаемая мозаика помарок и вставок, начатые статьи, письма, забытые и отправленные «прямою почтой» в ящик собственного стола, — эту ошибку частенько случается делать людям рассеянным; на этом ворохе бумаг мое пресс-папье выглядело восхитительно, своеобразно и романтично.

Совершенно удовлетворенный этим украшением моего стола, я пошел погулять в горделивом сознании своего превосходства, как и надлежит человеку, имеющему то неописуемое преимущество перед всеми прохожими, которых он толкает локтями, что он владеет кусочком принцессы Гермонтис, дочери фараона.

Я высокомерно считал смешными всех, кто, в отличие от меня, не обладает таким доподлинно египетским пресс-папье, и полагал, что главная забота каждого здравомыслящего человека — обзавестись ножкой мумии для своего письменного стола.

К счастью, встреча с друзьями меня отвлекла, положив предел моим восторгам новоиспеченного собственника; я пошел с ними обедать, так как наедине с собою мне было бы трудно обедать.

Когда я вечером вернулся домой и в голове у меня еще бродил хмель, орган моего обоняния приятно пощекотало повеявшим откуда-то восточным благовонием; от жары в комнате согрелись натр, горная смола и мирра, которыми промывали тело принцессы *парасхиты*, анатомировавшие трупы; это был приятный, хоть и пряный аромат, аромат, не выдохшийся за четыре тысячелетия.

Мечтою Египта была вечность; его благовония крепки, как гранит, и такие же долговечные.

Вскоре я пил, не отрываясь, из черной чаши сна; час или два все было погружено в туман, меня затопили темные волны забвенья и небытия.

Однако во тьме моего сознания забрезжил свет, время от времени меня слегка касались крылом безмолвно реющие сновиденья.

Глаза моей души раскрылись, и я увидел свою комнату, какой она была в действительности; я мог бы подумать, что я проснулся, но какое-то внутреннее чутье говорило мне, что я сплю и что сейчас произойдет нечто удивительное.

Запах мирры усилился, я почувствовал легкую головную боль и приписал ее — вполне резонно — нескольким бокалам шампанского, которое мы выпили за здоровье неведомых богов и за наши будущие успехи.

Я всматривался в свою комнату, чего-то ожидая, но это чувство ничем не было оправдано; мебель чинно стояла на своих местах, на консоли горела лампа, затененная молочно-белым колпаком из матового хрусталя; под богемским стеклом поблескивали акварели; застыли в дремоте занавеси; с виду все было спокойно и как будто уснуло.

Однако через несколько мгновений эту столь мирную обитель охватило смятение: тихонько начали поскрипывать панели; головешка, зарывшаяся в пепел, вдруг выбросила фонтан синих искр, а диски розеток для подхватов у занавесей стали похожи на металлические глаза, настороженно, как и я, высматривающие: что-то будет?

Машинально я оглянулся на свой стол, куда я положил ножку принцессы Гермонтис.

А она вместо того, чтобы лежать смирно, как и следует ноге, набальзамированной четыре тысячи лет назад, шевелилась, дергалась и скакала по бумагам, точно испуганная лягушка, сквозь которую пропустили гальванический ток; я отчетливо слышал дробный стук маленькой пятки, твердой, как копытце газели.

Я рассердился на свою покупку, потому что мне нужны оседлые пресс-папье, я не привык, чтобы ступни разгуливали сами по себе, без голеней, у меня на глазах, и малопомалу я почувствовал что-то очень похожее на страх.

Вдруг я увидел, как шевелится складка одной из занавесей, и услышал притопывание, словно кто-то прыгает на одной ноге. Должен признаться, меня бросило сперва в жар, потом в холод; я ощутил за своею спиною дуновение какого-то нездешнего ветра, волосы мои встали дыбом и сбросили с головы на два-три шага от меня мой ночной колпак.

Занавеси приоткрылись, и предо мной предстала невообразимо странная женская фигура.

Это была девушка с темно-кофейной кожей, как у баядерки Амани, девушка совершенной красоты и чистейшего египетского типа; у нее были продолговатые, миндалевидные глаза с чуть приподнятыми к вискам уголками и такие черные брови, что они казались синими, тонко очерченный, почти греческий по изяществу лепки нос, и ее можно было бы принять за коринфскую бронзовую статую, если бы не выступающие скулы и немного по-африкански пухлые губы, — черты, по которым мы безошибочно узнаем загадочное племя, населявшее берега Нила.

Ее тонкие, худенькие, как у очень юных девушек, руки были унизаны металлическими браслетами, увиты стеклян-

ными бусами; волосы были заплетены мелкими косичками, а на груди висел амулет — фигурка из зеленой глины, державшая семихвостый бич, непременный атрибут богини Исиды, водительницы душ; на лбу у девушки блестела золотая пластинка, а на отливающих медью щеках виднелись остатки румян.

Что касается одежды, то и она была преудивительная.

Представьте себе набедренную повязку, свитую из клейких полосок смазанных горной смолой и размалеванных черными и красными иероглифами, — так, вероятно, выглядела бы только что распеленатая мумия.

Тут мысль моя сделала скачок, — это ведь часто бывает в сновиденьях, — и я услышал фальшивый, скрипучий голос торговца брикабраком, который монотонно повторял, как припев, фразу, произнесенную им со столь загадочной интонацией:

— Старый фараон будет недоволен, этот добрый человек очень любил свою дочь.

У пришелицы с того света была странная особенность, от которой мне ничуть не стало легче на душе: у нее не хватало одной ступни, одна нога была обрублена по лодыжку.

Она заковыляла к столу, на котором ножка мумии задергалась и завертелась пуще прежнего. Добравшись до нее, девушка оперлась на край стола, и я увидел дрожащую в ее взоре блестящую слезинку.

Хоть она ничего не сказала, я читал ее мысли: она смотрела на ножку потому, что это, бесспорно, была ее собственная ножка, смотрела на нее с грустным и кокетливым, необыкновенно милым выражением; а нога скакала и бежала взад и вперед, как заведенная.

Раза два-три моя гостья протягивала руку, пытаясь поймать скакунью, но безуспешно.

Тогда между принцессой Гермонтис и ее ножкой, которая, по-видимому, жила своей особой, независимой жизнью, произошел весьма примечательный диалог на очень древнем коптском языке, на каком, должно быть, говорили тридцать столетий тому назад в подземных усыпальницах стра-

ны Сера; к счастью, я в эту ночь в совершенстве знал коптский.

Голосом нежным, как звон хрустального колокольчика, принцесса Гермонтис говорила:

— Что же вы, дорогая моя ножка, от меня убегаете! Я ли не заботилась о вас! Я ли не обмывала вас благовонной водою в алебастровой чаше, не скребла вашу пятку пемзой, смазанной пальмовым маслом, не обрезала ваши ногти золотыми щипчиками, не полировала их зубом гиппопотама? Я ли не старалась обувать вас в остроносые туфельки, расшитые пестрым узором, и вам завидовали все девушки в Египте? На большом пальце вы носили перстень со священным скарабеем, и вы служили опорой легчайшему телу, какого только может пожелать себе ленивая ножка!

А ножка обиженно и печально ей отвечала:

— Вы же знаете, что я не вольна над собой, я ведь куплена и оплачена! Старый торгаш знал, что делал, он до сих пор зол на вас за то, что вы отказались выйти за него замуж, это он все и подстроил. Он-то и подослал араба, который взломал вашу царскую гробницу в Фивском некрополе, он хотел помешать вам занять ваше место в сонме теней в подземном царстве. Есть у вас пять луидоров, чтобы меня выкупить?

— Увы, нет! Все мои камни, кольца, кошельки с золотом и серебром украдены, — со вздохом ответила принцесса Гермонтис.

И тогда я воскликнул:

— Принцесса, я никогда не удерживал у себя ничьей ноги, ежели это было противно справедливости! И пусть у вас нет тех пяти луидоров, что она мне стоила, я верну вам вашу ножку с превеликою радостью: я был бы в отчаянии, ежели бы столь любезная моему сердцу особа, как принцесса Гермонтис, осталась хромой по моей вине.

Я выпалил эту тираду, в которой фривольность в духе нравов Регентства сочеталась с учтивостью трубадура, что, должно быть, изумило прекрасную египтянку.

Она обратила на меня благодарный взгляд, и в глазах ее загорелись синеватые огоньки.

Она взяла свою ступню, на сей раз не оказавшую сопротивления, и весьма легко, будто натягивая башмачок, приладила ее к обрубленной ноге.

Закончив эту операцию, она прошла по комнате, словно проверяя, что действительно больше не хромает.

— Ах, как рад будет отец! Он так горевал, что я стала калеккой, ведь он, лишь только я появилась на свет, повелел в тот самый день всему народу вырыть мне могилу, такую глубокую, чтобы я сохранилась в целости до Судного дня, когда на весах Аменти будут взвешивать души усопших. Пойдемте к отцу, он радушно вас встретит, ведь вы вернули мне ногу!

Я нашел это предложение вполне естественным, накинул на себя халат в крупных разводах, в котором выглядел совершеннейшим фараоном, впопыхах сунул ноги в турецкие пантуфли и сказал принцессе Гермонтис, что готов за нею следовать.

Перед уходом Гермонтис сняла с шеи свой амулет — фигурку из зеленой глины и положила ее на ворох бумаг, покрывавших мой стол.

— Справедливость требует, — сказала она, улыбаясь, — чтобы я возместила утраченное вами пресс-папье.

Затем протянула мне руку, — рука у нее была нежная и холодная, как тельце ужа, — и мы отправились в путь.

Некоторое время мы неслись со скоростью стрелы сквозь толщу какой-то жидкой, сероватой массы; слева и справа от нас убегали вдаль чьи-то смутно обозначенные силуэты.

Одно мгновение мы видели только воду и небо.

Через несколько минут на горизонте стали вырисовываться иглы обелисков, пилоны храмов, очертания примыкающих к ним сфинксов.

Полет кончился.

Принцесса подвела меня к горе из розового гранита, в которой имелось узкое и низкое отверстие; его было бы трудно отличить от горной расщелины, если бы не возд-

вигнутые у этого входа в пещеру две стелы с цветным рельефом.

Гермонтис зажгла факел и пошла вперед.

Мы шли коридорами, вырубленными в скале; стены были покрыты панно, расписанными иероглифами и символическими изображениями шествия душ; для работы над этим, наверное, потребовались тысячи рук и тысячи лет; бескончаемо длинные коридоры чередовались с квадратными комнатами, посередине которых были устроены колодцы, куда мы спускались по железным скобам, вбитым в их стены, или по винтовым лестницам; колодцы выводили нас в другие комнаты, где опять начинались коридоры, испещренные яркими рисунками: все те же ястребы, змеи, свернувшиеся кольцом, знак «Таф», посохи, мистические лады, все та же поразительная работа, узреть которую не должен был взор живого человека, бескончаемые легенды, дочитать которые дано только мертвым, ибо в их распоряжении вечность.

Наконец мы вышли в залу, такую громадную и обширную, что она казалась беспредельной; вдаль, насколько хватало глаз, тянулись вереницы исполинских колонн, а между ними тускло светились мерцающие желтые звезды; эти светящиеся точки словно отмечали пунктиром неисчислимые бездны.

Принцесса Гермонтис, не выпуская моей руки, учтиво раскланивалась на ходу со знакомыми мумиями.

Постепенно глаза мои привыкли к сумеречному освещению и стали различать окружающее.

Я увидел сидящих на тронах владык подземного народа: это были рослые, сухопарые старики, морщинистые, с пергаментной кожей, почерневшие от горного масла и минеральной смолы, в золотых тиарах, в расшитых камнями нагрудниках и воротниках, сверкающие драгоценностями, с застывшим взглядом сфинксов и длинными бородами, убеленными снегом столетий; за ними стояли их набальзамированные народы в напряженной и неестественной позе, которая характерна для египетского искусства, неизменно соблюдающего каноны, предписанные иерати-

ческим кодексом; за спинами фараоновых подданных щерились кошки, хлопали крыльями ибисы, скалили зубы крокодилы — современники этих мумий, запеленутые в свои погребальные свивальники, отчего они казались совсем чудищами.

Здесь были все фараоны: Хеопс, Хефренес, Псамметих, Сезострис, Аменхотеп, все черные владыки пирамид и подземных усыпальниц; поодаль на более высоком помосте восседали цари Хронос и Ксиксуфрос, царствовавший при потопе, и Тувалкаин, его предшественник.

Борода царя Ксиксуфроса отросла до таких размеров, что семижды обвилась вокруг гранитного столба, на который он облокотился, погруженный в глубокую думу или в сон.

Вдали сквозь пыльную мглу, сквозь туман вечности, мне смутно виднелись семьдесят два царя, правивших еще до Адама, с их семьюдесятью двумя навсегда исчезнувшими народами.

Принцесса Гермонтис позволила мне несколько минут любоваться этим умопомрачительным зрелищем, а затем представила меня своему отцу, который весьма величественно кивнул мне головой.

— Я нашла свою ногу! Я нашла свою ногу! — кричала принцесса, вне себя от радости хлопая в ладошки. — Мне ее вернул вот этот господин!

Племена кме, племена нахази, все народы с черной, бронзовой и медной кожей хором ей вторили:

— Принцесса Гермонтис нашла свою ногу!

Растрогался даже сам Ксиксуфрос. Он поднял свои отяжелевшие веки, провел рукой по усам и опустил на меня взор, истомленный бременем столетий.

— Клянусь Омсом, сторожевым псом ада, и Тмеи, дочери Солнца и Правды, это честный и достойный юноша, — сказал фараон, указуя на меня жезлом с венчиком в виде лотоса. — Чего ты просишь себе в награду?

Набравшись дерзости, — а дерзость нам дают сны, когда чудится, что нет ничего невозможного, — я просил у фараона руки Гермонтис: руку взамен ноги! Мне казалось, что

я облек свою просьбу о вознаграждении в довольно изящную форму, форму антитезы.

Фараон, изумленный моей шуткой, равно как и моей просьбой, широко раскрыл свои стеклянные глаза.

— Из какой ты страны и сколько тебе лет?

— Я француз, высокочтимый фараон, и мне двадцать семь лет.

— Двадцать семь лет! И он хочет жениться на принцессе Гермонтис, которой тридцать веков! — разом вскричали все повелители душ и нации всех разновидностей.

И только Гермонтис, по-видимому, не сочла мою просьбу неуместной.

— Если бы тебе было, по крайней мере, две тысячи лет, — сказал старый фараон, — я бы охотно отдал замуж за тебя свою дочь, но разница в возрасте слишком велика. Нашим дочерям нужны долговечные мужья, а вы разучились сохранять свою плоть; последним из тех, кого сюда принесли, нет и пятнадцати веков, однако ж от них осталась лишь горсть праха. Смотри, тело мое твердо, как базальт, кости мои точно из стали. В день светопреставленья я восстану такой же — телом и ликом, — каким был при жизни и моя дочь Гермонтис сохранится дольше всех бронзовых статуй. Тем временем ветер развеет последнюю частицу твоего праха, и даже сама Исида, сумевшая собрать воедино тело растерзанного на куски Осириса, даже она не сможет воссоздать твою земную оболочку. Посмотри, я еще мощен телом, и у меня крепкая хватка, — сказал он, сильно встряхнув мою руку на английский манер с такой силой, что у него в ладони чуть не остались мои пальцы вместе с впившимися в них перстнями.

Он так крепко сжал мою руку, что я проснулся и увидел своего друга Альфреда, который тряс и дергал меня за плечо, пытаясь меня разбудить.

— Здоров же ты спать! Неужели придется вынести тебя на улицу и пустить над самым ухом ракету? Уже первый час, помнишь ли ты еще, что обещал зайти за мною, чтобы повести меня на выставку испанских картин у господина Агуадо?

— Господи, я и забыл, — ответил я, одеваясь. — Сейчас пойдем, приглашенный билет здесь, у меня на столе.

Я действительно подошел к столу, чтобы взять билет. Вообразите же мое удивление, когда на том самом месте, где была купленная накануне ножка мумии, я увидел зеленую фигурку-амулет, которую оставила мне принцесса Гермонтис!

Эдгар Аллан По

РАЗГОВОР С МУМИЕЙ

(1845)

Symposium предыдущего вечера расстроил мне нервы. Целый день меня донимала жестокая головная боль и отчаянная сонливость. Ввиду этого, я отказался от намерения провести вечер в гостях, решив, что самое благоразумное будет завалиться спать тотчас после ужина.

Л е г к о г о ужина, конечно. Я обожаю кроликов по-уэльски. Но более фунта за раз не всегда можно посоветовать. Впрочем, серьезных возражений не найдется и против двух. А между двумя и тремя разница только на одну единицу. Кажется, я рискнул на четыре. Жена уверяет, на пять, но она спутала две совершенно различные вещи. Абстрактное число пять было, я согласен, но конкретно оно относилось к бутылкам портера, без которого не осилить кролика по-уэльски.

Окончив мой скромный ужин и надев ночной колпак, в сладкой надежде утешаться им до ближайшего полдня, я склонил голову на подушку и, как человек с чистой совестью, погрузился в глубокий сон.

Но когда же исполнялись надежды человечества? Я еще не успел порядком расхрапиться, как отчаянный звон у подъезда и нетерпеливый стук в дверь разом пробудили меня. Я еще протираю глаза, когда жена бросила мне в физиономию письмо от моего старого друга, доктора Поннонера. Вот что он писал:

«Приходите ко мне, дружище, как только получите это письмо. Приходите разделить мою радость. Наконец-то, после долгих усилий, мне удалось выпросить у директора Музеума позволение взять к себе на дом мумию, вы знаете какую. Я имею право распеленать ее. Будут лишь немногие друзья, в том числе, разумеется, и вы. Мумия у меня, и мы начнем ее разворачивать в одиннадцать часов.

Весь ваш Поннонер».

Пока я дошел до «Поннонер», сон мой как рукой сняло. Я в восторге вскочил с постели, опрокидывая все, что

попадалось под руку, оделся с быстротой, поистине чудесной и полетел, сломя голову, к доктору.

Тут я нашел очень оживленное общество. Меня ожидали с нетерпением, мумия лежала на столе, и как только я вошел, приступили к осмотру.

Это была одна из двух мумий, привезенных несколько лет тому назад капитаном Артуром Сабрташем, двоюродным братом Поннонера, из гробницы вблизи Элейтиаса, в Ливийских горах, значительно выше Фив на Ниле.

Гробницы в этой местности, уступая по великолепию фивским, представляют, однако, высокий интерес, так как бросают свет на частную жизнь египтян. Склеп, где помещалась наша мумия, был особенно замечателен в этом отношении: стены его были покрыты фресками и барельефами, а статуи, вазы, мозаики свидетельствовали о богатстве покойного.

Сокровище было доставлено в Музей в том самом виде, как нашел его капитан Сабрташ; то есть гроб не был открыт. В таком виде простояло оно восемь лет. Мы имели в своем распоряжении целую, неповрежденную мумию, и всякий, кто знает, как редко такие неповрежденные памятники достигают европейских берегов, согласится, что мы имели полное основание поздравить себя с удачей.

Подойдя к столу, я увидел большой ящик или сундук семи футов в длину, около трех футов в ширину и около двух с половиной в высоту. Формой он не походил на наши гробы. Материал, из которого он был сделан, показался нам сначала деревом сикомора (*platanus*), но, надрезав его, мы убедились, что это бумажная масса, или *papier maché*, из папируса. Он был украшен рисунками, изображавшими погребение и другие печальные сцены и переплетавшимися с иероглифическими надписями, без сомнения, обозначавшими имя покойного. К счастью, в числе гостей находился мистер Глиддон, который без труда разобрал эти буквы и составил из них слово «А л л а м и с т а к е о».

Нам нелегко было открыть этот ящик, не повредив его, но когда, наконец, это удалось, мы нашли в нем другой, в форме гроба и гораздо меньших размеров, но во всем ос-

тальном сходный с первым. Промежуток между двумя гробами был наполнен смолой, которая до некоторой степени обесцветила рисунки второго гроба.

Открыв второй ящик (что удалось без труда), мы нашли в нем третий, тоже в форме гроба, отличавшийся от второго только материалом, который оказался кедровым деревом, еще издававшим свойственный ему ароматический запах. Между вторым и третьим гробом не было промежутка: они плотно приходились друг к другу.

Вынув третий ящик, мы открыли его и достали мумию. Мы ожидали, что она будет окутана полотняными пеленами и повязками, но вместо них оказался род футляра из папируса, покрытого слоем раззолоченного и раскрашенного гипса. На рисунках изображались различные обстоятельства, связанные с посмертным существованием души, ее появление перед разными богами, а также какие-то человеческие фигуры, вероятно, портреты набальзамированных лиц. Во всю длину мумии шла надпись фонетическими иероглифами, обозначающая имя и титулы покойного и его родственников.

На шее красовалось ожерелье из стеклянных цилиндрических бус различных цветов и расположенных так, чтобы выходили изображения богов, священного жука etc. Подобное же ожерелье опоясывало талию.

Сняв папирус, мы увидели тело, превосходно сохранившееся и без малейшего запаха. Цвет его был красноватый. Кожа упругая, гладкая и блестящая. Зубы и волосы в хорошем состоянии. Глаза (по-видимому) были вынуты и заменены стеклянными, прекрасной работы и поразительно напоминавшими живые, за исключением слишком пристального взора. Пальцы и ноздри были вызолочены.

По красноватому оттенку эпидермы мистер Глиддон заключил, что бальзамирование было произведено исключительно с помощью асфальта, но когда он поскоблил кожу стальным ножичком и бросил в огонь щепотку наскобленной таким образом пыли, мы услышали запах камфоры и других пахучих смол.

Мы тщательно осмотрели тело, стараясь найти отверстие, через которое были вынуты внутренности, но, к нашему удивлению, его не оказалось. Мы еще не знали в то время, что цельные или невскрытые мумии попадаются нередко. Мозг обыкновенно вынимали через нос, внутренности через отверстие, проделанное в боку, затем тело брили, обмывали, солили и откладывали на несколько недель, по истечении которых приступали к собственно так называемому бальзамированию.

Не найдя никаких следов отверстия, доктор Поннонер приготовил инструменты для вскрытия, когда я заметил, что уже десять минут третьего. Ввиду этого, решено было отложить исследование до следующего вечера, и мы хотели уже разойтись, когда кто-то предложил сделать опыт с вольтовым столбом.

Мысль применить электричество к мумии, которой было, по меньшей мере, три или четыре тысячи лет, показалась нам если не особенно мудрой, то, во всяком случае, оригинальной, так что мы горячо ухватились за нее. Девять десятых отнеслись к этому, как к шутке, остальные серьезно, но во всяком случае, мы установили батарею в кабинете доктора и перенесли туда египтянина.

С большим трудом удалось нам обнажить часть височного мускула, который не так сильно окоченел, как остальное тело, но, как мы и ожидали, не обнаружил ни малейших признаков восприимчивости к гальванизму при соприкосновении с проволокой. Таким образом, первый же опыт оказался безуспешным, и, посмеявшись над своей глупостью, мы уже стали прощаться друг с другом, когда, случайно взглянув в глаза мумии, я остановился в изумлении. В самом деле, я с первого взгляда заметил, что глаза эти, которые показались нам стеклянными и поразили нас своим диким неподвижным взглядом, были теперь почти совершенно закрыты веками, так что лишь небольшая полоска *tunica albuginea* оставалась видимой.

Я вскрикнул и указал на это явление остальным, которые тотчас убедились, что я прав.

Не могу сказать, чтобы я был встревожен этим явлением, потому что слово «встревожен» не выражает моего настроения. Возможно, впрочем, что, если бы не портер, я почувствовал бы некоторое волнение. Остальные даже не пытались скрыть смертельного ужаса, овладевшего ими. Мистер Глиддон исчез самым непонятным манером. Мистер Силк Букингам, вероятно, и сам припомнит, как он пополз на четвереньках под стол.

Однако после первых минут изумления и ужаса мы решили продолжать опыт. Мы занялись теперь большим пальцем правой ноги; сделали надрез с наружной стороны *os sesaïmodeum pollicis peclis* и таким образом добрались до основания *musculus abductor*. Затем, установив батарею, мы приложили проволоку к двураздельному нерву. В то же мгновение мумия вздернула правое колено к животу, а затем, с невероятной силой выпрямив ногу, дала такого пинка доктору Понноннеру, что этот джентльмен вылетел в окно на улицу, как стрела из катапульты.

Мы ринулись вон *en masse* подобрать исковерканные останки несчастной жертвы, но, к нашей радости, встретили доктора на лестнице, летевшего со всех ног, в философском азарте, с намерением во что бы то ни стало продолжать опыт настойчиво и рьяно.

По его совету, мы сделали глубокий надрез на кончике носа мумии, и доктор собственноручно привел его в соприкосновение с проволокой.

Морально и физически, фигурально и буквально действие можно было назвать электрическим. Во-первых, мумия открыла глаза и быстро заморгала ими, как мистер Бэрнс в пантомиме; во-вторых, чихнула; в-третьих, уселась; в-четвертых, показала кулак доктору Понноннеру; в-пятых, обратившись к господам Глиддону и Букингаму, сказала на чистейшем египетском языке:

— Признаюсь, джентльмены, я крайне удивлен и оскорблен вашим поведением. От доктора Понноннера ничего лучшего и ожидать нельзя было. Этот жалкий дуралей не способен ни на что лучшее. Я жалею и прощаю его. Но вы, мистер Глиддон, и вы, Силк, — вы, путешествовавшие и жив-

шие в Египте так долго, что иной примет вас за уроженцев этой страны, — вы, научившиеся в нашей среде говорить по-египетски так же бегло, как, я думаю, вы пишете на родном языке, — вы, которых я всегда считал друзьями мумий, — признаюсь, я ожидал более благородного поведения с вашей стороны. Как могли вы спокойно выносить такое неблагоприятное обращение со мной? Как могли вы позволить Тому, Дику и Гарри вынуть меня из гробов и распеленать в этом дьявольски холодном климате? Какими глазами (переходя к главному пункту) должен я смотреть на ваше одобрение и содействие этому презренному поганцу доктору Понноннеру, когда он вздумал таскать меня за нос?

Вы ожидаете, конечно, что, выслушав эту речь при подобных обстоятельствах, мы кинулись к дверям, или впали в истерику, или грохнулись всей компанией в обморок. Надо было, говорю я, ожидать какого-нибудь из этих трех поступков. И то, и другое, и третье могло быть исполнено с большим удобством. И, право, я не знаю, как и почему мы не исполнили ни того, ни другого, ни третьего. Быть может, причина тому дух времени, который действует по правилу противоречия и обыкновенно приводится в объяснение всего парадоксального и невозможного. Или, быть может, необычайно естественный и толковый тон мумии ослабил ужас, вызванный ее словами. Как бы то ни было, факт остается фактом: никто из нас не обнаружил страха и даже не казался особенно изумленным.

Я, со своей стороны, находил, что все идет как нельзя лучше, и только отошел в сторону, подальше от кулака египтянина. Доктор Понноннер засунул руки в карманы панталон, уставился на мумию и сильно покраснел. Мистер Глиддон закрутил усы и отогнул вверх воротничок своей рубашки. Мистер Букингам понурил голову и засунул большой палец правой руки в левый угол рта.

Египтянин сурово смотрел на него в течение нескольких минут, потом с усмешкой сказал:

— Что ж вы молчите, мистер Букингам? Разве вы не слышали, о чем я спрашиваю? Выньте палец изо рта!

Мистер Букингам слегка вздрогнул, вытащил правый палец из левого угла рта и засунул левый палец в правый угол упомянутого отверстия.

Не добившись ответа от мистера Букингама, египтянин сердито обратился к мистеру Глиддону и резким тоном спросил, что все это значит.

Собравшись с духом, мистер Глиддон ответил на языке фонетических иероглифов, и если бы в американских типографиях можно было найти иероглифический шрифт, я охотно привел бы здесь целиком эту прекрасную речь.

Замечу кстати, что весь последующий разговор, в котором принимала участие мумия, происходил на первобытном египетском языке, причем гг. Глиддон и Букингам служили переводчиками (для меня и других гостей, не бывавших в Египте). Эти джентльмены объяснялись на родном языке мумии с неподражаемой беглостью и плавностью; но я не мог не заметить, что им приходилось иногда (без сомнения, в тех случаях, когда дело шло о современных, чуждых египтянину понятиях) прибегать к наглядным объяснениям. Например, мистер Глиддон не мог растолковать мумии, что такое «политика», пока не нарисовал на стене углем маленького джентльмена, с угреватым носом, оборванного, стоявшего на одной ноге, откинув левую назад, вытянув правую руку вперед, стиснув кулак, закатив глаза и разинув рот под углом в девяносто градусов.

Нетрудно догадаться, что мистер Глиддон в своей речи указывал, как важно для науки распеленывать и потрошить мумии, хотя бы при этом было причинено некоторое беспокойство им самим, а в данном случае субъекту, носившему имя А л л а м и с т а к е о; и в заключение намекнул (далее намека трудно было идти при данных обстоятельствах), что так как теперь все эти мелочные недоразумения выяснились, то было бы недурно приступить к исследованию. Услышав это, доктор Понноннер приготовил свои инструменты.

Последние слова оратора, по-видимому, возбудили в Алламистакео какие-то сомнения, сущность которых осталась для меня неясной; однако, он объявил, что удовлетво-

рен объяснениями мистера Глиддона, соскочил со стола и пожал руки всем присутствовавшим.

Когда церемония представления была окончена, мы поспешили исправить повреждения, нанесенные египтянину скальпелем. Мы зашили рану на виске, перевязали ногу и приклеили кусочек черного пластыря величиной в 1 квадратный дюйм к кончику его носа.

Мы заметили, что граф (таков был, кажется, титул Алламистакео) слегка вздрагивает, — без сомнения, от холода. Доктор Понноннер тотчас направился к платяному шкафу и притащил черный сюртук — образцовое изделие Дженингса — клетчатые небесно-голубого цвета брюки со штрипками, chemise тонкого полотна, глазетовый жилет, белое пальто, трость с кривой ручкой, сапоги патентованной кожи, соломенного цвета лайковые перчатки, лорнет, пару бакенбард и галстук. Вследствие разницы в росте между графом и доктором (первый был вдвое выше второго) надеть эти вещи на египтянина оказалось несколько затруднительным; но, когда туалет его был окончен, он мог назваться одетым. Затем мистер Глиддон взял его под руку и усадил в покойном кресле перед камином, а доктор позвонил и велел подать сигар и вина.

Вскоре беседа приняла самый оживленный характер. Разумеется, присутствующие выразили удивление, что Алламистакео до сих пор остался жив, находя этот факт не совсем обыкновенным.

— Мне кажется, — заметил мистер Букингам, — вам давно следовало умереть.

— С какой стати? — с удивлением ответил граф. — Мне всего семьсот лет! Мой отец прожил тысячу и был еще хоть куда накануне смерти.

Тут последовали расспросы и вычисления, из которых выяснилось, что мы имели совершенно неверное представление о мумии. Прошло пять тысяч пятьдесят лет и несколько месяцев с того момента, как она была положена в катакомбах Элейтиаса.

— Я ведь, собственно, имел в виду, — возразил мистер Букингам, — не ваш возраст в момент погребения (я согла-

сен, что вы еще молодой человек), а громадный период времени, проведенный вами, по вашим же словам, в асфальте.

— В чем? — спросил граф.

— В асфальте, — повторил мистер Букингам.

— А, да; я, кажется, понимаю, что вы хотите сказать; без сомнения, этот способ имеет свои достоинства, но в наше время употреблялась почти исключительно двухлористая ртуть.

— Но мы все-таки затрудняемся понять, — сказал доктор Понноннер, — как могло случиться, что вы, умерший и погребенный пять тысяч лет тому назад, оказываетесь теперь живым и, по-видимому, имеете цветущее здоровье.

— Если бы я умер, — возразил граф, — то, по всей вероятности, и до сих пор оставался бы мертвым; но я замечая, что вы еще очень несведущи по части гальванизма и не можете исполнить того, что было самой обыкновенной вещью у нас, в старину. Дело в том, что я впал в каталептическое состояние, а мои друзья решили, что я мертв или должен быть мертвым, и немедленно набальзамировали меня... я полагаю, вы имеете понятие об основных принципах бальзамирования.

— Н... да, не совсем.

— Ага, понимаю — о глубина невежества! Ну, я не могу пускаться в подробности; но считаю необходимым заметить, что бальзамировать (в собственном смысле слова) в Египте значило остановить на определенное время все животные функции данного лица. Я употребляю слово «животные» в его обширнейшем смысле, подразумевая не только физические, но и духовные, и жизненные функции организма. Повторяю, основным принципом бальзамирования была остановка всех животных отправления субъекта. В коротких словах, субъект должен был вечно оставаться в том же состоянии, в каком был он в момент бальзамирования. Так как в моих жилах течет кровь Священного Жука, то меня забальзамировали живым, таким точно, каким вы меня видите в настоящую минуту.

— Кровь Священного Жука! — воскликнул доктор Понноннер.

— Да. Священный Жук — это *insignium*, или герб, одной из древнейших и знатнейших фамилий. Выражение «в моих жилах течет кровь Священного Жука» означает только принадлежность к фамилии, носящей этот герб. Я выражаюсь образным языком.

— Но при чем тут бальзамирование живьем?

— Видите ли, в Египте было обыкновение вынимать из тела внутренности и мозг перед бальзамированием. Только для фамилии Жуков делалось исключение. Так что, если бы я не был Жуком, у меня вынули бы мозг и внутренности, а без них не совсем удобно жить.

— Понимаю, — сказал мистер Букингам, — стало быть, все цельные мумии, которые нам случается находить, принадлежат к фамилии Священных Жуков?

— Без сомнения.

— Я думал, — робко заметил мистер Глиддон, — что Священный Жук принадлежал к числу египетских богов.

— Египетских... что? — воскликнула мумия, вскочив на ноги.

— Богов! — повторил путешественник.

— Мистер Глиддон, я положительно изумлен вашими словами, — отвечал граф, снова опускаясь в кресло. — Ни одна нация на земле никогда не признавала более о д н о г о Б о г а. Священный Жук, Ибис etc. служили у нас (как и у других наций подобные же существа) только символами или *media*, при посредстве которых мы поклонялись Творцу, слишком возвышенному, чтобы обращаться к Нему непосредственно.

Последовала пауза. Наконец, доктор Понноннер возобновил беседу.

— Из ваших объяснений, — сказал он, — можно заключить, что в катакомбах близ Нила могут оказаться и другие мумии рода Жуков, сохранившие жизнеспособность.

— Без всякого сомнения, — отвечал граф, — все Жуки, случайно забальзамированные живыми, и теперь еще живы. Возможно также, что некоторые из лиц, умышленно забальзамированных живьем, были забыты своими душеприказчиками и до сих пор остаются в могилах.

— Не будете ли вы добры объяснить, — сказал я, — что означают ваши слова «умышленно забальзамированных живьем».

— С величайшим удовольствием, — отвечала мумия, осмотрев меня в лорнет, так как я только в первый раз обратился к ней с вопросом.

— С величайшим удовольствием, — сказала она. — Средняя продолжительность жизни в наше время была восемьсот лет. Немногие умирали — оставляя в стороне случайности, — ранее шестисот, немногие переживали десяток веков; нормальным сроком считалось восемьсот лет. С открытием способа бальзамирования, о котором я уже сообщил вам, наши философы пришли к заключению, что было бы весьма интересно, как с точки зрения простой любознательности, так и в видах преуспевания науки, отбывать этот жизненный срок по частям. Предположим, например, такой случай: историк прожил пятьсот лет, написал книгу — плод многолетних изысканий, — затем его тщательно бальзамируют и помещают в гробницу с надписью для душеприказчиков *pro tem.*, обязанных оживить его через известный промежуток времени, скажем, пятьсот или шестьсот лет. Вернувшись к жизни по истечении этого периода, он убеждается, что его великое творение превратилось в род всеобщей записной книжки, то есть в род литературной арены для изысканий, догадок и споров целой стаи рьяных комментаторов. Эти изыскания и проч., под именем поправок и пояснений, до того затемнили, запутали и исковеркали текст, что автору приходится с фонарем отыскивать свою книгу. Отыскав ее, он убеждается, что искать не стоило. Переделав ее начисто, он считает своей священной обязанностью исправить на основании своего личного опыта и знания предания, относящиеся к первому периоду его жизни. Подобные исправления, предпринимаемые время от времени различными мудрецами, предотвратят возможность превращения истории в чистую басню...

— Виноват, — перебил доктор Понноннер, слегка прикоснувшись к руке египтянина, — виноват, сэр, могу я вас перебить на минуточку?

— Сделайте одолжение, сэр, — отвечал граф, приосанившись.

— Я хотел только предложить вам один вопрос, — сказал доктор. — Вы упомянули об исправлении историком преданий, относящихся к его эпохе. Скажите, пожалуйста, сэр, какая доля преданий Каббалы в среднем оказывается верной?

— Каббала, как вы совершенно правильно называете ее, сэр, вообще говоря, стоит наравне с фактами, о которых сообщают устные рассказы; то есть не содержит ни одной-единственной детали, которая не оказалась бы совершенно и безусловно ложной.

Присутствующие пожали плечами, а некоторые с многозначительным видом дотронулись пальцем до лба. Мистер Букингам, бросив беглый взгляд на затылок, потом на лоб Алламистакео, сказал:

— Продолжительность жизни в ваше время, равно как и возможность отбывать ее по частям, как вы сейчас объяснили, без сомнения, должны были способствовать развитию и накоплению знаний. Я полагаю, что вы приписываете отсталость древних египтян во всех специальных отраслях знания, по сравнению с современными народами, а особенно с янки, единственно большей толщине египетского черепа.

— Признаюсь, — возразил граф очень вежливым тоном, — я опять-таки не совсем понимаю вас: скажите, пожалуйста, о каких специальных отраслях знания вы говорите?

Тут мы в один голос и очень подробно сообщили ему о выводах френологии и чудесах животного магнетизма.

Выслушав нас до конца, граф сообщил несколько анекдотов, из которых нам стало ясно, что прототипы Галля и Шпурцгейма расцвели и увяли в Египте так давно, что подверглись почти полному забвению, а манипуляции Месмера — жалкие фокусы в сравнении с положительными чудесами фиванских savants, которые создавали живых вшей и много других подобных существ.

Тут я спросил графа, умели ли его единоплеменники вычислять затмения. Он улыбнулся довольно презрительно и отвечал: «Умели».

Это несколько смутило меня, но я все-таки предложил еще несколько вопросов по части астрономических знаний, когда один из гостей, еще ни разу не открывавший рта, шепнул мне на ухо, что об этих вещах лучше справиться у Птолемея и Плутарха.

Тогда я стал расспрашивать графа о зажигательных стеклах и чечевице и вообще о производстве стекла; но тот же молчаливый господин спокойно дотронулся до моего локтя и просил меня Христом Богом заглянуть в Диодора Сицилийского. Что касается графа, то он просто спросил меня, вместо ответа, имеются ли у современных людей микроскопы, с помощью которых можно вырезать камеи в стиле египетских. Пока я раздумывал, что ответить на этот вопрос, крошка доктор Понноннер повел себя самым странным образом.

— Взгляните на нашу архитектуру! — воскликнул он к великому негодованию обоих путешественников, которые ни с того ни с сего принялись щипать его до синяков.

— Взгляните, — воскликнул он с энтузиазмом, — на Bowling-Green Fountain в Нью-Йорке! Или, если это зрелище слишком величественно для созерцания, бросьте хоть один взгляд на Капитолий в Вашингтоне! — тут добрейший карапузик принялся подробно описывать упомянутое им здание. Он объяснил, что один портик украшен двадцатью четырьмя колоннами, по пяти футов в диаметре, на расстоянии десяти футов одна от другой.

Граф отвечал, что, к сожалению, не может припомнить в настоящую минуту точные размеры одного из главных зданий в городе Азнаке, основание которого теряется во мраке времен, а развалины еще сохранились в эпоху его погребения в обширной песчаной равнине к западу от Фив. Он помнит, однако, что портик сравнительно небольшого дворца в предместье, называемом Карнак, состоял из сорока четырех колонн, по тридцати семи футов в окружности, на расстоянии двадцати пяти футов одна от другой. От Нила до портика, на протяжении двух миль, тянется аллея сфинксов, статуй и обелисков, достигающих двадцати, шестидесяти и ста футов в высоту. Сам дворец (насколько

он мог припомнить) имел две мили в длину и семь миль в окружности. Стены его были богато расписаны, внутри и снаружи, иероглифами. Он не утверждает, будто в стенах его могли быть выстроены пятьдесят или шестьдесят Капитолиев доктора, но считает возможным, что две или три сотни их можно бы было втиснуть туда без особенных затруднений. Впрочем, этот Карнакский дворец, в конце концов, просто лачуга. Он (граф) по совести не может отрицать великолепия и превосходства Bowling-Green Fountain, описанного доктором. Ничего подобного, он должен сознаться, не было в Египте, да и нигде вообще.

Я спросил графа, что он думает о наших железных дорогах.

— Ничего особенного, — отвечал он. — Они устроены довольно непрочно, легкомысленно и неуклюже. Какое же сравнение с широкими, гладкими дорогами, по которым египтяне перевозили целые храмы и массивные обелиски в полтораста футов вышиною.

Я завел речь о наших гигантских механических силах.

Он согласился, что мы немножко маракуем по этой части, но тут же спросил, как бы я принялся за дело, если бы надо было поместить лопатки под сводами хотя бы маленького Карнакского дворца.

Я сделал вид, что не слышу этого вопроса, и спросил, имеет ли он понятие об артезианских колодцах. Но он только высоко поднял брови, а мистер Глиддон бросил на меня суровый взгляд и заметил вполголоса, что такой колодец недавно был найден инженерами в Большом Оазисе.

Я заговорил о наших стальных изделиях; но иностранец презрительно повел носом и спросил, можно ли нашими стальными орудиями исполнить такую резьбу, какую египтяне исполняли на обелисках медными резцами.

Все это смутило нас настолько, что мы решили перейти к вопросам метафизическим. Мы послали за книгой, называемой «Обозрение», и прочли египтянину главу или две о чем-то не весьма ясном, но известном у бостонцев под именем великого движения или прогресса.

Граф заметил только, что великие движения были самым обыкновенным явлением в его время, а прогресс одно время сделался истинной язвой, но никогда не прогресси- ровал.

Тогда мы перешли к величию и значению демократии и не без труда втолковали графу, какими выгодами мы пользуемся, живя в стране, где существует подача голосов *ad libitum* и нет короля.

Он выслушал нас с интересом и, по-видимому, нашел наши рассуждения очень забавными. Когда мы кончили, он сказал, что много веков тому назад уже пытались устроить нечто подобное. Четырнадцать египетских провинций решили провозгласить себя свободными и тем самым подать великолепный пример остальному человечеству. Они собрали своих мудрецов и состряпали остроумнейшую конституцию. Сначала дело пошло недурно, только хвастались они ужасно. Но кончилось тем, что упомянутые четырнадцать провинций с пятнадцатью или двадцатью другими подпали под власть самого ненавистного и невыносимого деспотизма, какой когда-либо владычествовал на земле.

Я спросил, как звали деспота?

Сколько помнилось графу, его звали Ч е р н ь.

Не зная, что ответить на это, я возвысил голос и выразил сожаление, что египтяне не знали силы пара.

Граф взглянул на меня с удивлением, но ничего не ответил. Молчаливый джентльмен двинул меня локтем в бок, — шепнул мне, что я оскандалился, и прибавил, что современная паровая машина происходит от изобретения Герона через Соломона де Ко.

Нам угрожало решительное поражение, но, к счастью, доктор Понноннер собрался с духом, явился к нам на ручку и спросил, неужели египетский народ мог бы серьезно думать о соперничестве с нами в таком важном предмете, как одежда.

Граф взглянул на штрипки своих брюк, затем взялся за фалду сюртука и поднес ее к глазам. Когда он выпустил ее, рот его мало-помалу раскрылся до ушей, но больше он ничего не ответил.

Тут мы воспрянули духом, и доктор Понноннер, подходя к мумии с видом глубокого достоинства, попросил ее ответить по правде, как честный джентльмен, умели ли египтяне в какой бы то ни было период своего существования готовить лепешечки Понноннера и пилюли Брандрета.

Мы с глубоким беспокойством ожидали ответа, но тщетно. Ответа не было. Египтянин покраснел и понурил голову. Никогда торжество не было столь полным, никогда поражение не было столь горьким. Я не вынес убитого вида мумии. Я схватил шляпу, сухо поклонился графу и ушел.

Я пришел домой в четыре часа и тотчас же улегся спать. Теперь десять утра. Я встал в семь часов утра и написал эти воспоминания на поучение моей семье и человечеству. От семьи я отказываюсь. Моя жена ведьма. По правде сказать, мне смертельно надоела эта жизнь, да и вообще девятнадцатый век. Я убежден, что все идет как нельзя хуже. К тому же мне хочется знать, кто будет президентом в 2045 году. Итак, побрившись и проглотив чашку кофе, отправлюсь к Понноннеру и велю набальзамировать себя на двести лет.

ДУША МУМИИ

(1862)

Был полдень, и там, снаружи, цвела свежесть и пышность жизни, но тьма полуночи и мертвецы царили в египетской гробнице, высеченной в сердце Ливийских гор. Грандиозные руины в двухстах футах надо мною, полускрытые желтыми, сверкающими песками пустыни, казались скелетом города несказанных чудес. Однако же запустение Фив было призрачным. Скульптурные лица колоссов глядели на развалины строгими сухими глазами, словно насмехаясь над тщетой человеческих стараний. Меня окружали мумии, скульптуры и фрески на стенах. Здесь жизнь и смерть соприкасались и узнавали одна другую в непреложности обоюдного существования. Прах людей забытых веков проповедовал глубочайшие истины в гигантских мавзолеях. И все же, не веря этим истинам, я спрашивал себя, не заблуждались ли египетские оракулы, когда утверждали, что душа, после трех тысяч лет паломничества к иным храмам, вдохнет в тела мертвых новую жизнь?

Испуганная летучая мышь то влетала в гробницу, то вновь вылетала; злобный скорпион, пробираясь по карнизу одного из склепов надо мною, скрежетал своими латами. Легкое дуновение ветра из галереи наполнило мои ноздри отвратными испарениями мумий и смело пыль с резной колонны. Я пребывал в ларце смерти, и мумии были его драгоценностями. Столетия пролежавшие мертвыми и тем не менее живые во всем, кроме жизни; да, лишь дыхания жизни не доставало им, чтобы сбросить бинты и покровы и предстать предо мною! Думая о том, что они могут восстать из могил, о чудовищности такого воскресения, я задрожал.

Но если египетское учение окажется истинным, если жизнь возобновляется спустя тридцать веков, они в любой миг могут воскреснуть, и меня ждет пароксизм безумного страха. Что если в запутанном переплетении галерей этой колыбели древнего ужаса на меня накинутся толпы оживших египтян, разъяренных моим святотатством?

Я представил себе беспощадное сражение с их иссохшими телами, попытки вырвать победу из их вцепившихся в меня рук, в то время как их жесткие волосы, пахнущие склепом, будут царапать мое лицо... Несуразные игры вооб-

ражения, взбудораженного странной обстановкой, вкупе с шелестящим звуком в далекой галерее, заставили меня выронить факел и броситься со всех ног к выходу из гробницы, где я застыл, дрожа от испуга и не зная, куда направиться. К счастью, появился Феррадж, мой проводник; иначе в темноте и гнетущем одиночестве я лишился бы рассудка.

Гробница, в которой я находился, была открыта за день до этого. Она состояла из большого зала с тяжелыми арками, массивной колонной в центре и тремя рядами ниш с каждой стороны; у входов в них располагались росписи ярко-красного цвета. Громоздкая резьба на колонне представляла собой тяжеловесные скульптурные изображения, лишённые утонченности линий, воздушной легкости, что могла бы сказаться на их внушительной симметрии. Всякий завиток, всякая прямая на колонне и плитах были твердыми, жесткими и даже жестокими, все они выражали власть. Тут и там на грубом граните виднелись неуклюжие и замысловатые изображения торжественных церемоний, высеченные руками терпеливого резчика. Но руки, которые день за днем, по приказу коварного жреца или скорбящей родни, высекали и рисовали, тысячи лет назад выронили резец и кисть, а их труды стали памятниками неосуществленного величия.

Осмотрев ряды ниш, я увидел, что многие лишились своего содержимого. Только одна оставалась нетронутой; на плите, закрывавшей вход, был изображен яркими красками лотос, сорванный в самом цвету. На могиле не было надписей, которые помогли бы опознать мертвое тело; не было и рельефа, рассказывавшего о жизни покойного или покойной. Раствор по краям плиты окаменел, подобно скале, где была высечена гробница. Полчаса работы ломом принесли ничтожные результаты, и я поместил под плиту, в углубление, расширенное ломом, некоторое количество пороха. Огонь зашипел, пожирая шнур, раздался глухой звук взрыва, тотчас потонувший в мертвой тишине галерей. Плита с изображением рухнула на пол и разлетелась на куски.

В открывшейся нише находился саркофаг с мумией, с головы до ног обернутой льняными полотнищами и покоя-

щейся на ложе из высохших цветов. В задумчивом сожалении я укорял себя за такое святотатство, увидев, что то было тело женщины. Но отвратительный, отдающий плесенью запах трупа уже распространил свои неуловимые миазмы по залу, проник в мозг и отравил его. В этот миг опьянения чувств мне почудилось, что мумия сбросила свои погребальные одежды и медленно отступила, пройдя сквозь каменные стены, которые не закрылись за нею; после я со всей ясностью увидел, как она проплывает в воздухе по вырубленной в скале галерее, вдоль рядов могил, расположенных у стен одна над другой. Из каменных могил тянулись руки смутлокожих мумий, пальцы их тщетно пытались вцепиться в призрак, тогда как он, не дрогнув ни единым мускулом, с недвижными чертами, все скользил по ужасному коридору, пока не исчез в сумраке.

Агония страшного видения рассеялась. Мой лоб был покрыт холодным потом, глаза горели от яростного жара, вызвавшего отталкивающее видение; языки белого пламени, казалось, то и дело вспыхивали в темноте коридора.

Я оглянулся. Феррадж, скорчившись, сидел на земле, закрывая лицо руками.

— Феррадж!

— Ховаджи! Храбрый сиди! Ты видел, как тело задвигалось и стало размахивать руками? Оно убежало в темноту?

— Конечно же нет, глупец. Разве тело не в саркофаге? Мертвые не могут вернуться к жизни.

Я негромко рассмеялся, стараясь его ободрить; но это не успокоило Ферраджа и все то время, что мы оставались в гробнице, как я заметил, он старался держаться подальше от мумии, а факел держал наподобие меча, точно готовясь отразить удар невидимых рук.

С глубочайшим благоговением я осторожно развернул покровы и открыл лицо мумии. Показались черные и сморщенные женские черты. При виде этого жуткого зрелища я отшатнулся в изумлении, если не отвращении. На мгновение я забыл, где находился, забыл о гробнице, вспоминая лишь ту минуту, когда я откинул гробовую крышку и в последний раз взглянул на лицо умершей сестры. Задумав-

шись над мумией, я вспоминал очаровательное личико сестры и ее белую, как мрамор, кожу. Никогда еще воображение не рисовало предо мной такие мучительные картины. Но пыл антиквара заставил позабыть и горькие видения прошлого, и неприглядную действительность. Женщина в гробу когда-то была красива; возможно, в те дни ее считали одной из первых красавиц. Она была невысокого роста, худощава, с покатым лбом, высокими, но не выдающимися скулами и изящным маленьким носиком. Глаза, окна женской души, были сомкнуты в вековом сне. Черные вьющиеся волосы немного потускнели. Рот был маленьким, изысканной формы, в изгибах губ не ощущалось припухлости, характерной для людей с примесью эфиопской крови. Однако темная, напоминавшая пергамент кожа отталкивала меня от трупа; я думал о времени, что сожгло красоту на всепоглощающем костре своей неуловимой химии, оставив лишь оболочку души, дабы ее вновь наполнила жизнь, что питала зверей, птиц или насекомых, обретая все большую силу с каждым перевоплощением. Когда я начал разматывать длинные бинты на груди, сильный порыв ветра из пустыни проник в сумрачный горный склеп. Сильнее забило пламя догорающих факелов, ветер разметал слой пыли, покрывавшей колонну и стены ниши, мумия рассыпалась в тошнотворный прах, и я едва не задохнулся в облаке мельчайших частиц человеческой пыли. В грудке бусин и обрывков ткани я нащупал каменного скарабея, на спине которого были вырезаны крошечные иероглифы. Я сумел перевести надпись: «*Три тысячи лет спустя — новая жизнь*». Итак, пророчество не оправдалось, и прах возвратился к праху, сказал я себе. Но не превратит ли обещанное воскресение этот прах в возрожденное тело, подсказал глас сомнения; вмешательство его распалило воображение, надевшееся, что так и произойдет.

В гробу, в головах тела, я нашел небольшой сосуд из зеленого полупрозрачного камня с древними обводами и изящными резными украшениями. По бокам выдавались змеи, тянувшиеся вверх легкими, грациозными изгибами тел, а их ужасные ядовитые клыки впивались в нежный

ободок вазы. Она была такой хрупкой, что, казалось, готова была рассыпаться на атомы от самого бережного прикосновения руки. Я нечаянно перевернул ее; на землю упала горстка невесомого мелкого пепла, а вслед за нею громадное насекомое. Оно лежало с распростертыми крыльями у моих ног. Феррадж нагнулся, поднял насекомое и с минуту глядел на него; его губы тряслись, рука так дрожала, что он чуть не выронил факел.

— *Ифрит! Ифрит!* проклятый дьявол! — вскричал он и швырнул насекомое в грудку тряпок, что когда-то была мумией. Я поднял его и внимательно осмотрел; признаюсь, однако, что с первого взгляда на мерзкое существо меня охватило необъяснимое отвращение.

Это была муха дюймов шести в длину, с головой формы и размеров горошины; она казалась каплей жидкого серебра. Маленькие, чуть выпученные белые глазки сверкали, подобно алмазам. Тело на ощупь казалось упругим и было окрашено в ярко-желтый цвет, с зелеными полосами, шедшими через равные промежутки. На длинных, тонких, суставчатых ногах топорщились желтоватые волоски. Широкие крылья были подобны прекраснейшим листьям, расписанным узором из золотистых линий и непроглядно черных теней, с великолепным украшением из серебряных полос по краям и сетью прожилок чудесной красоты. Эти лабиринты несказанных красок перетекали друг в друга, и глазу не удавалось различить, где кончался один оттенок и начинался следующий. Смерть насекомого не приглушила яркости цветов, и они сияли во всей своей красе. С острых кончиков волшебных крыльев свисали тончайшие волосяные кисточки, покрытые пылью, в которой долго пролежало насекомое. Но несмотря на пестроту красок и дивное строение тела, оно отличалось невероятным уродством: из самого центра головы, точнее лба, выдавалось свернутое жало кроваво-красного цвета. Едва я увидел его, как вместо восхищения ощутил омерзение. По телу пробежала дрожь ужаса, когда с резким щелчком жало выскользнуло у меня из пальцев и ударило насекомое по голове. Во время осмотра насекомого Феррадж стоял поодаль; заметив, что я отпря-

нул, и услышав резкий звук распрямившегося пружинистого жала, он издал негромкий стон.

Замечательная упругость тела насекомого убедила меня в том, что некогда оно было забальзамировано и хранилось в вазе, покоясь в давно испарившейся жидкости. Горстка праха могла быть остатком мумифицирующего состава. Все сочленения насекомого были подвижны, оно казалось влажным, словно жизнь только что покинула его. Однако я никак не мог понять, каким было его предназначение при жизни и что оно символизировало в мертвом виде.

Насекомое заворожило меня, но не только благодаря пышной расцветке, каким-либо доселе неизвестным науке особенностям строения или яркому блеску мертвых глаз, а в целом; даже жуткий шлем на голове насекомого виделся мне неотъемлемой частью его очарования. Я ненавидел себя за чувство, которое со временем переросло в пылкую страсть и гордость обладания таким чудесным существом.

Я зачерпнул горсть или две праха мумии, поместил его в вазу вместе с насекомым и, обессиленный, покинул гробницу; меня утомили пережитые события и совершенные мною открытия. Я не решился продолжать исследование гробниц и с первым же пароходом отплыл в Америку.

Свой сувенир я часто показывал друзьям; дамы, отмечая замечательную окраску насекомого, практически единодушно провозглашали его самым вероломным из виденных ими созданий и яростно критиковали извращенность вкуса, что привела меня к выбору столь уродливого каприза природы в качестве напоминания о путешествии в Египет.

Но моя жена — мой молодой и прекрасный добрый ангел — ужасно привязалась к насекомому. Долгие месяцы я не понимал, в каком рабстве оказалась ее душа; но даже тогда, вдруг вспомнив, что не раз видел у нее в руках насекомое, я подумал, что она просто-напросто восхищается фантастическим созданием. Когда я обвинил ее в этом, она разразилась слезами и произнесла жалобным, извиняющимся голосом, что оно, дескать, такое хорошенькое, что сопротивляться его очарованию невозможно и что в то же

время оно постоянно напоминает ей о моих длительных путешествиях по дальним странам; и потому, когда она созерцает единственный привезенный мною сувенир, ее мысли невольно обращаются к неведомым пейзажам и открытиям, что удерживают меня вдали от нее. Тогда я впервые поведал ей о случившемся в пещере. Она всплеснула своими маленькими милыми ручками и сказала: «Фред, насекомое это влечет меня, как и тебя; я сделалась его рабой, но испытываю предчувствие, что оно нанесет мне жесточайшую рану. Я снова и снова гнала эту мысль, однако она всегда возвращается. Я пытаюсь отнестись к ней философски и говорю себе, что это безумие, но успокоение не приходит».

С тех пор, оставаясь вдвоем, мы часами разглядывали отталкивающие черты мухи и гадали, какую роль она играла в устройстве мироздания, когда разрезала крыльями воздух над головами давным-давно забытых людей. Таинственность и древность предмета наших исследований пьянила воображение. Нас все крепче соединяла рабская покорность необъяснимому влиянию мухи. Нет, мы не были несчастны, но ощущали беспокойство и все же, по прошествии нескольких месяцев, ни разу не попытались сбросить цепи рабства.

Если бы на этом история завершилась, я заплакал бы от радости. Но именно тогда насекомое, доселе пассивное, решительно вышло на сцену неслыханной трагедии.

Однажды вечером мне понадобилась для опыта смесь нашатырного спирта и эфира; я приготовил ее и, когда меня неожиданно позвали, оставил смесь в плошке на столе. Поздно вечером, вернувшись в кабинет, я удостоверился, что служанка вылила содержимое плошки в вазу. Я и не подумал спросить ее, в какую, так как в комнате было несколько ваз, и выбросил все из головы. Дверь спальни выходила в кабинет; комнаты разделяла гипсовая перегородка, и ночью дверь всегда оставалась открыта.

Около половины первого меня пробудило от сна нечто тихое и необъяснимое, как часто бывает в случае опасности. Все мои чувства самым необычным образом напряглись,

утончившись до предела. Я прислушался и расслышал тихие звуки музыки, чьи нежные ноты плавно летели ко мне из угла спальни; и затем, с быстротою молнии, до меня донесли волнующие, сводящие с ума такты патетических симфоний. Музыка звучала в кабинете и сотрясала неподвижный воздух, пока каждая частица его не стала колокольчиком, издававшим сладчайшую мелодию. Музыка была нежнейшей, но страстной, переливчатой в каденциях, но стремительной и настойчивой; умиротворяющей, но такой завораживающей, что все вокруг, казалось, трепетало от ее раскатов. Меня обьяло сладостное томление. На мгновение воцарилась глубокая тишина. И затем, прямо надо мною, снова зазвучала эта иступленная мелодия, эти перезвоны эха.

Жена застонала, шевельнулась во сне, и ее рука упала мне на лицо.

Мои мысли были так поглощены странной, бездушной музыкой, что прикосновение испугало меня; рука словно протянулась из темноты и легла мне на лоб. Спокойный глас рассудка подавил тревогу, но вскоре ее сменило иное потрясение, менее острое и внезапное, но более длительное, исполненное острого ужаса и жестокого страдания. Рука жены была сухой, пылала жаром и казалась сморщенной, как если бы внезапный и резкий приступ лихорадки лишил ее всей свежести и оставил лишь пергаментную кожу и горячий пепел прежней красоты.

Когда я в страхе произнес ее имя, она едва слышно застонала. Я прижался губами к ее лицу; оно было таким же ужасным, как и рука. Встревоженный ее непонятным молчанием и молниеносной, безмолвной переменой, которую я ощутил, прикоснувшись к ней, я зажег свечу.

Она лежала на боку и смотрела на меня бессмысленным, идиотическим взглядом, лишенным всякой жизни и блеска, и это неожиданное, жуткое в своей безнадежности превращение пронзило мне сердце, как острый нож. Я заплакал.

Пока я стenal и рыдал в невыносимой агонии, ее жесткая горячая рука вновь опустилась на мое лицо, будто соболезнуя, пусть и немошно, моему горю; она была не в си-

лах разделить всю скорбь моих страданий, но вне сомнения осознала, словно в тумане, что меня постигло несчастье.

Это проявление безмерной любви исторгло у меня крик радости, и я сжал жену в объятиях; но луч надежды, озаривший сердце, был тотчас жестоко раздавлен — она лежала в моих руках, как безвольный, лишенный чувств манекен, а быстрое биение горячей крови сжигало нежную кожу, превращая ее в гладкий пергамент.

Я бесконечно страдал, разум бился в горячке при виде гибели моей любви, этого таинственного, сводящего с ума недуга; и тогда я с невыразимым ужасом вновь услышал безумную, скачущую музыку. Жена задрожала всем телом, когда до нее донеслись ясные, звенящие ноты. С каждой минутой ее внешность менялась, кожа становилась увядшей и коричневой; глаза, еще недавно светившиеся огнем чистой любви, сделались холодными и бесстрастными, бездушный взгляд был устремлен в одну точку. Она утратила всякую волю и погрузилась в чудовищную апатию. *Во всем, за исключением тела и лица, она напоминала теперь мумию из гробницы.* Мой разум, парализованный ужасом и скорбью, постепенно начал отходить от потрясения. Я молил жену рассказать мне о причине ее болезни, поговорить со мною; я приложил ухо к ее губам, надеясь уловить хотя бы тихий шепот. Но слышал я только музыкальные аккорды, доносившиеся из кабинета. Боясь, что любое промедление может приблизить ее смерть, я вызвал врача; после долгих проволочек, тот не осмелился выписать рецепт. Позвали другого; он никогда не слышал и не читал о таком необычном случае. Он велел дать больной бренди, чтобы разогнать ток крови, становившийся все более медленным, и заявил, что больше ничего посоветовать не в состоянии.

Когда он ушел, я склонился над женой и заметил на ее подушке несколько капелек крови. За левым ухом больной обнаружилась ранка, словно нанесенная острием булавки; из ранки медленно сочилась кровь. Я все еще склонялся над нею, а служанки растирали ей руки и ноги, когда в комнате внезапно зазвучала таинственная музыка. Услышав эти

звуки, жена задрожала; женщины бросили свою работу и начали переглядываться в удивлении и тревоге.

Взяв свечу, я прошел в кабинет, закрыв за собой дверь. Не успел я отнять руку от дверной ручки, как меня ударил в лицо большой предмет, горячий, будто уголек из камина; я смахнул его на пол, но он поднялся в воздух и стал беспорядочно порхать, натыкаясь на высокий потолок. С величайшим изумлением я узнал этого врага, этого музыканта, этот источник сладчайших звуков. То было насекомое. Его тело, сверкавшее золотом и переливавшееся изумрудными тонами, полностью распрямилось; большие, украшенные кисточками крылья били по воздуху, издавая неземную музыку; в глубине глаз, сверкавших подобно алмазам, поблескивали тысячи крошечных огней, горевших ровным пламенем; жало было вытянуто и нервно ощупывало потолок, оставляя при каждом касании маленькие красные пятна. Мерзостное существо перелетало с места на место. Я ринулся в погоню, но насекомое легко уклонялось от брошенных мною предметов и вдруг исчезло в вентиляционном отверстии.

Я поднял стоявшую на столе зеленую вазочку, где держал воскресшее насекомое, и нашел, что она была почти до краев полна приготовленной мною смесью. Смесь жидкостей из плошки вдохнула жизнь в тело забальзамированного насекомого. Я не мог знать, что воздействие подобных тонких материй приведет к воскресению, не понимал его принципа. Но насекомое ожило после погружения в смесь нашатыря и эфира — я принял это как данность.

И это насекомое питалось человеческой кровью! Я бросил взгляд на потолок, и красные точки открыли мне причину страданий жены — насекомое ввело ей в вены коварный яд, чтобы иссушить ее кровь и превратить в пергамент нежную кожу. Все мои прошлые и будущие страдания ужасным видением пронесли перед усталыми глазами, и я затрясся, как сухая трава под ветром. Волоча ноги, пораженный глубочайшим горем и невыносимой мукой души, я возвратился к постели жены. Вечное страдание об-

рекло меня, будто преступника, на каторгу мрачайших ужасов; воображение облекло будущее в траур, оставив надежду на одну только смерть, ибо я понимал, что в жизни моей отныне воцарятся мрачные фантазмы, которые отравят самые радостные минуты.

Любить женщину так страстно, как я любил жену, держать ее в объятиях и ждать наступления последней великой драмы бытия, чувствовать, как постепенно стихает живое биение сердца, видеть тщетные попытки вдохнуть воздух, глядеть в глаза, что скоро закроются навсегда, и читать в их ответном взоре любовь — таков наш печальный долг перед умирающими. Но сколь ужасней страдание, когда эти глаза застыли в идиотической неподвижности, когда их свет навечно погас и любимый человек, не сознавая вашего безумного горя, вашей жалостной, никчемной любви, освобождается Смертью от несчастий жизни!

После той памятной ночи жена внешне почти не изменилась. Ее тело сделалось изможденным, кожа стала черной и горячей на ощупь; глаза постоянно оставались полузакрыты, и свет прятался глубоко на дне их. Она часами лежала у меня на руках у окна и, прижимаясь щекой к моей груди, над истерзанным сердцем, подражала нежным звукам крылышек насекомого. Она не произносила ни слова и ничем не давала понять, что сознает мое присутствие. Часто она резким жестом сжимала руками голову, точно страдая от невыносимой боли. В прискорбной беспомощности я мог лишь крепче прижимать ее к себе и стойко терпеть жуткие муки этого зрелища.

С той ночи, когда насекомое исчезло, я больше не слышал его. Мне было все равно, куда оно улетело, и я об этом не беспокоился. Но как-то днем, когда дождь лил широкими водопадами, а я, как обычно, сидел у окна, держа жену на руках, ненавистная музыка тихо, еле слышно донеслась из перегородки, отделявшей кабинет от спальни. Звуки му-пробудили мою жену от апатии. Она приподнялась, повторила все музыкальные вариации и, закончив, повернулась ко мне и обняла меня за шею. Внезапно она судорожно

вздохнула и издала короткий тихий стон. Руки разжались, и моя жена умерла.

* * *

Жену похоронили, и я обезумел. Я жил лишь ради одного, думал только об одном — как изловить и уничтожить насекомое, ставшее причиной всех моих бедствий. Я разобрал большой участок стены, но поиски ни к чему не привели. Я впал в отчаяние. Часами я сидел у пролома в стене, прислушиваясь к малейшему шороху; но из стены не доносилось ни звука, и я начал думать, что насекомое пробралось через какую-либо трещину в каминную трубу и улетело прочь.

Стену еще не успели починить, когда однажды вечером, в приятном оцепенении, я услышал у самого уха нежное пение, ощутил холодное дуновение и затем резкий болезненный укол, длившийся не более секунды. Негромкая заунывная музыка успокоила меня. Меня охватила сладостная истома. На миг разлилось вокруг величественное одиночество могилы, и музыкальная тишина наполнила мою душу благоговением. И затем с шумом, подобным далеким крикам громадного воинства, на меня обрушился обжигающий ветер и с ним чудовищные фантазмы.

Я лежал на песке пред воротами величественного храма в Абу-Симбеле, с тремя колоссальными, высеченными в скале статуями, что восседают в царственной пытке молчания, глядя на Нил недвижными каменными глазами, как глядели три тысячелетия. Пустыня омывает их лавинами песка, наполовину скрывая гигантские формы под желтыми песчаными холмами и выявляя их громадность; торжественную серость скал и статуй оттеняют искрящиеся воды быстрой реки. Я слышу голоса внутри храма, где в мрачной темноте высятся престолы богов, там, где совершались жертвоприношения и чинились страдания. И после вели-

чавый храм растворяется в мягких сумерках и возвышенный образ Сесостриса, как облако небеса, омрачает мою душу.

Пальмы и разбитые колонны! Филы и Исида и Осирис! Мекка народа величественных чудес! Остров прекрасных руин и чудесного запустения! Иззубренные края громадных черных скал, окружающих его, сгладились, лунный свет мерцал на его тропинках и плясал во дворах его храмов. Я блуждал по огромной пустынной равнине, когда тьму на миг рассеяло небесное видение. Один лишь проблеск божественной красоты, и тьма, авансцена несказанного очарования, сгустилась и закачалась.

И снова, как в минувшие дни, я бродил среди царственных руин Карнака. Резные массивы камня изящнейших очертаний преграждали мне путь. Архитравы благородных храмов и фрагменты рухнувших колонн заставили меня вздохнуть над падшим величием. Я прошел по аллее сфинксов, меж изуродованных колоссов и грубо высеченных колонн, полускрытых блистающими песками пустыни. Я подолгу стоял в обширных залах циклопических храмов, где свет и темнота боролись за превосходство; и воображение было бессильно представить пышность умерших Фив, чей гигантский скелет лежал непогребенным в пустыне. Я плутал среди леса колонн в главном зале Карнака и дрожал от сверхъестественного ужаса близ гранитных статуй у входа в храм Эль-Уксорейна. Я страдал от голода и жажды, окруженный обломками древнего величия, и душа моя жаждала избавления, ибо сам ужас стал неизмеримым. И в развалинах мертвых городов, угнетенная самой огромностью запустения, душа моя воззвала о спасении. Но горячее солнце все бросало на землю раскаленные лучи, чудовищные обелиски закрывали меня от прохладного, свежего ветра, и громадные стены грозили раздавить меня широкими, покрытыми иероглифами плоскостями. В мучениях я вырыл неглубокую могилу в песке и спрятался в ней; солнце пронзало ее лучами, выщербленные камни роняли в нее дождь осколков — но я забылся сном.

И внезапно, среди этих достопамятных руин, в мой беспокойный сон вторгся резкий и чистый звук, заставивший воздух дрожать и эхом отдавшийся в мозгу; все нервы напряглись, буря пронзительных аккордов продолжала терзать мои чувства, оглушая утончившийся слух. Всесокрушающие вибрации звука накатывали одна за другой могучими волнами, погребая меня под собой.

...Я выбираюсь из могилы и оглядываюсь вокруг, не понимая, откуда исходят эти звуки. Первые слабые лучи восходящего солнца освещают скалистые склоны Ливийских гор, и гордая река несет свои воды в нескончаемом путешествии. Пронзительная нота раскатывается раз, другой, и третий; и Мемнон, Мемнон легенд, колоссальный, как на резном троне, что высится над западной равниной поверженных Фив, гигантскими шагами приближается ко мне, набрасывается, сдавливает... Тысячи быстрых и болезненных уколов жалят тело, и оно горит, словно в огне. Музыка стихает. Непроницаемая тьма окружает меня, и я, беспомощно отбиваясь, погружаюсь в ее безмолвные глубины.

* * *

В воспоминаниях о болезни, еще месяц истязавшей мою душу и тело, встает одно мучительное и постоянно возвращавшееся видение. Мне казалось, что жена моя, в льняных одеждах, распространявших тяжелый ядовитый запах богатых смол и притираний, сидит у изголовья во всей чудовищной черноте своей метаморфозы, что она держит меня за руку и смотрит мне в глаза пустым идиотическим взглядом, как в последние дни жизни.

Я уверен, что видел ее, и мою веру не сокрушат хитроумные происки добросердечных врачей. Общность душ, соединившая двух людей при жизни, продлилась и после смерти одного из них. Явление жены вначале причинило мне невероятные терзания; горячка ничего не прибавила к радости встречи и ничем не могла умалить ее ужас. Я был при-

нужден все время вспоминать о мумии и насекомом и потрясениях, связанных с ними.

День и ночь жена все так же молча и недвижно сидела у моего изголовья. Голова моя разрасталась, подобно горе — безгласному Везувиию дремлющих ужасов. Я редко засыпал, спал недолго и беспокойно, и в снах приходили ко мне жуткие видения.

В подобных мучениях прошел месяц; на исходе его я провалился в глубокий сон, длившийся пятьдесят часов. По пробуждении ко мне начало мало-помалу возвращаться восприятие внешнего мира. Но ясность разума исчезла навсегда. Мысли медленно шевелились в голове, а мои умо-заключения оставляли желать лучшего. Неторопливая, исподтишка пожиравшая меня лихорадка растекалась по венам, руки и ноги ослабели и утратили быстроту движений.

Состояние, в котором нашел меня слуга, и роковые капли крови из ранки за ухом безошибочно указывали на причину моих страданий, на врага, погубившего мою жену. Но если надежды были разбиты, замыслы сокрушены, если тяжкое горе стало еще горше, а ровное и быстрое течение жизни обратилось вспять по вине таинственного вмешательства этого ужасного насекомого, — гибель всего, что было мне так дорого, раздувала и поддерживала пламенную ненависть к виновнику. И хотя мои чувства притупились, а тело горело яростным противоестественным жаром, опалявшим и иссушивавшим кожу, отчего она пошла морщинами и из светлой превратилась в смутлую, я все же продолжал питать замыслы, надеяться и жить, жить ради одной только цели — уничтожить насекомое, чья музыка время от времени доносилась до меня из убежища в стене, где пряталось, не показываясь наружу, дьявольское создание.

Как-то днем, находясь в крайне удрученном настроении, я забрел в кабинет, закрыл за собой дверь и уселся в кресло. Мгновение спустя откуда-то сверху послышались музыкальные ноты; поднял голову, я увидел насекомое, которое цеплялось за светильник у самого потолка. На несколько минут я замер, охваченный непередаваемой радостью. Я вспомнил

о всех страданиях, что постигли меня с тех пор, как я нашел насекомое в египетской гробнице. В памяти всплыли мельчайшие подробности череды небывалых катастроф, увенчавшихся моей болезнью. Насекомое прижималось к люстре и трепетало большими крыльями; но теперь меня не очаровывала порождаемая ими исступленная музыка, не завораживало великолепное сверкание глаз. Длинные лапки насекомого вдруг разжались, и оно, как свинцовое грузило, полетело вниз, едва не задев мое поднятое лицо; но не успел я нанести удар, как оно снова взмыло к потолку.

За внезапным нападением насекомого последовала не иначе как борьба на равных. Насекомое с легкостью уклонялось от моих яростных ударов и жалило меня в лицо, но ни в одной атаке не сумело проткнуть кожу. Я бросал в него книги, хватался за трость, пробовал сбить его наземь кулаком, а оно все летало вокруг и оведало мне лицо музыкальными крыльями. Глаза, сверкавшие ледяным блеском алмаза, постоянно были настороже; при малейшем моем движении насекомое, описывая круги, то взлетало выше, то спускалось ниже. Мне так и не удалось убить или хотя бы ранить его; разочарованный, тяжело дыша, я в отчаянии уже готов был оставить бесплодные попытки расправиться с противником. Утомленное не меньше моего, насекомое устроилось на книжном шкафу. Заметив это, я почувствовал прилив сил и схватил первый попавшийся под руку предмет; он оказался вазой из египетской гробницы. Враг начал взлетать, и я запустил свой снаряд. Раздался звук, подобный звону разбившегося стекла; стену запятнала кровь и жидкость из вазы; вместе с осколками на пол упал каменный скарабей — и насекомое. С радостным возгласом я подобрал их и направился в спальню, где в растопленном камине горел огонь.

Раненое насекомое обвило дрожащим жалом мои пальцы и до крови исцарапало их крепкими лапками; я так сильно его ненавидел, что, не колеблясь ни секунды, швырнул врага в пламя.

Послышался вопль, напоминавший стенания агонирующей женщины, и дверь в кабинет захлопнулась с гром-

ким стуком. Огонь быстро пожрал насекомое. Со смертью его пламя утасло. Внезапный страх сжал мое сердце, и я задрожал: казалось, вот-вот появится или случится нечто ужасное. Я смотрел на резной камень в руке, ничего вокруг не замечая. И снова, как во время оно, я прочитал надпись: «*Три тысячи лет спустя — новая жизнь*». Год или два я не вспоминал о пророчестве, но теперь, из всех воспоминаний, оно первым пришло ко мне, тогда как память о египетской гробнице должна была сгореть вместе с насекомым в очистительном огне. Необычный прилив сил, который так помог мне в схватке с врагом, иссяк, оставив меня ослабевшим от волнения и усталости. Руки и ноги дрожали, голова раскалывалась от острой боли, во рту пересохло. Я повернулся, собираясь покинуть комнату, где сам воздух был пронизан ужасом, где каждый предмет, всякий уголок, пролом в стене и мертвый пепел в камине слишком явственно напоминали мне о пережитых событиях и картинах, которые я мечтал бы забыть.

О Боже! В кресле позади меня сидела мумия, живая мумия из гробницы; она следила за мной маленькими коварными глазками и пыталась высвободить руку из-под гниющих покровов. Мумия была точно такой, какой я впервые увидел ее, прежде чем она рассыпалась в прах от дыхания чистого ветра пустыни. Повелительным жестом она приказала мне сесть и приподнялась, намереваясь загородить выход. С криком ужаса я выбежал из комнаты. Холодный воздух и вид спящих по улице людей вскоре успокоили меня; стыдясь своего испуга, я подошел к двери спальни в надежде окончательно развеять иллюзию. Я приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Мумия подтащила кресло ближе к камину и собирала белый пепел — останки сгоревшего насекомого. Давний ужас, таившийся в душе, затуманил мой разум и лишил меня способности рассуждать здраво. С криком отчаяния я торопливо запер дверь, выбежал из дома и бесцельно бродил по улицам, пока не начало светать.

Она все еще в спальне, и я пытаюсь уморить ее голодом. Дом мне продать не удалось. Кое-кто из близких друзей выра-

жал желание его приобрести, но когда я рассказывал им об обитательнице спальни и, в доказательство моих слов, позволял заглянуть в замочную скважину, лица их бледнели от ужаса и они спешили покинуть дом. Я не могу позволить себе подобной откровенности с незнакомцами, ведь последствия могут быть куда более плачевными: распространятся слухи, которые могут нанести ущерб моей репутации. Из этого я заключил, что единственный способ избавиться от живого инкуба — заморить голодом до смерти. Во мне нет ни жалости, ни милосердия. Жизнь с таким ужасным созданием хуже преднамеренного убийства.

Я заколотил все окна и рассчитал слуг. Я один несу свое бремя.

Справившись кое-как со страхом, я занял комнату рядом с кабинетом. В ночной тиши я слышу, как женщина медленно расхаживает по комнате; время от времени она начинает напевать такие странные, необычайные мелодии, что я в испуге убегаю из дома и провожу на улице несколько часов.

Мне кажется, она никогда не умрет; прошло уже девять дней с тех пор, как она появилась. Вчера, когда я сидел у себя, прислушиваясь к непонятым скрежещущим звукам, которые доносились из кабинета, на пол с разделявшей две комнаты стены вдруг посыпалась штукатурка. Эта Сущность, эта Живая Смерть пыталась *проломить стену*! Я спешно купил строительные материалы и довел толщину стены до трех футов. Я работал день и ночь — теперь я в безопасности.

Я слышу ее *предсмертные* стоны. Но куда — ах, куда! к какой новой жизни полетит эта неумирающая египетская душа? И что будет со *мною*? Останусь ли я навечно связан ужасной судьбой с непроницаемой тайной, кружась в том, что Гермес Трисмегист из Фив именует «нисходящими элементами Божества?»*

Я умираю вместе с нею. Всего через несколько часов нам со всей ясностью откроется истинное значение слов, начертанных на изукрашенном камне в долине Мемфиса, «где в

---

* Гермес, «Поймандр», кн. I (*Прим. авт.*).

немногих знаках изложены все тайны жизни, и души, и грядущего, и вечного кругообращения».

Свободен! Моя воля все еще движет мертвой рукой, выводящей эти строки, но сам я витаю высоко над нею, подобно звезде. В Вечность!

«Колоссы Мемнона» во второй половине XIX в. Фот. Антонио Беато

Джейн Годвин Остин

ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ СПУСТЯ

(1868)

— Помните свою последнюю просьбу, когда мы расстались в Париже и вы отправились на родину, а я — в Египет, где закопался в могилы фараонов? — спросил Вэнс у Марион Харли. Молодая дама и новейший герой восточных странствий обедали в «Мадам Бельэтуаль».

— Конечно, — невозмутимо ответила Марион. — Я попросила вас найти мумию принцессы и привезти мне какое-нибудь ее украшение.

— А вы, помнится, обещали его носить, — продолжал Вэнс, напрасно ожидая, что его визави побледнеет от страха.

— Совершенно верно. Я обещала его носить и готова выполнить обещание. Вы привезли украшение?

— В противном случае я не решился бы предстать перед вами, — вежливо улыбаясь, отвечал путешественник.

— И что же это?

— Могу я заглянуть к вам завтра и вручить его?

— Буду очень рада вас видеть.

На следующий день, в двенадцать часов, Вэнс позвонил в дверь изящного особняка мистера Питера Харли и спросил мисс Харли. Его немедленно провели в гостиную, которую украшала своим присутствием молодая особа. Марион подошла к нему и протянула руку.

— Добро пожаловать домой! — произнесла она немногим более оживленно, чем приветствовала бы дряхлого профессора, возвратившегося в родные пенаты через Персию после долгого турне по Востоку.

Миллард Вэнс пожал протянутую руку, чуть задержав ее в своей и пронзив сердце девушки внимательным взглядом карих глаз.

— Вы так добры... Но дома у меня нет, как вы знаете.

— Вам следует понимать это слово шире и считать домом родную страну, а соотечественников — своей семьей, хотя бы на время, — сказала Марион, невольно покраснев и кляня себя за это. Она торопливо обернулась и добавила:

— Это мистер Вэнс, Джульетта. Моя кузина Джульетта, мистер Вэнс.

Миловидная фигурка, почти незаметная в огромном кресле, поднялась и с улыбкой поклонилась в ответ на полный достоинства поклон путешественника. Затем девушка уселась на диван рядом с Марион, будто предлагая ему сравнить нежные золотистые кудри, белое личико и прекрасные голубые глаза с черными волосами и сдержанной, классической красотой кузины.

Вэнс, краем глаза посматривая на них, ни одной не мог вручить лавры победительницы и мысленно воздал им должное за построенную на резком контрасте живую картину — уловку, для которой Джульетта была чересчур невинна, а Марион слишком горда.

Минут через десять Вэнс достал из кармана небольшую индийскую шкатулку и подал ее мисс Харли.

— Вот и трофей из земли фараонов, что вы любезно позволили мне принести, — сказал он.

Марион открыла коробочку и издала тихий возглас изумления. Казалось, она вся была заполнена золотыми жуками, сиявшими фосфоресцирующими искрами. Марион быстро захлопнула крышку и подняла взгляд на смеющееся лицо Вэнса.

— Они вас не тронут; они сидят на цепи, — сказал он и открыл шкатулку, лежавшую на коленях Марион. Оттуда он вынул ожерелье из золотых скарабеев с изумрудными глазами и зелеными эмалевыми крыльями. Каждое насекомое соединяла с соседним золотая цепочка, такая тонкая, что они располагали полной свободой движений. Застежкой служил отполированный золотой медальон с глубоко вырезанными на нем символами или буквами, которые было нелегко разглядеть и тем более расшифровать.

— Ах, какая восхитительная, чудесная, странная вещь! — воскликнула Джульетта Рэндольф, когда Вэнс покачал свешивающимся с пальца блестящим ожерельем. Марион, однако, вздрогнула и побледнела.

— Откуда оно, мистер Вэнс? — спросила она.

— С шейки принцессы из рода фараонов, как вы и просили, — ответил Вэнс, следя с мальчишеской гордостью за произведенным эффектом.

— Ах, расскажите нам все поскорее, пожалуйста, мистер Вэнс! — как попало к вам ожерелье, и как она выглядела, словом, все! — взмолилась Джульетта и устроилась удобнее в уголке дивана, словно ребенок, ожидающий услышать сказку.

Вэнс признательно посмотрел на нее и смущенно перевел взгляд на гордые черные глаза Марион Харли; девушка, сама того не сознавая, послала ему ответный взгляд. Он весело произнес:

— Непременно! Мы, путешественники, только радуемся, когда находим слушателей и можем поведать о наших приключениях, а это приключение и ожерелье в своем духе неразделимы. Прошлой зимой я решил совершить плавание вверх по Нилу, частью для собственного удовольствия, частью же — даю вам в том свое слово, мисс Хартли — с целью надежней исполнить ваше поручение, чем сделал бы это случайно оказавшийся в тех краях путник. Видите ли, новые мумии не так часто попадают, даже на Ниле, а ведь я обещал, как вы помните, получить украшение непосредственно из рук первой владелицы. Расспросы, взятки, пустые надежды, мошенники, которым я позволял обманывать себя — все это длилось без конца. Что ж, я запасаюсь бесконечным терпением и верил, что рано или поздно оно вознаградится. В один прекрасный день я понял, что ждал не напрасно: мой драгоман, таинственно озираясь по сторонам, ввел в каюту «Сфинкса» жуликоватого вида араба, назвавшегося шейхом Эль-Кабы, деревни, против которой мы стали на якорь. Прослышав, что достопочтенный господин интересуется нетронутыми гробницами, он предложил за небольшую мзду провести господина ко входу в усыпальницу, что всего несколько дней назад была открыта им и его сыном, твердо решившими поделить тайной с благородным «инглисом», а не с собственным правительством, обладавшим всеми законными правами на их находку.

Услышав этот рассказ, я спокойно сообщил своему другу-шейху, что уже столько раз слышал нечто подобное и потерял в итоге столько времени, терпения и денег, что дал зарок отомстить первому же мошеннику за все причинен-

ные его братией хлопоты и убытки, почему и хотел бы его предупредить, что намерен исполнить свой обет и хотел бы дать ему возможность еще раз взвесить это предложение.

Ничуть не притворяясь обиженным или задетым — что, конечно, показалось бы мне просто смешным — шейх заверил меня, что упомянутая гробница столетиями оставалась запечатана. По ее местоположению и некоторым знакам, вырезанным на закрывавшем вход камне, он заключил, что внутри, без сомнения, покоились останки какого-то знатного человека. Больше он ничего не знал. Он заявил, что может провести меня к гробнице и просит за это определенное вознаграждение, даже если я ничего там не найду. Если же находки окажутся богатыми, его комиссию, разумеется, следует увеличить.

Мне подумалось, что шейх, должно быть, не врет; впечатленный его честностью, я согласился. Той же ночью, в сопровождении лишь двух моих слуг, я встретился с ним на окраине деревни. Мы направились к скалам из песчаника, возвышавшимся за селением; они были усеяны входами в катакомбы и напоминали пчелиные соты. Пейзаж дикий, первозданный и намного более живописный, милые дамы, чем в нашем новом городском парке. Будь я художником пера или кисти, я передал бы все оттенки, нашел бы слова, чтобы описать арабов в снежно-белых накидках и тюрбанах, мерцание факелов, мрачные подземные переходы, стены со скульптурными рельефами и фрески, сохранившие всю яркость красок. Но я избавлю вас от этого и скажу только, что старый шейх оказался человеком слова и даже, так сказать, продал мне больше, чем обещал. Вход в гробницу, найденную им за грудой костей и пыли, заполнявшей до половины первую и давно разграбленную усыпальницу, судя по всему, никогда не открывали с тех пор, как она была запечатана три тысячи лет назад.

— Три тысячи лет! — ахнула Джульетта Рэндольф, широко распахивая большие голубые глазки. — Разве мир наш старше трех тысяч лет, мистер Вэнс?

Опущенные глаза мисс Харли сверкнули нетерпеливо и насмешливо. Но Вэнс улыбнулся со снисходительностью,

какую выказывает почти всякий мужчина, столкнувшись с невежеством миленькой девушки, и ответил:

— Быть может, четырежды по три тысячи лет женская красота и мужская преданность разыгрывали на этой земле все тот же древний и вечно новый спектакль, столь прекрасный в своем цветении, что он и сегодня зажигает прелестные цветущие взоры.

Легкая улыбка дрогнувших губ подчеркнула прежнюю насмешливость в надменных глазах мисс Харли; но Джульетта, покраснев как роза, подняла невинный взгляд, точно пытаясь проникнуть в тайный смысл его слов. Затем она сказала:

— Пожалуйста, рассказывайте, мистер Вэнс.

— Ах да, я и забыл о рассказе. С немалым трудом мы наконец проникли в гробницу. Это была тяжелая работа — раствор застыл, как камень, а камень был тверд, как... в общем, как камень. Мы очутились в маленькой погребальной зале, где находился один-единственный саркофаг. В головах, на резном пьедестале, стояла лампа; масло в ней давно выгорело, но почерневший фитиль оставался в целости. В ногах помещалась изящная ваза высотой фута в три.

Мы не тратили времени даром: если бы нас застали в склепе турецкие власти, приключение стало бы довольно опасным. Открыв саркофаг, мы принялись удалять бесчисленные витки бинтов, поспешно разрезая каждый острым ножом от шеи до ступней и затем раскрывая их, как крышки картонной коробочки. Показалась хрупкая точеная фигурка очень темного цвета, какими чаще всего бывают мумии. Она сохранила красоту очертаний тела и черт лица; передо мной лежала редкая красавица былых времен, хотя и утратившая первоначальный облик, но и не ставшая прахом. Я даже пожалел, что те, кто любовно поместил ее тело в усыпальницу, не отдали его на милость природы, которая за минувшие три тысячи лет снова и снова воссоздавала бы этот росток красоты, чьи соцветия радовали бы землю.

Но я замечаю, что глаза мисс Рэндольф словно восклицают: «Рассказывайте! рассказывайте!» и покаянно возвращаюсь к своему рассказу. Я ожидал, что на мумии окажется

множество драгоценных амулетов и украшений, полагавшихся знатной египтянке. К моему удивлению, никаких украшений не было, помимо ожерелья, которое вы держите сейчас в руках; к нему была подвешена миниатюрная квадратная золотая шкатулочка или ладанка, а в ней полоска пергамента с короткой иероглифической надписью. Я осторожно снял ожерелье, вновь завернул фигурку в бинты и возвратил на место крышку саркофага, позволив моей принцессе из рода фараонов продолжать так грубо прерванный сон. Будем надеяться, что ей не снятся кошмары, навеянные пропажей ожерелья.

Вэнс с улыбкой завершил рассказ. Марион, слушавшая очень внимательно, не поднимая глаз, вдруг требовательно взглянула на него:

— И что же было написано на полоске пергамента, мистер Вэнс?

— Иероглифы.

— Но их умеют читать современные ученые, — с некоторым нетерпением заметила Марион.

— Да. Пергамент и оттиск застежки сейчас у человека, способного лучше других их расшифровать; это известнейший знаток древних надписей. Я принес ему их вчера вечером, и сегодня он обещал вынести свой вердикт. Как только я все узнаю, тут же поделюсь с вами.

— Благодарю вас, — облегченно вздохнув, проговорила Марион. — Я чувствовала бы себя ужасно, надев на шею, как жернов, тысячелетний секрет и не надеясь никогда разгадать его.

— Значит, вы будете носить ожерелье? — спросил Вэнс, улыбаясь и откланиваясь.

— Непременно. Вы будете вечером у миссис Лейн?

— Могу я надеяться вас там увидеть?

— Мы собираемся к ней, и я с благодарностью надену ваш подарок, ожерелье из скарабеев.

— Это не подарок; я всего лишь выполнял поручение. Вы отправили меня за ним, как послали бы свою модистку в Париж за новым платьем. Я просто исполнил свой долг.

— Неужели! — с ноткой высокомерия воскликнула Марион. Сопровождая Вэнса к выходу, она прошла всю гостиную и стояла теперь у двери, так что разговор их не был слышен сидевшей на диване кузине.

— О да, — задержавшись у двери, ответил Вэнс. И медленно добавил:

— Цена уже назначена. Желаете ли узнать, какая?

— Наверное, мне стоит это знать, прежде чем принять ожерелье. Оно может оказаться мне не по карману, — нарочито равнодушно сказала Марион.

— Я не думаю... надеюсь, что это не так. Но покамест я не могу открыть вам, какова цена. Вы наденете ожерелье сегодня вечером?

— Да, — приглушенно ответила Марион. Она обрадовалась, когда Вэнс распрощался и ушел.

— Какой замечательный человек, Марион, дорогая моя! Он так много знает! Рядом с ним начинаешь стыдиться своего невежества, — щебетала малышка Джульетта; а ее кузина, улыбаясь про себя, ответила что-то невпопад, затаив в сердце истинный ответ.

Тем вечером, в девять часов, раздался требовательный звонок в дверь особняка Харли. Доложили, что мистер Вэнс просит срочно увидаться с мисс Харли по важному делу.

Через десять минут Марион, в очаровательном платье золотистого шелка с черными кружевами, но без драгоценностей, спустилась вниз.

— Дело у вас, как я понимаю, очень срочное, мистер Вэнс, — чуть высокомерно произнесла она.

— Благодарение Богу! — пробормотал Вэнс, глядя на ее царственные плечи и шею.

— За что? За то, что у вас наконец-то появилось важное дело? — спросила Марион Харли. Она была из тех женщин, что инстинктивно сопротивляются попыткам любого, даже любимого, мужчины завлечь их лукавыми ухищрениями и дарами и надеть на них путы. На этом глубинном свойстве некоторых женских натур основаны сказки и мифы об Аталанте, о спящей красавице, даже о Сфинксе. Тот, кто намерен завоевать сердце подобной женщины, должен без ос-

татка покорить его, не то она сразит храбреца взглядом в отместку за провальную осаду.

Но Вэнс был слишком занят своими мыслями и не обратил внимания на столь лестную для его самолюбия борьбу чувств, сменившую обычную учтивость мисс Харли.

— Вы не надели ожерелье! — после долгого молчания воскликнул он.

— Меня прервали, и я не успела одеться к выходу, — сказала Марион.

— О, как мне благодарить небеса за это! От вас я направился прямо к ученому, о котором упоминал сегодня утром. Его не было — как я позже выяснил, он искал меня. Я погулял по городу и пообедал с другом у Дельмонико. По дороге домой я снова зашел к ученому, чьи первые слова были: «Вы уже избавились от этого ожерелья?» Я ответил, что подарил его даме, которой оно было обещано. «Она ведь не станет его носить?» — в ужасе воскликнул он. «Она собиралась надеть его сегодня вечером», — сказал я. «Пресвятые угодники! Вы убили ее, так и знайте!» — загремел он и показал мне перевод иероглифов из подвески на груди мумии. Они гласили: «Узрите меня, возлюбленную царя. Я попрекала его за скудную любовь и теперь лежу здесь». На застежке ожерелья выгравированы слова: «Боги, дарующие жизнь, также отнимают ее». Это дьявольское (простите, но иначе выразиться не могу) ожерелье как-то повинно в смерти бедняжки. Возможно, оно было отравлено, и я — я принес его вам, и просил надеть — ради меня!

Было очевидно, что говорил он с неподдельным отчаянием, и Марион Харли забыла о борьбе своих чувств, забыла даже о минувшей ее опасности и опустила счастливые глаза, страшась, что возлюбленный легко прочтет ее мысли.

Но возлюбленный читает в глазах любимой даже сквозь веки. Пять минут спустя Миллард Вэнс предложил мисс Харли поясок вместо отвергнутого ожерелья — пояс, состоявший из его правой руки; и она, позабыв о гордости, уступила нежному влечению и прижалась к его груди, и кротко, как простая деревенская девушка, отдала губы его поцелуям.

Нужно ли удивляться тому, что Марион и тогда, и позднее так никому и не рассказала о нераскрытой до конца тайне ожерелья, спрятанного на дне ее хорошо укомплектованной шкатулки для драгоценностей?

Прошла зима, прошла весна, и мистер Харли повез дочь, племянницу, которую считал почти что второй дочерью, и присматривавшую за ними старшую кузину в маленький коттедж у моря, где они обычно проводили летние месяцы.

Вэнс поселился поблизости, на ферме, и проводил все свое время с младшими кузинами. Марион, успокоившись и овладев собой, превратилась в самую капризную и своевольную *fiancée*, и бедный Вэнс никогда не знал, будет ли ему позволено спокойно слагать к ее ногам свою любовь либо же она будет отклонена, поднята на смех, а то и отвергнута. И впрямь, ему редко удавалось остаться наедине с Марион; порой она вовсе не желала его видеть, ссылаясь то на жуткую головную боль, то на визит к портнихе, то на неотложные дела в городе, заставлявшие ее уезжать вместе с отцом рано утром и возвращаться поздно вечером.

В этих страданиях, поначалу мучительных, но со временем, увы! ставших привычными и не такими болезненными, Вэнс всегда находил утешение в виде жалостливых глаз и трепетной улыбки Джульетты Рэндольф; отличаясь милым постоянством, она не могла понять, отчего кузине доставляли удовольствие терзания любимого человека — и какого человека!

— Она, вероятно, не любит меня, Джульетта, — печально ответил Вэнс на этот вопрос, однажды наивно высказанный вслух Джульеттой.

— Как можно не любить вас, Миллард! Конечно же, любит! Как может она... — начала девушка и замолчала, порозовев, как предрассветная заря.

Вэнс, читавший в сердцах, словно в книгах, договорил фразу, прочитал все на ее пылающем лице и внезапно побледнел. Затем его мрачный взгляд устремился за море и так долго оставался прикован к горизонту, что Джульетта — не разгадавшая еще ни его секрет, ни свой — весело спросила, о чем он задумался.

— Думаю, напрасно я вернулся прошлой зимой, — честно отвечал он.

— Ах, не говорите так! Марион завтра поправится и опять станет весела и любезна. А в такие дни, вы же знаете, вам не приходится сожалеть о возвращении, — сказала Джульетта, улыбаясь нежно и лукаво.

Вэнс поглядел на нее и отвел глаза в сторону. Он проводил девушку до дома, извинился за то, что не сможет составить ей компанию — и полночи бродил по берегу. Бушующие волны разлетались белой пеной у его ног.

— Необходимо объясниться с Марион; и если она не согласится на ранний брак, придется все это на какое-то время оставить. Я снова отправлюсь в путешествие или...

Но если ночь нам и советчик, она одновременно заставляет нас забыть решения, принятые накануне; и поутру, когда Вэнс нашел возлюбленную сияющей, сердечной и даже ласковой, он ни словом не упомянул ни объяснение, ни отъезд. День прошел, как и многие дни до и после него.

Дни превращались в недели, недели в месяцы; компания задержалась у моря, наслаждаясь сухими и теплыми осенними днями, прекрасными, как летние, и даже превосходившими их яркой красотой.

До объяснения все не доходило; Вэнс все колебался; Джульетта, это простодушное, любящее дитя, по-прежнему старалась исцелить раны, нанесенные ее высокомерной кузиной, и невольно отравляла себя их ядом.

Наконец настал день, когда Марион, затеяв строгий суд над своим сердцем, нашла его виновным в лицемерии, неблагодарности, жестокости и недоброжелательности по отношению к единственному на земле человеку, ради которого стоило жить. Память услужливо развернула перед ее глазами, слишком долго и намеренно остававшимися закрытыми, длинный список прегрешений, и Марион ужаснулась, решив немедленно все исправить. Если грехом ее была гордость, расплатой станет совершенная и сладкая покорность, — дитя гордости, обвенчавшейся с любовью.

— Я пойду к нему сейчас же, — прошептала Марион, — и скажу, что люблю его безраздельно, всем сердцем; попрошу

прощения за свои проступки, и если он все еще согласен называть меня своей, я...

В ту же минуту она выбежала из дома. В небе стоял лунный круг, была ночь полнолуния перед осенним равноденствием, землю и океан окутывало золотистое сияние. Из лесов и с полей доносились осенние ароматы, над морем летели вздохи умирающего тропического бриза, пели ночные птицы и насекомые, волны лениво набегали на длинную полосу песка и раскатывались брызгами музыки.

Марион остановилась и подняла лицо к небу.

— Благодарю тебя, Господи, за дар жизни, и этот прекрасный мир, и любовь, — шепнула она и с улыбкой направилась дальше.

Ее легкая поступь не тревожила песок; луна и ветер отбрасывали далеко назад ее длинную тень и шорох одежд; и так она незаметно приблизилась по берегу к полному утесу, где в глубокой нише устроились Вэнс и Джульетта.

Услышав голос возлюбленного, Марион замерла. Она не могла заговорить с ним, ибо то, что таило сердце, предназначалось для него одного. Она медлила, не зная, как поступить, но вскоре сомнения рассеялись — Вэнс опять заговорил, отвечая на вопрос, который Марион не расслышала.

— Одна вы утешаете меня, дорогая; кто же еще? — страстно произнес он. Марион окаменела; даже не видя, она поняла, что эти слова сопровождались объятием и поцелуем.

Затем Джульетта со слезами в голосе тихо проговорила:

— Ах, Миллард, вы не должны... вам нельзя! Вы любите Марион, и она любит вас. Позвольте мне покинуть вас обоих — и умереть.

— Нет, ты останешься со мной и будешь жить! — пылко вскричал Вэнс. — Она больше не любит меня; не знаю, любила ли. Разве с тех пор, как мы приехали сюда, она не пытается всеми силами показать свое равнодушие? А я... Ах, дорогая, мужчина должен соединить свою судьбу с такой доверчивой, простой и любящей душой, как твоя. Марион — чудесная девушка, с незаурядным умом, чувствами и талантами. Но ты, Джульетта — голубка, что свила гнездо в моем сердце. Иди ко мне, здесь будет твой дом навсегда! Поверь

мне, у тебя есть право на счастье, а уж Марион страдать не будет.

Наступило молчание. Марион повернулась и побрела по берегу прочь, не думая о том, слышат ее или нет. Отвернувшись от человека, который обрек ее на гибель, она увидела собственную тень, зловещее и черное пятно, бегущее впереди и пересекавшее ей путь на каждом шагу. Спящее море больше не нашептывало ей слова любви и надежды, но с усталыми стонами билось у берега; вздохи ветра принесли с полей и лесов запах увядания и холод бури на далеком океане. Песок, казавшийся золотой пылью Пактола, вдруг стал месивом камешков и обломков ракушек. Вся природа изменилась, но самая безнадежная перемена произошла в сердце Марион Харли, возвращавшейся домой из недолгого путешествия в поисках любви.

На следующее утро Вэнса разбудила на заре жена фермера; стоя у постели, она протягивала ему письмо.

— Это принес посыльный из дома сквайра. Он сказал, что должен был доставить письмо еще вечером, но час был поздний, и когда он пришел, мы все уже спали. Спозаранку он вернулся и велел разбудить вас.

— Благодарю вас. Можете идти, миссис Браун, — сказал Вэнс. Держа в руках нераспечатанное письмо, он неожиданно задрожал, словно от холода, от ужасного, неопределенного предчувствия.

Оставшись один, он сразу же распечатал конверт; нетерпеливые, дрожащие пальцы не слушались.

Внутри находилась полоска пергамента, которую Марион попросила подарить ей после помолвки, и надушенный листок бумаги с ее монограммой, пахнувший фиалками, запахом любимых духов девушки. Она писала:

«Ваш друг неверно прочитал иероглифы. Вот как я понимаю надпись:

“Узрите меня: я почитала себя возлюбленной царя среди людей. Он попрекал меня за скудную любовь, и теперь я лежу здесь”».

Через десять минут Вэнс, с упавшим сердцем, спешил к написавшей письмо. Утро было свежим, чудесным и нежным,

как первая девичья мечта о любви, но Вэнс не замечал окружающей красоты, будто Каин, бегущий от гневного взора Бога и глаз людей с печатью на челе.

В коттедже были на ногах только слуги. Вэнс попросил горничную Марион спросить у госпожи, примет ли она его через полчаса.

Горничная ушла, и вскоре по всему дому разнесся ее пронзительный крик. Вэнс знал, что означал этот крик.

Перепрыгивая через ступеньки, он бросился наверх, мимо испуганного слуги, спешившего к хозяину, вбежал в спальню и застыл у кровати. Там, в торжественном обличии смерти, лежала его возлюбленная. Она надела подвечечное платье, купленное ей несколько дней назад заботливым отцом, дивное сочетание шелка и кружев, вышитое восточными жемчужинами. Фата, прикрепленная к великолепной короне волос, ниспадала по бокам, но на голове ее Вэнс не увидел венка. Ни единый цветок не украшал недвижную грудь Марион, ледяные пальцы не сжимали букет. В необычайном подвечечном убранстве не было ни цветов, ни драгоценностей, ни украшений, только жемчуг на платье и ожерелье из золотых скарабеев на шее.

Испутив мучительный стон, Вэнс наклонился над мертвой. С первого же взгляда он осознал, что с ожерельем произошла какая-то странная метаморфоза.

Странное, необыкновенное превращение! Жуки больше не казались золотыми игрушками, драгоценными безделками, они словно обрели жизнь и силу, которую приписывали им люди, поклонявшиеся скарабеем, как богам. Выпрямившись на мириадах ножек, оставшихся прежде сложенными и невидимыми, с раскрытыми крыльями, приподнятыми усиками и сверкающими, переливающимися алмазными глазами, блестящими в первых лучах утреннего солнца, эти создания казались такими жуткими и потусторонними, что Вэнс в испуге отступил на шаг. Но мужество быстро вернулось к нему. С отвращением и ненавистью, какие испытывает человек, столкнувшись с происками нечистого, он вцепился в ожерелье и — несмотря на то, что опоздал и ожерелье уже выполнило свою роковую работу — со-

брался было сорвать его с шеи несчастной. Внезапно вновь нахлынул неведомый ужас, и Вэнс понял, что старается напрасно. Каждая из тонких, как нити, ножек жуков заканчивалась миниатюрным когтем, и каждый коготь, глубоко погружившись в тело жертвы, смертельной хваткой удерживал еще теплую добычу.

Тем временем встревоженные и недоумевающие домашние заполнили комнату; но Вэнс, повернув к ним бледное лицо и набухшие, налитые кровью глаза, попросил дать ему еще минуту наедине с телом нареченной. В комнате остался лишь отец Марион. Вэнс подвел его к кровати, указал на то, что лежало на ней, и спокойно произнес:

— Она примеряла платье, что вполне естественно для девушки, и приложила к шее ожерелье. Оно отравлено; я предупредил ее об этом, когда подарил ожерелье, и просил не надевать его. Она забыла о моем предупреждении и надела ожерелье; может быть, она представляла, как стоит у алтаря с подаренным мною украшением на шее. Я предупреждал ее, но она не послушалась и теперь — она лежит здесь.

Питер Харли, человек светский, умный и проницательный, бросил долгий и пытливый взгляд на лицо несостоявшегося зятя, затем на лицо трупа, едва ли выглядевшее более строгим и бледным.

— Здесь кроется тайна, но я не хочу вникать в нее, чтобы не возненавидеть человека, которого любила моя дочь, — наконец произнес он. — Ступайте и оставьте меня с моей мертвой.

— Я заберу это; оно принадлежит мне, — сказал Вэнс, срывая ожерелье. Под ним оказалась синевато-багровая полоса, которая висела вокруг шеи и состояла, как показал тщательный осмотр, из бесчисленных мелких ранок или точек; но прямо у них на глазах отметины начали затягиваться и через час кожа стала, как прежде, гладкой и белой.

После этого Вэнс исчез. Он появился снова лишь у открытой могилы Марион Харли, рядом с ее отцом и кузиной. Когда служба закончилась, скорбящие разошлись и они остались втроем, он повернулся к своим спутникам и сказал:

— Прощайте. Больше вы меня не увидите.

Джульетта, издав тихий стон, отвернулась; затем, затрепетав, упала на землю, как мертвая, в глубоком обмороке.

Ее дядя, указав на распростертое тело, сурово встретил взгляд несчастного человека, стоявшего перед ним.

— Ее тоже? Ни за что! Неужели одной недостаточно?

— Если Джульетта согласится выйти за меня, можете сами назначить дату, — в отчаянии проговорил Вэнс.

— Через год, считая с завтрашнего дня, если Джульетта будет согласна. Пусть моя девочка сперва полежит год, один только годик в могиле; пусть притязания мертвых уступят место живым, — с горечью ответил старик.

— Через год, считая с завтрашнего дня, я вернусь, — сказал Вэнс, — и если Джульетта согласится выйти за меня, мы поженимся.

Прошел год, и возвратился Вэнс. Джульетта, любившая, но не понимавшая его, была готова принять жертву, которую он предложил ей вместо сердца, и их обвенчали.

Она счастлива, возясь с детьми и хлопоча по хозяйству, преклоняется перед мужем и тысячью мелких способов обманывает человека, которого боится не меньше, чем любит.

А он? О внутренней жизни его мы не станем рассказывать; о внешней может достаточно рассказать простой факт: когда никто не видит, он достает индийскую шкатулку с египетским ожерельем внутри. Скарабеи, оторванные от теплой человеческой плоти, лежат сейчас в спокойном состоянии, в каком мы впервые их застали; но яд их никуда не исчез, сила осталась, и Вэнс, глядя на них, часто думает, что они являются только внешними символами мстительных воспоминаний, вечно жалящих и раздирающих его сердце.

Луиза Мэй Олкотт

**ЗАБЛУДИВШИЕСЯ В ПИРАМИДЕ,
ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ МУМИИ**

(1869)

I

— А это что, Поль? — спросила Эвелин, открывая шка-тулочку из потемневшего золота и с любопытством рассмат-ривая содержимое.

— Семена какого-то неизвестного египетского растения, — ответил Форсайт, глядя три багряных зернышка в подня-той к нему белой ручке. Внезапная тень набежала на его за-горелое лицо.

— Откуда они у тебя? — спросила девушка.

— История жутковатая. Лучше ее не рассказывать, не то она будет тебе сниться, — с рассеянным видом сказал Фор-сайт.

Девушка сгорала от любопытства.

— Пожалуйста, расскажи. Мне нравятся жуткие истории, и после я совсем не боюсь. Расскажи, прошу тебя — ты всегда так интересно рассказываешь, — воскликнула она. Повели-тельность на прелестном личике девушки мило сменялась мольбой, и отказать ей было невыносимо.

— Ты пожалеешь об этом, да и я, возможно. Заранее пре-дупреждаю, что эти таинственные семена приносят своему владельцу несчастье, — с улыбкой произнес Форсайт, но тут же сдвинул черные брови и посмотрел на сидевшее перед ним цветущее создание нежно и обеспокоенно.

— Говори же, мне не страшны твои драгоценные кру-пинки, — приказала она и властно кивнула.

— Слушаю и повинуюсь. Позволь мне припомнить все подробности, и тогда я начну рассказ, — отозвался Форсайт и стал расхаживать взад и вперед с задумчивой миной чело-века, переворачивающего страницы прошлого.

Эвелин с минуту смотрела на него, а затем вернулась к своем рукоделью — или забаве, ибо труд этот как нельзя луч-ше подходил для жизнерадостной крошки, полу-ребенка, полу-женщины.

— Путешествуя по Египту, — медленно заговорил Фор-сайт, — я однажды отправился со своим гидом и профессо-ром Нильсом исследовать пирамиду Хеопса. Нильс просто

помешан на всяческих древностях и в приступе своей страсти забыл о времени, опасности и усталости. Мы без конца блуждали по узким коридорам, задыхаясь от пыли и спертого воздуха, спотыкаясь о разбитые футляры, где лежали когда-то мумии, или сталкивались лицом к лицу с каким-нибудь сморщенным образчиком, разлегшимся, как домовой, на узкой каменной полке, куда веками складывали мертвецов. Через несколько часов я отчаянно устал и принялся просить Нильса повернуть обратно. Но профессору непременно нужно было побывать еще в десятке коридоров, и он даже не слушал. С нами был лишь один проводник, и мне волей-неволей пришлось тащиться дальше. К счастью, Джумаль заметил, что я утомился. Он предложил нам остановиться на отдых в одном из более просторных коридоров и подождать, пока он будет искать для Нильса другого проводника. Мы согласились. Джумаль сказал, что мы будем в полной безопасности, если не вздумаем покинуть наш бивуак, и ушел, пообещав вернуться как можно скорее. Профессор уселся и начал записывать в книжку свои наблюдения. Я растянулся на мягком песке и задремал.

Я проснулся от необъяснимого волнения, которое подсознательно предупреждает нас о близкой опасности. Вскочив на ноги, я увидел, что остался один. В щели между камнями догорал факел Джумалья; Нильс и второй факел исчезли. Пугающее чувство одиночества на миг охватило меня. Я взял себя в руки и внимательно огляделся вокруг. К моему пробковому шлему, лежавшему рядом, был прикреплен листок бумаги, исписанный рукой профессора. Я прочитал:

Собираюсь вернуться немного назад и освежить свою память, так как по пути кое-что позабыл. Не стоит следовать за мной, пока не вернется Джумаль. Я сумею найти вас по путеводной нити. Спите спокойно, и пусть вам приснятся фараоны.

Н. Н.

Сперва я рассмеялся, прочитав записку престарелого энтузиаста науки, затем почувствовал беспокойство, после тревогу и наконец решил отправиться на поиски. Я нашел веревку, обвязанную вокруг упавшего камня, и понял, что это и была «путеводная нить», о которой писал профессор. Черкнув несколько слов для Джумалия, я взял факел и двинулся по нашим следам, следя за веревкой, которая убегала в темные извилистые проходы. Я то и дело звал профессора, но не слышал ответа и продолжал путь. За каждым поворотом я надеялся увидеть старика, занятого изучением какой-нибудь заплесневелой древней реликвии. Внезапно я увидел, что дошел до конца веревки, но следы профессора уходили дальше.

«Ну и безрассудство, он наверняка заблудится», — подумал я, по-настоящему встревожившись.

Пока я размышлял, что делать, послышался отдаленный крик. Я ответил, подождал, крикнул снова и услышал совсем далекий отклик.

Нильс, как видно, пошел вперед, обманувшись капризными раскатами эха в узких коридорах. Нельзя было терять ни минуты. Я глубоко воткнул факел в песок, чтобы свет указывал мне дорогу назад, и помчался по прямому переходу, завывая как безумец. Я не хотел терять из виду факел, но так торопился найти Нильса, что свернул в боковой коридор. Услышав его голос, я побежал дальше. Вскоре я с радостью разглядел впереди огонек его факела. Профессор так и вцепился в меня дрожащими руками — сразу было видно, какие муки страха он пережил.

— Нужно сейчас же выбраться из этого ужасного места, — сказал он, вытирая со лба большие капли пота.

— Пойдемте. Ваша «путеводная нить» недалеко. Доберемся до нее и быстро найдем обратный путь, — сказала я.

Я еще не договорил, как меня пробрал холодок: перед нами простирался целый лабиринт узких галерей.

Вглядываясь в следы на песке, я повел профессора за собой, стараясь вспомнить замеченные на бегу приметы. Так мы подошли совсем близко к месту, где я оставил факел. Но отсвета огня не было видно, и я склонился над следами. К

своему ужасу, я понял, что совершил ошибку: отпечатки ботинок перемежались следами босых ног. Проводника с нами не было, а Джамаль носил сандалии.

Выпрямившись и указывая на коварный песок и догорающий факел, я в отчаянии бросил Нильсу одно лишь слово: «Заблудились!»

Я думал, что старик будет потрясен. Но он, как ни удивительно, буквально на глазах успокоился, овладел собой и негромко сказал:

— Другие проходили здесь до нас; пойдем по их следам. Если только я не безнадежно ошибаюсь, они выведут нас в галереи пошире, а там уже будет легко найти дорогу.

Мы смело тронулись в путь, однако через некоторое время профессор неловко шагнул и грохнулся на землю со сломанной ногой, едва не погасив факел. Нас постигла ужасная беда. Я оставил всякую надежду и молча сидел рядом с несчастным, изнуренным болью и ознобом. Вдобавок, профессор терзался угрызениями совести — я не соглашался оставить его.

— Поль, — вдруг произнес он, — раз уж вы не хотите уйти, мы можем попробовать еще одно средство. Помнится, я слышал рассказ о путешественниках, которые заблудились, как и мы. Они спаслись, разведя костер. Дым распространялся быстрее и дальше звука или света факелов; догадливый проводник сообразил, что к чему, нашел источник дыма и вывел весь отряд. Разведем костер и будем надеяться на Джумалья.

— Костер без дров? — начал я, но профессор указал на каменную полку за моей спиной. Вначале я не заметил ее в темноте; на полке я увидел узкий футляр для мумии. И тогда я понял, что имел в виду Нильс — эти гробы из высохшего дерева повсюду валяются сотнями и часто идут на дрова. Я потянулся к футляру и сдернул его вниз, полагая, что он пуст; но футляр упал на пол, раскрылся, и из него выкатилась мумия. Хотя я давно привык к таким зрелищам, нервы были напряжены, и я вздрогнул. Отодвинув в сторону маленькую коричневую куколку, я разломал футляр и поднес факел к горке дощечек. Вскоре легкие облака дыма поплыли

по трем коридорам, расходившимся от похожего на залу помещения, где мы находились.

Пока я возился с костром, Нильс, позабыв о боли и опасности, подтащил мумию поближе и начал осматривать ее с любопытством человека, чью главную страсть не смогла унять даже смертельная опасность.

— Идите сюда и помогите мне развернуть мумию. Всегда мечтал первым увидеть и взять в руки сокровища, спрятанные в складках этих таинственных покрывал. Мумия женская, и нас могут ждать редкостные и ценные находки, — сказал он и принялся разворачивать первый слой бинтов. Мумия издавала странный ароматический запах.

Я неохотно подчинился — кости этой неизвестной женщины казались мне чем-то священным. Чтобы убить время и развлечь бедного профессора, я стал помогать, гадая при этом, действительно ли темный и уродливый забинтованный предмет был когда-то прекрасной египтянкой с глазами гавели.

Пористые складки покровов источали драгоценные смолы и благовония, опьянявшие нас своим дыханием. На песок упали древние монеты и одно-два любопытных украшения; Нильс подобрал их и жадно осмотрел.

Все бинты, кроме последнего, были наконец срезаны. Показалась головка, увитая косами когда-то роскошных волос. Высохшие руки были сложены на груди и сжимали вот эту золотую шкатулочку.

— Ах! — воскликнула Эвелин и выронила шкатулку из розовой ладошки.

— Нет, не отвергайте сокровище маленькой мумии. Никогда не могу простить себя за то, что похитил шкатулку — и сжег бедняжку, — сказал Форсайт. Его кисть быстрее задвигалась по холсту, как будто воспоминание придало руке новую силу.

— Сжег! Ах, Поль, что ты имеешь в виду? — в волнении спросила девушка.

— Сейчас расскажу. В то время как мы занимались мадам Мумией, костер почти погас: сухое дерево горело, как трут. Мы с волнением различили далекий, еле слышный

зов, и Нильс закричал: «Подбросьте дров! Джумаль ищет нас. Нужен дым, не то мы пропали!»

— Дров больше нет. Футляр был очень маленьким и весь сгорел, — ответил я, срывая с себя способные быстро загораться предметы одежды и бросая их на угли.

Нильс последовал моему примеру. Увы, тонкая ткань сразу же занялась и сгорела без дыма.

— Жгите ее! — приказал профессор, указывая на мумию.

Я медлил. Вновь донеслось далекое эхо. Я не хотел умирать. Несколько сухих костей могли нас спасти. Я молча подчинился.

Взметнулось неяркое пламя, тяжелый дым поднялся над горящей мумией, расплзаясь по низким галереям и грозя задушить нас в облаке благоуханного тумана. Голова моя закружилась, огонь затанцевал перед глазами, толпы неведомых призраков, казалось, замелькали вокруг. Я как раз спрашивал у Нильса, отчего он побледнел и хватается ртом воздух, когда потерял сознание.

Эвелин глубоко вздохнула и отодвинула подальше надутую шкатулку: аромат коробочки словно угнетал ее.

Загорелое лицо Форсайта оживилось от воспоминаний, черные глаза блестели. С коротким смешком он добавил:

— Вот и все. Джумаль нашел нас и вытащил, и мы оба поклялись до конца своих дней никогда больше и близко не подходить к пирамидам.

— Но шкатулка... как она досталась тебе? — спросила Эвелин, искоса глядя на древнее изделие, сверкнувшее в солнечном луче.

— Я привез ее в качестве сувенира, а Нильс оставил у себя прочие безделушки.

— Да, но ты говорил, что владельца этих семян ожидает несчастье, — настаивала девушка. Рассказ Форсайта воспламенил ее воображение; и воображение подсказывало ей, что еще не все было рассказано.

— Среди трофеев Нильса оказался обрывок пергамента. Его расшифровали; в надписи говорилось, что мумия, которую мы так невежливо сожгли, принадлежала знаменитой колдунье и что эта колдунья наложила проклятье на всяко-

го, кто потревожит ее прах. Конечно, я не верю, что дело в проклятии — однако, говоря по правде, Нильс с тех пор так и не оправился. Он утверждает, что виной всему перелом и испуг. Думаю, так и есть. Но иногда я задумываюсь, не настигнет ли и меня проклятие; я немного суеверен, к тому же злощастная мумия все еще посещает мои сны.

Последовало долгое молчание. Поль механически клал краски, Эвелин задумчиво глядела на него. Но мрачные мысли были ей чужды, как тени полудню; она весело рассмеялась и взяла в руки шкатулку.

— Почему бы не посадить их? Посмотрим, какие чудесные цветы вырастут из этих семян!

— Сомневаюсь, что из них что-либо вырастет после того, как они много веков пролежали в пальцах у мумии, — утрировано ответил Форсайт.

— Я хочу попробовать. Ты ведь знаешь, что удалось прорастить пшеничные зерна, взятые из гроба мумии — так почему же не эти миленькие семена? Мне так хотелось бы наблюдать, как они растут; ну пожалуйста, Поль!

— Нет-нет, лучше не будем ставить этот эксперимент. У меня какое-то странное чувство — не хочу, чтобы я или кто-то, кого я люблю, имели с ними хоть что-либо общее. В семенах может содержаться ужасный яд, они могут обладать какой-то зловещей силой. Очевидно, колдунья считала их очень ценными, потому что и в могиле продолжала прижимать их к груди.

— Что за глупые суеверия! Ты просто смешон. Ну же, покажи свою щедрость и дай мне одно семечко; посмотрим, прорастет ли оно. Обещаю, я тебя отблагодарю, — сказала Эвелин, подошла к Форсайту и с самым неотразимым видом запечатлела на его лбу поцелуй.

Но Форсайт остался непреклонен. Он улыбнулся, горячо обнял ее — и бросил семена в камин. Возвращая Эвелин золотую шкатулочку, он нежно сказал:

— Дорогая, я наполню ее бриллиантами или бонбоньерками, если захочешь, но я не позволю тебе шутить с заклятием этой ведьмы. Забудь о «милых семенах» — ты ведь са-

ма премиленькая; погляди-ка, я изобразил тебя в образе свечка гарема!

Эвелин нахмурилась, потом улыбнулась, и вскоре влюбленные уже прогуливались под весенним солнцем, наслаждаясь счастливыми мечтаниями и не помышляя ни о каких грозных предсказаниях и несчастьях.

II

— У меня для тебя маленький сюрприз, любимая, — сказал спустя три месяца Форсайт, приветствуя кузину в утро знаменательного дня свадьбы.

— И у меня, — ответила она со слабой улыбкой.

— Ты так бледна и так похудела! Все эти предсвадебные хлопоты утомили тебя, Эвелин, — сказал он с ласковой заботой, глядя на ее странно побледневшее лицо и завладевая ее худенькой ручкой.

— Я так устала, — сказала она и преклонила голову на грудь возлюбленного. — Ни сон, ни еда, ни свежий воздух не помогают, а в голове иногда словно какой-то туман. Мама винит жару, но я даже на солнце дрожу, а по ночам вся горю в лихорадке. Поль, дорогой, я так рада, что ты увезешь меня отсюда и мы с тобой будем жить тихо и счастливо; боюсь только, что жизнь эта окажется короткой.

— Ах, женушка, какая же ты фантазерка! Ты устала, ты нервничаешь и беспокоишься, но несколько недель отдыха в деревне вернут нам прежнюю цветущую Ив. Но разве тебе не любопытно узнать, какой я приготовил сюрприз?

Безучастное лицо девушки оживилось, но все-таки могло показаться, что она с трудом воспринимает слова Форсайта.

— Помнишь, как мы разбирали старый комод?

— Да, — ответила она, и мимолетная улыбка тронула ее губы.

— И как тебе захотелось посадить те странные семена, которые я похитил у мумии?

— Помню, — и ее глаза зажглись внезапным огнем.

— Я отдал тебе шкатулку и думал, что сжег все семена в камине. Но когда я вернулся, чтобы накрыть картину, я нашел на ковре одно из семян, и мне вдруг захотелось исполнить твой каприз. Я отправил его Нильсу, попросив посадить и извещать меня, как идут дела. Сегодня я получил от него первое письмо. Он пишет, что растение прекрасно развивается и выпустило почки. Нильс собирается привезти первый цветок, если тот распустится вовремя, на собрание знаменитых ученых, а после этого обещает прислать растение и сообщить его точное название. По описанию Нильса, оно выглядит очень любопытно, и мне не терпится его увидеть.

— Тебе не придется ждать. Могу показать тебе и растение, и цветы, — сказала она с дразнящей улыбкой, так давно не появлявшейся на ее лице.

В крайнем удивлении Форсайт проследовал за нею в маленький будуар. Здесь, купаясь в солнечных лучах, стояло неведомое растение. Пышность ярко-зеленых листьев на тонких пурпурных ветках казалась почти отталкивающей; из гущи их поднимался единственный призрачно-белый цветок в форме змеиного капюшона с алыми тычинками, похожими на раздвоенные языки. На лепестках, подобно росе, поблескивали капельки.

— Странный, таинственный цветок! Он пахнет? — спросил Форсайт, наклоняясь к растению. Любопытство его было настолько велико, что он забыл даже спросить, как оказался цветок в будуаре Эвелин.

— Совсем не пахнет. Я так разочарована! Мне очень нравятся ароматы, — отвечала девушка, поглаживая зеленые листья. Те дрожали от ее прикосновений, а пурпурный цвет веточек, казалось, приобрел более густой оттенок.

— А теперь рассказывай, — помолчав несколько минут, сказал Форсайт.

— Я успела раньше тебя и спрятала одно семечко — ты уронил на ковер два. Посадила под стекло, в самую плодородную почву, какую смогла найти, и щедро поливала. После того, как росток показался над землей, цветок начал расти с удивительной быстротой. Я никому не рассказала, так как

хотела сделать тебе сюрприз; но цветок очень долго распускался, и пришлось ждать. Сегодня он распустился — это добрый знак. И он почти белый, так что я собираюсь украсить им подвенечное платье; за это время я привязалась к цветку и теперь это мой домашний любимец.

— Я бы не советовал: цвет-то невинный, но растение выглядит зловещим. Посмотри только на его раздвоенный, словно у гадюки, язык и эти отталкивающие капли! Посмотрим сперва, что сообщит нам Нильс, а после можешь пестовать цветок, сколько угодно. Не исключаю, что моя колдунья ценила в нем некую символическую красоту — в жизни древних египтян было полно суеверий. Ловко ты меня провела! Но я прощаю тебя, ведь через несколько часов эта маленькая загадочная ручка навсегда станет моей. Как она холодна! Пойдем в сад, любимая, тебе нужно погреться на солнце и подышать воздухом перед свадьбой.

Но когда наступил вечер, никто не мог попрекнуть девушку бледностью: она сияла, как цвет граната, глаза горели, губы розовели. Казалось, к ней вернулась прежняя жизнерадостность. Никогда еще невеста прекрасней не краснела стыдливо под туманной фатой; и когда возлюбленный увидал ее, он был поражен и восхищен почти неземной прелестью, превратившей давешнее бледное и истомленное создание в эту лучезарную женщину.

Их обвенчали, и если любовь, многочисленные пожелания счастья и обильные дары, принесенные им от чистого сердца, могли служить гарантией счастья, молодые были воистину благословенны. Но и в минуту упоения, когда Эвелин стала его женой, Форсайт не мог не почувствовать ледяной холод ее маленькой ручки, не заметить лихорадочный румянец на мягкой щеке, к которой он прикоснулся губами, не различить в глубине глаз, так задумчиво глядевших на него, странный огонек.

Беспечная и прекрасная, как дух, улыбающаяся юная невеста исполнила подобающую ей роль во всех праздничных событиях этого долгого вечера; когда же наконец свет и цвета начали тускнеть, а оживление угасать, жениху, следившему за ней влюбленными глазами, подумалось, что она прос-

то устала. Последний гость распрощался и ушел; к Форсайту подбежал слуга с письмом, помеченным «срочно». Форсайт распечатал конверт и прочел строки, написанные другом профессора:

Дорогой сэр,

Бедняга Нильс скончался два дня назад в Научном клубе; перед смертью он произнес: «Передайте Полю Форсайту, чтобы он опасался Проклятия Мумии, ибо этот роковой цветок погубил меня». Обстоятельства смерти Нильса были настолько необычными, что я счел нужным прибавить их описание к его последним словам. На протяжении нескольких месяцев, как он рассказал нам, он наблюдал за неизвестным растением; в тот вечер он показал нам цветок. Мы допоздна обсуждали другие насущные вопросы и забыли о цветке. Профессор вдел его в петлицу — странный белый цветок в форме змеиной головы, усеянный маленькими блестящими капельками, которые постепенно приобрели алую окраску, отчего лисья казались запятнанными кровью. Мы заметили, что профессор, выглядевший в последнее время изможденным и бледным, был необычайно оживлен; в его воодушевлении чудилось даже нечто искусственное. Заседание близилось к концу, когда, в самом разгаре научного спора, профессор вдруг упал, будто сраженный апоплексическим ударом. Его повезли домой; он был без сознания и только на краткое мгновение пришел в себя и передал мне послание для вас, которое я привел выше. Умер он в страшных мучениях и в бреду не переставая говорил о мумиях, пирамидах, змеях и каком-то достигшем его страшном проклятии.

После смерти на его коже выступили яркие алые пятна, похожие на те, что усеивали лепестки цветка; все тело ссохлось, как опавший лист. По моей просьбе цветок исследовали; виднейший ученый нашел, что цветок служил одним из самых ядовитых и смертоносных орудий египетских колдуний. Растение незаметно поглощает жизнен-

ные силы владельца, а цветок, если украсить им одежду на два или три часа, вызывает безумие либо смерть.

Письмо упало на пол из рук Форсайта; он бросился в комнату, где оставил молодую жену. Она, будто утомившись, прилегла на кушетку и оставалась недвижна. Ее лицо было наполовину скрыто легкими складками фаты.

— Эвелин, дорогая моя! Проснись, ответь мне! На тебе был сегодня тот странный цветок?

Ответ не понадобился: на ее груди сверкал красками зловеющий цветок; его белые лепестки были теперь усыпаны алыми крапинками, яркими, словно пятна только что пролитой крови.

Но несчастный жених едва их заметил, ибо лицо невесты ужаснуло его полнейшей пустотой взгляда. Исхудавшее и мертвенно-бледное, как после тяжелой болезни, это юное лицо, еще час назад такое прекрасное, выглядело старым, уничтоженным зловеющим влиянием цветка, вышившего ее жизнь. Она смотрела на Форсайта, не узнавая, с губ не сорвалось ни слова, руки лежали неподвижно — и только еле слышное дыхание, трепетное биение пульса и широко раскрытые глаза говорили о том, что она еще жива.

Увы, юная невеста погибла! Сверхъестественный ужас, над которым она посмеивалась, достоверно существовал; проклятие, веками ждавшее своего часа, наконец исполнилось. Собственной рукой она разбила свое счастье. Смерть при жизни ждала ее. Долгие годы Форсайт, ставший затворником, с трогательной преданностью ухаживал за бледным призраком, который ни словом, ни взглядом не мог поблагодарить его за любовь, пережившую даже такую жестокую судьбу.

Феллашка ищет папирусы и украшения среди мумий в одной из погребальных камер Фив. Рис. из книги Джона Гарднера Вилкинсона «Жизнь и обычаи древних египтян» (1847)

Грант Аллен
СРЕДИ МУМИЙ
(1880)

I

Много приключений пережил я во время странствований своих по белу свету, но ни одно из ни не было так странно, как приключение, случившееся со мной в прошлом году в нетронутой никем еще пирамиде Абу-Илла. В ту зиму я путешествовал с Фитц-Смикинами в качестве жениха их дочери Юдифи. Молодая девушка не отличалась красотой, но женитьба на дочери богатого негоцианта, архимиллионера, была неожиданной для адвоката, который сидел без дела, не имел никакого состояния и напрасно ста-

рался пробить себе дорогу в качестве юмористического писателя. Не думаю, чтобы старик Фитц-Смикин согласился охотно на эту свадьбу, не будь Юдифь так безумно влюблена в меня и не ухаживай я за нею так долго во время лондонского сезона. Как-никак, но дело это было решенное. Ввиду того, что легкие моей будущей тещи требовали более теплого климата, вся семья решила отправиться в Египет, куда и я последовал за нею, чтобы не терять из виду своей победы.

Не могу сказать, чтобы ухаживания мои шли, как по маслу. Юдифь находила, что я не очень старательно ухаживаю за нею. Вечером, в последний день старого года, мы даже очень серьезно повздорили с нею из-за того, что я втихомолку удрал на лодке в соседний городок, чтобы полюбоваться танцами красивых дочерей пустыни из племени Гаваци. Как она узнала об этом, не могу себе представить! Я дал целых пять пиастров проклятому драгоману, чтобы он покрепче держал свой язык на привязи. Как бы там ни было, но она все узнала и сочла себя оскорбленной, а оскорбление подобного рода могло быть смыто, по ее мнению, лишь тремя днями колкостей и шпилек.

В ту ночь я лежал в гамаке на палубе, находясь в самом худом настроении духа. Мы стояли у плотины Абу-Илла, в яме, наполненной заразными миазмами и находившейся между водопадами и дельтой. Местность эта кишела самыми ядовитыми москитами во всем Египте, а штука эта не малая! Жара, даже в этот час ночи, была удручающая, и казалось, что вместе с туманом, который подымался с ложа лотосов, тянулась кверху и лихорадка. Больше всего беспокоила меня мысль, что богатая наследница может пропустить меня сквозь пальцы. Как ни был я, однако, взволнован и огорчен, я все же минутами возвращался к прелестному видению маленькой Гаваци, которая после полудня танцевала для меня. Восхитительное создание! Будь Юдифь хотя только бледным отражением ее! Что это? Недоставало еще, чтобы я влюбился в дочь пустыни!

А москиты тем временем не переставали осаждать меня. Зз!.. Зз!.. Зз!.. Мне удалось поймать самого большого и

самого звонкого из них, нечто вроде примадонны из адской оперы. Увы! ее сменили сотни еще более рьяных артистов... С болот, кроме того, доносилось кваканье лягушек, и ночь чем дальше, тем становилась удушливее. Я выпрыгнул из гамака и вышел на берег, надеясь, что воздух будет там посвежее.

В глубине равнины я увидел высившуюся огромную пирамиду Абу-Илла, на которую мы предполагали взобраться на следующий день. При свете луны я дошел до подошвы величественной гранитной массы, мрачный силуэт которой резко выделялся на фоне горизонта. В полусне, дрожа от лихорадки, обошел я кругом нее.

И вдруг в голове моей блеснула странная мысль: нельзя ли случайно открыть потайной ход в пирамиду, который ускользал до сих пор от наблюдений многих ученых египтологов? Я вспомнил рассказ доброго старого Геродота, похожий на сказку из «Тысячи и одной ночи», в котором говорится о том, как фараон Рамзес приказал устроить сокровищницу с вращающимся на стержне камнем вместо двери, и как мастер, знавший тайну входа, тайком отправлялся туда по ночам и обкрадывал фараона. Что если и пирамида Абу-Илла закрывалась таким же точно образом? Любопытная будет штука, если я попаду на настоящее место!

Благодаря ослепительному свету луны, я видел ясно, что нахожусь у двенадцатого камня, считая от северо-восточного угла. Мне показалось, что какое-то внушение сверху указывало мне на этот камень. Быть может, достаточно будет толкнуть его с левой стороны и он повернется на стержне? Я изо всех сил налег на него... Дрогнул? Нет... Это только вообразилось мне. Попробуем еще... Качается? Да... О, великая Изида! Двинулся!..

Сердце мое затрепетало от лихорадочного волнения. Три раза принимался я за одно и то же, и вот, наконец, вековая ржавчина, делавшая стержень неподвижным, уступила, и камень, тяжело повернувшись, открыл вход в темный, узкий коридор.

II

Было безумием с моей стороны отправляться одному без факела по неизвестному мне пути. Тем не менее я двинулся вперед. Отверстие было достаточно широко и высоко, чтобы человек, не сгибаясь, мог пройти в него. Стены были холодные и гладкие, а пол внизу шел в наклонном положении.

Ощупью, с бьющимся от волнения сердцем, прошел я шагов пятьдесят, пока не натолкнулся на препятствие, состоящее из камня, который закрывал дальнейший выход из коридора.

На эту ночь достаточно, — решил я. Я был в восторге от своего открытия и собирался уже повернуть назад, когда внимание мое было привлечено странным явлением: сквозь трещины в камне пробивался слабый свет... можно было подумать, что там горит лампа или просто огонь. Не было ли здесь двери, устроенной до образцу той, через которую я только что вошел? Не вела ли она в какое-нибудь подземелье, служившее убежищем целой шайке разбойников? Огонь почти всегда указывает на присутствие человека, а между тем по наружному виду пирамиды казалось, что вход в нее не открывался уже в течение многих веков. Я колебался несколько минут, прежде чем продолжать начатое мною предприятие, но, побуждаемый чувством любопытства, налег на каменную массу и опять-таки с левой стороны. Камень медленно повернулся — и предо мною открылся вход в огромный зал.

Никогда, до конца жизни своей, не забуду я овладевшего мною удивления при виде этого действительно волшебного зала. Ошеломленный, пораженный невиданным зрелищем, водил я взорами по тройному ряду огней, тянувшихся и вдоль стен, и кругом объемистых колонн, и по столбам, покрытым красными, желтыми, зелеными и голубыми рисунками, и по огромным сфинксам из розового гранита, и по статуям из красного порфира, изображающим

богиню Пта с кошачьей головой, и по полу из полированного сиенита, блестящего, как зеркало.

Но, о чудо из чудес! Посреди зала во всем своем величии, окруженный жрецами и воинами, украшенный остроконечной митрой Рамзесов, на возвышенном троне с инкрустациями из золота и слоновой кости, перед столом, уставленным кушаньями из Мемфиса, сидел во плоти и крови сам фараон древнего Египта.

Голова моя закружилась, как во время горячки, которую я перенес после экзаменов в Оксфорде. Мне казалось даже, что она сейчас лопнет.

Передо мною, как во сне, развертывалась ежедневная жизнь фараона. Как на стенных картинах, которыми мы любовались в Карнаке и Сиене, так и здесь прислуживали гостям стройные, грациозные девушки с бронзовым цветом кожи, драпированные легкой тканью, обвязанной вокруг чресел.

В глубине зала пировали за отдельным столом придворные дамы, с головы до ног стянутые узкими одеждами из льняной, покрытой рисунками ткани. Древние танцовщицы, вернее — воспроизведение моих приятельниц Гавацци, принимали позы, какие изображаются в священных письменах египтян, и скользили бесшумно под меланхолические звуки трехструнных арф и длинных, тонких свирелей.

Странное собрание было в той же мере удивлено появлением постороннего посетителя, как и сам он при виде небывалого зрелища. Музыка и танцы мгновенно прекратились. Фараон и придворные вскочили и несколько минут смотрели на меня, не трогаясь с места. Затем молодая девушка, с царственной наружностью и в то же время необыкновенно похожая на маленькую Гавацци в Абу-Илле, подошла ко мне и заговорила со мной на древнеегипетском языке:

— О, чужестранец, кто ты и за чем пришел сюда?

Никогда не думал я до той минуты, что могу владеть языком иероглифов, — и вдруг оказалось, что я без всякого затруднения не только понимал его, но и говорил на нем. Удивительно! Так труден этот древний египетский язык

при разборе письменных фигур и в то же время так ясен, когда произносится такими губками, какие были у этой дочери фараонов!

— Десять тысяч раз прошу извинения за мою нескромность, — отвечал я вежливо. — Я не знал, что пирамида эта обитаема. В противном случае я никогда не позволил бы себе бесцеремонно войти сюда... Я английский турист... Позвольте представиться вам.

Вынув визитную карточку из бумажника, который, к счастью, находился при мне, я почтительно передал ее принцессе. Она взяла ее, внимательно осмотрела, но не поняла, очевидно, ее назначения.

— Позвольте и мне узнать в свою очередь, — продолжал я, — в чьем высоком присутствии я нахожусь?

Один из герольдов, стоявших по бокам трона, провозгласил с пафосом:

— В присутствии препрославленного фараона, брата солнца, Тотмеса XXVII из XVIII династии.

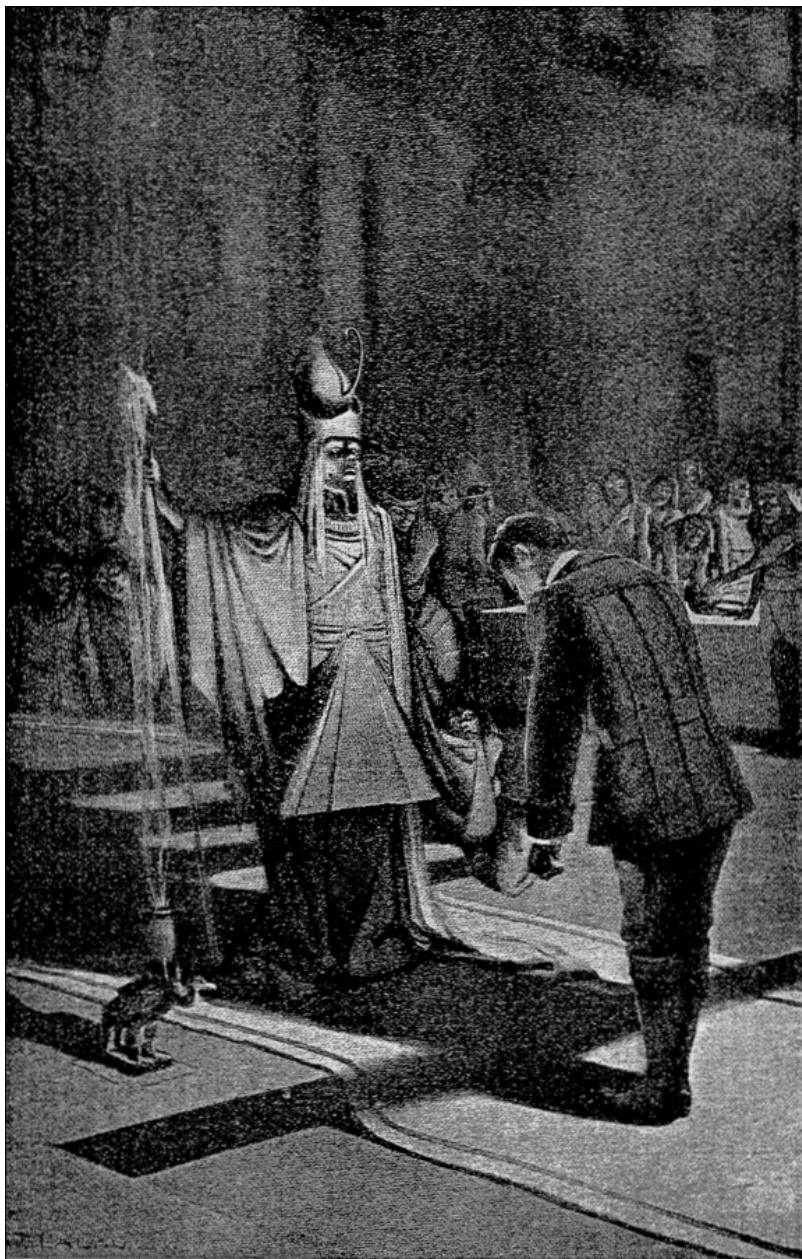
— О, чужестранец! Приветствуй владыку мира! — крикнул с тем же пафосом второй герольд.

Я отвесил глубокий поклон его величеству и вошел в зал.

III

Надо полагать, что я, сам не зная того, нарушил придворный этикет Египта, ибо среди красивых рабынь с бронзовым цветом кожи послышался вдруг заглушенный смех. Но великий фараон, довольный, по-видимому, моей искренностью, ласково улыбнулся. Обернувшись к придворному, который ближе всех стоял подле него, он сказал ему величественным и в то же время кротким голосом:

— Омбос! Чужестранец этот представляет собою любопытный феномен. В нем нет ничего общего с эфиопами и другими дикарями юга. Он не походит также на людей с бледным лицом, которые приезжают к нам на судах из Аха-

гие, хотя чертами своими он мало отличается от них. Нелепая одежда его указывает, однако, что он должен принадлежать в варварам.

Я с досадой взглянул на свой костюм туриста из материи с серыми и коричневыми клетками, последнее слово моды от знаменитого портного из Бонд-Стрита. Египтяне эти, надо полагать, были одарены плохим вкусом, если не приходили в восторг при виде такого образца наших мужских мод.

— Если прах, который попирается стопами твоего препрославленного величества, имеет право высказать свое мнение, — сказал вельможа, с которым говорил фараон, — то я сказал бы, что молодой чужестранец, этот заблудившийся путешественник, явился сюда из ледяных стран севера. Головной убор в его руках указывает на то, что это туземец с полюса.

— Пусть чужестранец наденет свой головной убор, — сказал фараон.

— Варвар, надень свой головной убор! — крикнул герольд.

Я заметил, что фараон никогда и ни к кому не обращался прямо, за исключением вельмож самого высокого ранга. Я исполнил приказание и надел шляпу.

— Что за смешная тиара! — сказала великий Тотмес.

— О, лев Египта! Ты сам видишь, что она ничего не имеет общего с твоей, царственной и священной, — отвечал Омбос.

— Да спросят чужестранца, как его зовут, — продолжал фараон.

Я нашел лишним давать вторую визитную карточку и произнес по возможности громче и яснее свое имя.

— Причудливое и трудное для произношения имя! Язык этих дикарей звучит грубо для нашего уха, особенно если сравнить его с благозвучным языком Мемнона и Сестриса, — сказал фараон.

Камергер выразил свое согласие тремя коленопреклонениями. Я чувствовал себя крайне неловко, слушая все эти

невыгодные для меня замечания египтян.

Принцесса, все время стоявшая рядом со мной, поспешила переменить предмет разговора.

— О, мой отец! — сказала она, почтительно склоняясь перед фараоном. — Хотя чужестранец и варвар, ему все же не могут нравиться наши разговоры о нем и его одежде. Не лучше ли будет ознакомить его с утонченным гостеприимством египтян, чтобы он унес с собою в пустыни севера хотя слабое воспоминание о нем?

— Какой абсурд, о Гатасу! — сухо отвечал ей Тотмес XXVII. — Дикари так же мало способны оценить нашу культуру, как болтливый ворон благородное молчание священного крокодила.

— Ваше величество ошибается, — осмелился я сказать с достоинством, приличествующим сыну Великобритании, который посетил двор чужестранного деспота. (Признаюсь, я сказал это не особенно уверенно ввиду того, что Англия не имела здесь своего представителя.) — Я — английский турист, и приехал из современного государства, цивилизация которого в значительной мере превосходит первобытную культуру древнего Египта. Я привык видеть внимание к себе всех других наций, как гражданин первого по своему могуществу морского государства в мире...

Выходка моя заставила вздрогнуть всех присутствующих.

— Он дерзнул говорить с братом солнца! — с ужасом воскликнул Омбос. — Только сын царской крови мог бы позволить себе такую дерзость!

— В противном случае, — сказал другой сановник, одежда которого указывала на то, что он принадлежит к касте жрецов, — в противном случае его следует принести, как искупительную жертву, богу Аммону-Ра.

Никогда еще не осквернял я себя ложью, но на этот раз нашел, что могу позволить себе невинный обман ввиду угрожавшей мне опасности.

— Я младший брат нашего царствующего короля, — сказал я без малейшего колебания.

Здесь не было никого, кто мог бы изобличить меня.

— В таком случае, — оказал благосклонно фараон, — в его словах не было оскорбления для меня. Садись рядом с нами, мы побеседуем с тобою, не прерывая пиршества, время которого ограничено. Гатасу, о дочь моя, садись рядом с принцем варваров.

Возведенный таким образом в королевское высочество, я с гордостью и чувством уважения к собственной своей особе сел по правую сторону фараона. Вельможи заняли свои места, и кубки снова заходили кругом. Прекрасные рабыни с бронзовым цветом кожи угощали меня наперерыв друг перед другом мясом, хлебом, фруктами, финиковым вином и т. п.

Я горел нетерпением узнать, как сохранили мои странные хозяева свое существование в течение стольких столетий внутри этой пирамиды, но, прежде чем предлагать такие вопросы, вынужден был отвечать на вопросы его величества о моем народе и о том, как я попал сюда, в каком состоянии находится теперь мир, и на пятьдесят тысяч других вопросов. Тотмес отказывался верить, чтобы наша цивилизация превосходила цивилизацию его страны, ибо, — говорил он, — «я вижу по твоей одежде, что отечество твое лишено всякого художественного вкуса». С большим интересом зато слушал он мои рассуждения о социальном вопросе и железных дорогах, о телеграфе и телефоне, о Нижней палате, «*Home Rule*» и других благоденствиях современного мира, а также заинтересовался и общим очерком истории Европы, начиная с падения Греции и до наших дней. Только удовлетворив любознательность фараона, мог я в свою очередь обратиться за сведениями к сидевшей по правую сторону от меня соседке, которая казалась мне более приятной собеседницей, чем ее августейший папаша.

— Теперь, — начал я, — и мне хотелось бы узнать, кто вы такие?

— Кто мы? — воскликнула она с непритворным удивлением. — Неужели ты не знаешь? Мы... мумии!

Поразительный ответ этот она дала мне таким же спокойным тоном, как будто говорила: «мы французы» или «мы американцы». Я окинул взглядом весь огромный зал

и тут только заметил то, чего не замечал раньше: за колоннами виднелся целый ряд пустых саркофагов и крышек от них, прислоненных к стене.

— Что же вы делаете здесь? — спросил я, когда волнение мое несколько улеглось.

— Неужели ты не знаешь главной цели бальзамирования? Ты, молодой человек хорошего происхождения и хорошо образованный, — извини мою откровенность — предлагаешь мне вопрос, указывающий на крайнюю степень невежества. Нас бальзамировали, чтобы сохранить за нами бессмертие. Нам разрешено просыпаться на двадцать четыре часа в последний день каждого тысячелетия. Кровь снова согревается в наших жилах, и мы устраиваем пиршество из тех съестных припасов, которые были похоронены вместе с нами в наших саркофагах. Сегодня первый день нового тысячелетия. Вот уже шестой раз просыпаемся мы со времени нашего бальзамирования.

— Шестой раз? — повторил я с недоверием. — Вы умерли, следовательно, шесть тысяч лет тому назад?

— Разумеется.

— Но ведь и мир существует не дольше этого! — воскликнул я, глубоко убежденный в том, что говорил.

— Ошибаешься, принц-варвар! Сегодня первый день триста двадцать седьмого тысячелетия.

Я смутился, но затем решил, что геологические познания мои не могут помешать мне отодвинуть на более неопределенное время первое пробуждение жизни на земном шаре. К тому же я готов был согласиться со всем, что утверждала прелестная Гатасу. Да простит мне Бог — прикажи она мне молиться Озирису, я ни минуты не задумался бы над этим...

— Вы проснулись, — продолжал я, — только на один день и одну ночь?

— На одну ночь и один день. С наступлением нового тысячелетия мы снова уснем.

«Если до тех пор вас не употребят на топливо для локомотивов Каирской железной дороги», — подумал я, добавив громко:

— Откуда у вас это освещение?

— Пирамида воздвигнута над тем местом, где находится источник нефтяного газа. Ничего не стоит зажечь его химической спичкой.

— Химической спичкой? Честное слово! Я не имел никакого понятия о том, что египтяне употребляли спички, да еще химические!

— Певец с острова Филе сказал: «На небе и на земле есть такие вещи, которые и не снились философам».

В эту минуту великий жрец поднялся со своего места и торжественно преподнес кусок мяса священному крокодилу, который лежал, задумавшись, у своего саркофага.

IV

Пир кончился, и гости разбрелись по длинным галереям и примыкающим к ним комнатам. Мы с Гатасу удалились за колоннаду, где освещение было не так ярко, и, сидя друг подле друга на краю фонтана, в пурпуровом бассейне которого играли золотые рыбки — могущественные боги, по утверждению принцессы, — с оживлением разговаривали о рыбах и богах, о нравах Египта, о философии, но больше всего — о любви в Египте.

Гатасу была чудное создание: высокого роста, стройная, с царственным поворотом головы, с прекрасными руками бронзового цвета и большими черными глазами, полными нежности. Чем больше я смотрел на нее, тем больше начинал я любить ее, забывая обязательство свое к невесте Юдифи. Дочь какого-то торговца вином осмеливалась смотреть на меня свысока, тогда как принцесса крови ясно и с милой стыдливостью показывала мне, что она не нечувствительна к моему вниманию.

Я продолжал говорить приятные вещи Гатасу, а Гатасу отвечала мне, делая в то же время вид, как будто хотела сказать мне: «Не верь ничему, что я говорю». Да, могу заверить вас, что сердца наши бились в унисон, что мы уто-

пали в блаженстве, когда принцесса вынула вдруг часы — еще один механизм, употребление которого в древности неизвестно ни одному ученому — и объявила мне, что ей остается жить всего три часа до наступления следующего тысячелетия.

Я почувствовал, что сердце мое готово разбиться. Закрыв лицо носовым платком, я зарыдал, как четырехлетний ребенок. Это очень тронуло Гатасу. Этикет не позволял ей утешать меня слишком старательно, а потому она только осторожно отняла от моего лица носовой платок, убеждая меня в том, что с помощью одного очень простого средства мы никогда не расстанемся с нею больше.

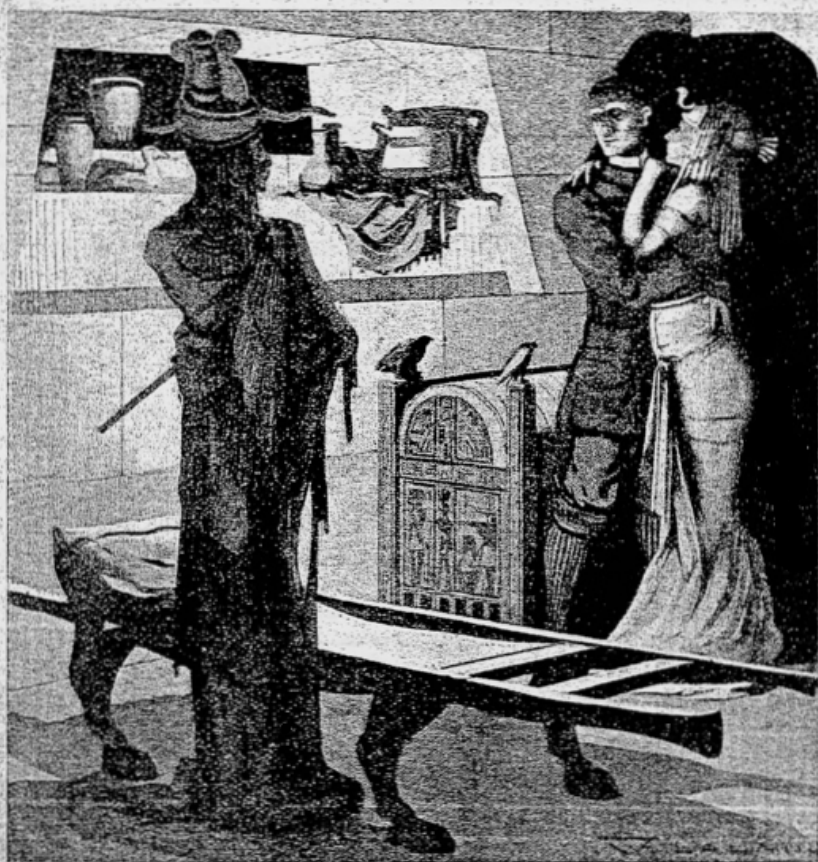
— Почему не сделаться тебе мумией? Ты вместе с нами будешь просыпаться по прошествии каждой тысячи лет. Уверяю тебя, что после первого опыта все это покажется тебе так же естественно, как и ежедневный сон твой в течение семи-восьми часов. Тогда, — прибавила она с восхитительным румянцем на щеках, — мы в первые три-четыре солнечных цикла будем иметь достаточно времени, чтобы устроить кое-какие дела...

Такой способ счисления не мог не показаться странным тому, кто привык считать месяцами и неделями. К тому же у меня были обязательства по отношению к Юдифи... Но взгляд, брошенный на Гатасу, которая в свою очередь проливала слезы, порвал окончательно мою нерешительность. Я не колебался более, я все послал к черту: Юдифь, жизнь свою, обязательства — и решил сделаться мумией.

Нельзя было терять ни минуты времени; церемония бальзамирования, даже самая простая, требует не менее двух часов.

Мы поспешили к главному жрецу, который всегда заведует ходом всей этой церемонии. Он тотчас же согласился на нашу просьбу и объяснил мне способ, употребляемый при бальзамировании трупов. Дрожь пробежала по всему телу моему при этих словах.

— Труп! — воскликнул я. — Но я живой человек... разве живых бальзамируют?

— Разумеется, — отвечал жрец. — При помощи хлороформа.

— Хлороформа!!

Чем дальше, тем больше приходилось мне удивляться. Никогда не думал я, чтобы египтяне пользовались этим средством.

— О, невежественный варвар! — и жрец засмеялся с презрением. — Изучи науки Египта и ты узнаешь, что хлороформ считался у нас одним из самых обыкновенных анестезирующих средств.

Я отдал себя в руки великого жреца. Он приказал мне лечь на ложе, стоявшее посреди центрального зала, и приложил мне к ноздрям вату, пропитанную хлороформом. Гатасу держала меня за руку и с тревогой следила за мной.

Я видел, как жрец склонился надо мной и раскупорил какой-то флакон. Ко мне донесся запах смирны и нарда и... я потерял сознание. Когда я пришел в себя, то увидел, что жрец все еще стоит, склонившись надо мной, но на этот раз держит в руке окровавленный меч из диорита. Я смутно почувствовал, что грудь моя вскрыта. Мне снова приложили ватку с хлороформом... Гатасу нежно пожала мне руку, — и все исчезло вдруг... Я заснул на целую вечность.

Открыв глаза, я подумал прежде всего, что прошло уже целое тысячелетие, и я сейчас буду наслаждаться обществом Гатасу и Тотмеса XXVII в пирамиде Абу-Илла. Но я скоро убедился, что нахожусь в Каире, в комнате отеля Дю-Берже и в обществе сиделки из госпиталя. Что касается Юдифи Фитц-Скимин, то ее и след простыл. Сиделка объяснила мне, что я только что начал оправляться от очень тяжелой болезни и мне запрещено разговаривать..

Только спустя несколько времени после этого, узнал я последствия моего похождения в ночь на 1-е января. Заметив мое отсутствие, Фитц-Скимины думали сначала, что я отправился на свою обычную утреннюю прогулку. Но по мере того, как проходили часы, они беспокоились все более и более и, наконец, послали на поиски за мной.

Один из посланных, проходя случайно мимо пирамиды, с северо-восточной стороны ее, заметил отверстие и, удив-

ленный этим, позвал своих товарищей, которые решили осмотреть темный коридор, куда я прошел ночью. Феллахи нашли меня в центральном зале, где я лежал без чувств, купаясь в собственной крови, и доставили меня в Каир.

Юдифь была убеждена сначала, что вследствие нашей ссоры с нею я пришел в отчаяние и покушался на свою жизнь. Она решила поэтому не отходить от моего изголовья и оказывать мне самые нежные попечения. Но рассказы мои во время лихорадочного бреда о какой-то принцессе, с которой я находился будто бы в очень близких отношениях, и затем сравнение ее наружности с наружностью Юдифи, весьма неблагоприятное для последней, — были причиной того, что она вместе со своими родителями совсем покинула Каир и отправилась на Ривьеру.

Уезжая, она оставила письмо на мое имя, в котором распространялась о моем вероломстве и жестоком сердце, пользуясь для этого самыми цветистыми выражениями женского красноречия. С тех пор я никогда больше не встречался с нею.

Вернувшись в Лондон, я хотел представить в «Общество антиквариетов» подробный отчет о моем приключении; но друзья отговорили меня от этого, ссылаясь на невероятность такого события.

Пусть они говорят, что хотят, но я могу представить два доказательства в подтверждение правдивости моего рассказа:

1) Я храню еще кольцо Гатасу, которое взял у нее в залог нашей любви и спрятал в карман перед началом баллама.

2) На груди моей до сих пор находится шрам от раны, сделанной великим жрецом при помощи меча из диорита. Мои друзья-доктора уверяют меня, будто я сам ранил себя, упав на остроконечный угол камня, но это явный абсурд, не заслуживающий внимания.

Правдивость моего рассказа может быть подтверждена, к несчастью, лишь при наступлении следующего тысячелетия. Прошу поэтому Британский музей сохранить до того времени копию моего рассказа, а к будущему потомству об-

ращаюсь с просьбой отправить по прошествии десяти столетий комиссию ученых в пирамиду Абу-Илла для осмотра ее в ночь с 31-го декабря на 1-е января. Лишь в том случае, если они не встретят там ни Тотмеса, ни Гатасу, ни прочих, соглашусь я с тем, что приключение мое среди мумий было ни более, ни менее, как галлюцинация.

Артур Конан Дойль

КОЛЬЦО ТОТА

(1890)

Мистер Джон Ванситтарт Смит, член Лондонского королевского общества, отличался редкой энергией в достижении намеченной цели, а также ясностью и четкостью мысли. Такие данные, бесспорно, могли бы выдвинуть его в первые ряды ученых. Но, к сожалению, он обладал еще одним качеством — честолюбием, которое побуждало его стремиться к овладению разными науками, вместо того чтобы сразу отдать предпочтение какой-либо одной. В юности мистер Смит проявлял интерес к зоологии и ботанике, и друзья даже провозгласили было его вторым Дарвином. Но когда кафедра по этим предметам была уже почти в его руках, он вдруг забросил свои исследования и переключил всю энергию на химию. Его труд о спектре металлов обеспечил ему звание члена Королевского общества. Однако он снова проявил легкомысленное непостоянство и исчез из химической лаборатории, а через год неожиданно для всех опубликовал труд об иероглифических и демотических надписях Эль-Каба.

Однако даже самый ветреный человек в конце концов останавливается на чем-либо одном. Так случилось и с Джо-

ном Ванситтартом Смитом. И чем более он углублялся в египтологию, тем сильнее увлекался ею. Его поражали и огромные горизонты, раскрывающиеся перед ним, и чрезвычайное значение этой науки, которая обещала осветить начальные ступени цивилизации и происхождение большинства современных искусств и наук. Мистер Смит был так захвачен египтологией, что срочно женился на молодой леди, занимающейся той же наукой и написавшей труд о VI династии. Таким способом мистер Смит обеспечил себе солидные исходные позиции для дальнейших работ, которые объединили бы исследования Шампольона и Лепсиуса, и приступил к сбору материалов, потребовавшему срочных поездок в Лувр для изучения имеющихся там великолепных египетских коллекций. В результате своей последней поездки, которая была предпринята им в середине октября прошлого года, Джон Ванситтарт Смит оказался вовлеченным в очень странную историю.

Поезда запаздывали, на Канале свирепствовала буря, и поэтому ученый прибыл в Париж утомленным и несколько взвинченным. Добравшись до «Отель де Франс» на улице Лаффит и сняв номер, он бросился на диван, чтобы отдохнуть часок-другой, но, убедившись, что уснуть не сможет, решил, несмотря на усталость, сегодня же заняться делом. День был дождливый и холодный, поэтому мистер Смит надел пальто и отправился в Лувр, где сразу прошел в отдел рукописей.

Даже наиболее ярые почитатели Джона Ванситтарта Смита не решились бы утверждать, что он красавец мужчина. Нос его напоминал своей формой птичий клюв, подбородок резко выдавался вперед. Впрочем, эти черты лица соответствовали его энергичному характеру и проницательному уму. Голову мистер Смит держал как-то по-птичьи, а когда в разговоре приводил свои доводы или возражал собеседнику, он кивал ею совсем как птица, которая что-то упорно долбит клювом. Стоя с поднятым до самых ушей воротником пальто, мистер Смит, конечно, имел возможность убедиться по отражению в витрине, что вид у него довольно странный. И все-таки его как будто током ударило,

когда он услышал за спиной громко произнесенную фразу на английском языке:

— Посмотри-ка, какой чудной парень!

Ученый обладал изрядным запасом тщеславия, проявлявшегося в подчеркнутом пренебрежении к своему внешнему виду. Он сжал губы и сурово посмотрел на лежащий перед ним свиток папируса, в то время как сердце его кипело горечью и негодованием против отвратительного племени путешествующих бриттов.

— Да, — сказал другой голос, — действительно замечательный тип.

— Знаешь, — проговорил снова первый голос, — можно прямо-таки подумать, что от постоянного созерцания мумий этот чужак сам наполовину превратился в мумию.

— У него определенно египетский тип лица, — ответил второй.

Джон Ванситтарт Смит круто повернулся, чтобы несколькими едкими замечаниями уничтожить своих бесцеремонных соотечественников, но, к своему удивлению и большому облегчению, обнаружил, что оба молодых человека, только что говоривших друг с другом, стоят к нему спиной и разглядывают одного из служителей Лувра, который в этот момент усердно наводил глянец на какие-то медные предметы в другом конце зала.

«Любопытно, что эти болтуны считают египетским типом лица», — подумал Джон Ванситтарт Смит, взглянул на служителя, и дрожь пробрала его: это был действительно тот самый тип лица, с которым он был так хорошо знаком благодаря своим научным исследованиям. Правильные, величавые черты, широкий лоб, округленный подбородок, смуглая кожа — все было копией бесчисленных статуй, мумий и рисунков, которые украшали зал. Не могло быть и речи о простом совпадении. Этот человек, безусловно, был египтянином. Достаточно было взглянуть на угловатость плеч и на его узкие бедра, чтобы убедиться в этом.

Джон Ванситтарт Смит нерешительно направился в тот конец зала, где работал служитель. Ему было любопытно поговорить с ним, но как завязать разговор? И как найти

золотую середину между покровительственным тоном лица, стоящего на более высокой ступени общества, и панибратством собеседника равного положения?

Когда мистер Смит приблизился к служителю, тот стоял к нему в профиль. Что-то противоестественное и нечеловеческое было в его облике. Особенно поражала кожа. На висках и скулах она блестела, как натянутый пергамент. На ней не было даже намека на поры. Было невозможно представить себе, чтобы живая влага пота когда-либо орошала эту мертвенную поверхность. А лоб и щеки были заштрихованы бесчисленным количеством морщин, которые переплетались друг с другом, как будто причудница-природа решила похвастать, какие странные и сложные узоры умеет она создавать.

— Где коллекция Мемфиса? — спросил ученый с неловким видом человека, придумывающего вопрос только для того, чтобы начать разговор.

— Там, — сухо ответил служитель, кивком головы указав на другую часть зала.

— Вы египтянин, не правда ли? — продолжал мистер Смит. Служитель повернул голову и поднял на англичанина странные темные глаза. Таких глаз мистер Смит еще никогда не видел.

Они были прозрачные, с неясным сухим блеском, и в глубине их читалось смешанное чувство ненависти и отращения.

— Нет, мсье, я француз. — Служитель резко отвернулся и снова склонился над своей работой. Некоторое время ученый с изумлением глядел на него, затем отошел и, опустившись на стул в отдаленном углу зала за одной из дверей, стал записывать сведения, только что почерпнутые им из папирусов. Но его мысли никак не могли войти в привычное русло: они все возвращались к загадочному служителю с лицом сфинкса и пергаментной кожей.

— Какие у него глаза! — размышлял Ванситтарт Смит. — В них видна сила, мудрость и усталость — невероятная усталость и отчаяние, которое невозможно выразить словами. Черт возьми! Я должен еще раз заглянуть в эти глаза! —

Он встал и прошелся по египетским залам, но человек, возбудивший его любопытство, исчез.

Ученый снова уселся в тот же уютный уголок и вернулся к своим заметкам. Сперва его рука быстро бегала по бумаге, но вскоре строчки стали менее ровными, слова менее четкими, и наконец карандаш со стуком упал на пол, а голова ученого тяжело опустилась на грудь. Донельзя утомленный путешествием, он так крепко заснул в своем уголке за дверью, что ни говор туристов, ни шаги сторожей, ни даже громкий хриплый звонок, возвещающий о закрытии музея, не могли его разбудить.

Только около часу ночи Ванситтарт Смит глубоко вздохнул и открыл глаза. Лунный свет проникал через незавешанное окно. Взгляд ученого упал на мумии, пробежал по бесконечным рядам витрин. Только тогда он понял, где он и как сюда попал. Ванситтарт Смит отнюдь не был нервным человеком. В его сердце жила любовь к неизведанному. Потянувшись и расправив онемевшие руки и ноги, он посмотрел на часы и усмехнулся, разглядев стрелки на циферблате. Этот эпизод можно будет преподнести в форме забавного анекдота в очередной статье, чтобы оживить сухое и серьезное научное изложение. Со сна немного познабливало, но вскоре мистер Смит окончательно проснулся и почувствовал себя бодрым и освеженным. Не удивительно, что охрана проглядела задремавшего посетителя: ведь черная тень от двери скрывала его непроницаемой завесой.

Полная тишина. Кругом ни звука, ни души. Только мистер Смит наедине с мертвецами из мертвой цивилизации. Во всем зале не было ни одного предмета, начиная от сморщенного колоса пшеницы и кончая ящичком с красками, возраст которого не исчислялся бы четырьмя тысячами лет. Эти обломки древней цивилизации, выброшенные на берег бескрайним океаном времени, были доставлены сюда из величавых Фив, из роскошного Луксора, из больших храмов Гелиополя, из сотен гробниц. Ученый глядел на многочисленные молчаливые фигуры, смутно выделявшиеся из мрака. Его охватили благоговение и грусть. Он показал-

ся себе таким юным, незначительным. Облокотившись на спинку стула, мистер Смит задумчиво глядел на длинные анфилады залов, посеребренных луной, и вдруг заметил желтый свет далекой лампы.

Джон Ванситтарт Смит выпрямился на стуле. Нервы его были напряжены. Огонек медленно приближался, время от времени замирая на месте, а затем снова рывками продвигаясь вперед. Человек, несший лампу, шел совершенно бесшумно, в полнейшей тишине не было слышно ничего похожего на шаги. У англичанина мелькнула мысль о взломщиках, и он прижался глубже в свой темный угол. Вот свет уже близко, теперь он в соседнем зале, и все же не

слышно ни звука. Трепет пробежал по телу мистера Смита, когда он наконец увидел лицо, как бы плывущее в воздухе. Вся фигура человека была скрыта во тьме, свет падал только на лицо — странное, возбужденное лицо. Глаза с металлическим блеском, мертвенная кожа... Ошибки быть не могло. Это служитель, с которым он разговаривал!

Первым побуждением Ванситтарта Смита было подойти к служителю и окликнуть его. Достаточно нескольких слов, чтобы объяснить положение. Несомненно, его тут же выпустили бы на улицу через какую-нибудь боковую дверь, и он преспокойно отправился бы в свою гостиницу.

Но в движениях человека, вошедшего в зал, было так много таинственности, он передвигался так осторожно, крадучись, что англичанин изменил свое намерение. Ясно, что это не был обычный обход помещения. На ногах служителя были войлочные туфли, грудь его высоко вздымалась, он озирался по сторонам. Притаившись в углу, Ванситтарт Смит сжался и напряженно разглядывал вошедшего. Он был уверен, что появление служителя связано с какой-то зловещей тайной.

Движения вошедшего были уверенными. Быстро и бесшумно он подошел к одной из больших витрин, вынул из кармана ключ и открыл ее. Сняв мумию с верхней полки, он с величайшей осторожностью и заботливостью положил ее на пол. Рядом поставил лампу, а затем, опустившись возле мумии на корточки на восточный манер, начал распеленывать ее длинными дрожащими пальцами. По мере того как спадали хрустящие бинты, зал наполнялся сильным ароматом: куски ароматического дерева и благовоний сыпались на мраморный пол.

Джон Ванситтарт Смит увидел, что эту мумию еще никогда не распеленывали. Процесс этот чрезвычайно заинтересовал его. Он трепетал от любопытства, его птичья голова высывалась из-за двери все дальше и дальше. Он с трудом сдержал возглас изумления, когда служитель начал снимать последний бинт с тела, которому было четыре тысячи лет. Сперва появился целый каскад длинных черных, блестящих локонов. Второй виток обнажил низкий белый лоб

с двумя изящно изогнутыми бровями. Третий открыл два глаза с густыми ресницами и красивый прямой нос, а после четвертого, последнего, витка показался нежный рот и прекрасно очерченный подбородок. Лицо было прелестно. Единственное, что его портило, — кофейного цвета пятно посередине лба. Перед Ванситтартом Смитом было чудо искусства бальзамирования. Глаза его расширились от восхищения.

Но впечатление, произведенное на египтолога, было ничтожным по сравнению с эмоциями странного служителя. Он вскинул вверх руки, забормотал какие-то непонятные слова, а потом, бросившись на пол около мумии, сжал ее в объятиях.

— Моя малютка, — горестно бормотал он по-французски, — моя бедная, бедная малютка! — Его голос прерывался от волнения, бесчисленные морщины дрожали. Ученый заметил при свете лампы, что глаза служителя оставались сухими, как два стальных шарика, на них не было ни слезинки. Несколько минут он лежал около мумии, лицо его судорожно подергивалось, он стонал и причитал над прекрасной женщиной. Вдруг неожиданно он улыбнулся, произнес несколько слов на неизвестном языке и энергично вскочил на ноги с видом человека, принявшего твердое решение.

В центре зала стояла большая круглая витрина, в которой хранилась — как это не раз видел мистер Смит — великолепная коллекция колец и драгоценных камней эпохи раннего Египта. Служитель быстро подошел к ней, отпер ее и распахнул настежь. На край витрины он поставил лампу и небольшой глиняный сосуд, который вынул из кармана. Затем, взяв из витрины горсть колец, он с очень серьезным и озабоченным лицом стал смазывать их одно за другим какой-то жидкостью из глиняного сосуда, разглядывая их после этого на свет. Испробовав таким путем первую партию колец, он был явно разочарован и, швырнув их обратно в витрину, вытащил другие. Одно из них — массивное, украшенное большим кристаллом, — он схватил, бросив остальные, и лихорадочно смазал содержимым

своего сосуда. В то же мгновение он испустил радостный крик и дико взмахнул руками. Сосуд опрокинулся, жидкость, находившаяся в нем, потекла по полу к самым ногам англичанина. Служитель вытащил из-за пазухи красный платок и, вытирая жидкость, добрался до угла комнаты, очутившись внезапно лицом к лицу с мистером Смитом.

— Извините, — сказал Джон Ванситтарт Смит самым любезным тоном. — Я нечаянно заснул здесь за дверью.

— И вы следили за мной? — спросил служитель по-английски. Его лицо было искажено злобой. Ученый был прямым человеком.

— Сознаюсь, — сказал он, — я видел ваши действия, и они возбудили во мне сильнейшее любопытство.

В руках служителя появился длинный нож со сверкающим лезвием.

— Вы были на грани смерти, — прошипел он. — Если бы я заметил вас десять минут назад, я пронзил бы вас этим ножом. И сейчас предупреждаю: если вы попытаетесь помешать мне или хотя бы дотронетесь до меня, вы будете убиты.

— Я не собираюсь мешать вам, — возразил ученый. — Ведь я оказался здесь сейчас совершенно случайно. Единственное, что мне нужно, — это чтобы вы были любезны показать мне выход на улицу.

Мистер Смит говорил чрезвычайно вежливо, так как служитель все еще прижимал лезвие своего ножа к ладони левой руки, как бы желая убедиться, хорошо ли он отточен. Лицо его продолжало сохранять злобное выражение.

— Если бы я подумал... — начал он. — Но, впрочем, может быть, это к лучшему... Как вас зовут?

Англичанин назвал свое имя.

— Ванситтарт Смит.... — повторил служитель. — Не тот ли самый Ванситтарт Смит, который опубликовал в Лондоне статью об Эль-Кабе? Я читал ее. Ваши знания в этой сфере совершенно ничтожны.

— Позвольте!.. — воскликнул англичанин.

— Правда, — продолжал служитель, — вы продвинулись все-таки немного дальше других, которые предъявляют еще

большие претензии на осведомленность и эрудицию. Самое главное в нашей прежней египетской жизни — это не надписи, не памятники, которым вы уделяете столь много внимания в своей статье, а наша магическая философия и мистические познания, о которых вы либо говорите очень мало, либо не упоминаете вовсе.

— Наша прежняя жизнь!.. — повторил ученый, широко раскрыв глаза. И вдруг прервал себя: — Боже мой! Посмотрите на мумию!

Необыкновенный служитель обернулся и направил луч света на лицо мертвой женщины. Взглянув на нее, он испустил дикий, скорбный крик. Действие воздуха вмиг уничтожило чудесное произведение бальзамировщика. Кожа опала, глаза глубоко провалились, обесцветившиеся губы увяли, обнажив ряд желтых зубов, и только коричневый знак на лбу свидетельствовал о том, что это было действительно то самое лицо, которое сияло молодостью и красотой всего несколько минут назад.

Служитель всплеснул руками в горе и ужасе. Затем, огромным усилием воли овладев собой, он снова обратил холодный взгляд на англичанина.

— Это ничего не значит, — сказал он дрожащим голосом, — это ровно ничего не значит. Я пришел сюда с одним намерением. Сейчас оно выполнено. Все остальное — ничто. Я обрел то, что искал, древнее заклятие снято, и я могу снова соединиться с ней. Какое значение имеет бездушная оболочка, если ее душа ждет меня по ту сторону завесы?!

— Это безумие, — произнес Ванситтарт Смит. Он все более утверждался во мнении, что имеет дело с сумасшедшим.

— Время летит, мне пора, — продолжал тот. — Настал час, которого я ждал все эти бесконечные годы... Но сперва я покажу вам выход из музея. Идите за мной.

Взяв лампу, он вышел из зала, в котором теперь царил беспорядок, и быстро провел ученого по длинным анфиладам египетских, ассирийских и персидских залов. В конце последнего зала он открыл маленькую, незаметную дверцу в стене и стал спускаться по витой каменной лестнице. Ан-

гличанин ощутил ночную прохладную свежесть. Перед ним была дверь на улицу. Направо была другая дверь. Она была приоткрыта и пропускала в коридор луч желтого света.

— Войдите сюда! — кратко сказал служитель.

Ванситтарт Смит заколебался. Приключение как будто кончилось благополучно, он мог уйти. Но любопытство одержало верх. Он хотел узнать, выяснить все до конца. Вслед за своим странным собеседником мистер Смит вошел в освещенную комнату.

Это было небольшое помещение — из тех, что обычно предназначаются для привратника. В камине горели дрова.

У одной стены — низенькая кровать, у другой — грубый деревянный стул, посредине комнаты — круглый стол с остатками трапезы.

Бегло осмотревшись, Ванситтарт Смит с удивлением заметил, что все предметы в комнате, вплоть до самых мелких, представляли собой антикварные вещи. Подсвечники, вазы на камине, каминный прибор, украшения на стенах — все несло на себе отпечаток седой старины. Хозяин комнаты с суровым и печальным лицом опустился на край кровати и жестом пригласил своего гостя сесть на стул.

— Может быть, так суждено, — сказал он, — и мне было предназначено оставить после себя это повествование как предостережение всем смертным, живущим столь короткой жизнью, на случай, если бы они отважились обратить свой разум против сил природы. Свой опыт я завещаю вам, можете использовать его как угодно. Сейчас, говоря с вами, я стою на пороге иного мира.

Как уже вы догадались, я египтянин. Но я не из расы рабов, населявших дельту Нила. Я — последний на земле сын сурового и гордого народа, народа, покорившего иудеев, прогнавшего эфиопов в пустыни Юга, создавшего величественные сооружения, которые стали предметом восхищения и зависти всех последующих поколений. Я родился во времена фараона Тутмоса, за шестнадцать веков до рождения Христа. Я вижу, вы в страхе отшатнулись от меня. Но выслушайте мою повесть до конца, и вы поймете, что меня следует скорее жалеть, чем бояться.

Меня звали Сосра. Мой отец был верховным жрецом Осириса в великом храме города Авариса, что лежал в восточной части дельты Нила. Я получил образование в храме, меня обучали всем тем тайным наукам, о которых говорится в вашей Библии. Я был способным учеником. Не достигнув и шестнадцати лет, я уже знал все, во что меня могли посвятить мудрейшие жрецы. С тех пор я стал самостоятельно изучать тайны природы, ни с кем не делаясь своими знаниями.

Ни один вопрос не занимал меня так долго, не мучил так неотступно, как вопрос, в чем сущность жизни. Я глу-

боко изучал все течение жизни человека. Я занимался медициной. Цель ее — служить борьбе с болезнями, когда они появляются. И у меня родилась мысль найти способ так укрепить тело, чтобы оно стало неподвластно ни болезням, ни даже смерти. Не буду подробно говорить о своих опытах — вы вряд ли поймете их суть. Достаточно сказать, что в результате испытаний, которые я проводил частью на животных, частью на рабах и частью на себе самом, я получил некое вещество. Будучи введено в кровь, оно наделяло тело жизненной силой, могущей противостоять времени, насилию и болезни. Оно не давало бессмертия, нет, но действие его могло длиться тысячелетия. Я испробовал его на кошке, давал животному самые смертельные яды. Эта кошка живет в Нижнем Египте до сих пор... Во всем этом нет ничего таинственного или магического. Это химия, и ничего больше. И мое открытие, бесспорно, когда-нибудь может быть сделано снова.

В молодости люди особенно сильно любят жизнь. Мне казалось, что я покончу со всеми присущими человеку заботами, если уничтожу болезни тела и отдалю от себя смерть на огромное расстояние. С чрезвычайным легкомыслием я влил проклятый эликсир в свои жилы. Затем я стал думать, кого бы еще облагодетельствовать таким способом. Я был очень расположен к молодому жрецу Тота по имени Пармс. Мне по душе был его серьезный характер, его приверженность к науке. Ему я открыл свою тайну и сделал по его просьбе впрыскивание эликсира. Я считал, что теперь у меня вечно будет друг одного возраста со мной.

После этого великого открытия я несколько ослабил свое прилежание, в то время как Пармс продолжал работать с удвоенной силой. Каждый день я видел его в храме Тота склонившимся над ретортами и перегонным аппаратом, но он почти ничего не говорил мне о результатах своих занятий. А я бродил по городу, торжествуя озираясь вокруг: ведь все это должно со временем исчезнуть, останусь только я, я один! Проходящие мимо люди склонялись передо мною, потому что молва широко разнесла славу о моей учености.

В те годы шла война, и великий фараон послал воинов на восточные границы, чтобы отогнать врагов. В наш город прибыл новый правитель.

Я еще прежде много слышал о красоте дочери правителя, но однажды, гуляя с Пармсом, мы встретили ее. Рабы несли на плечах ее носилки. Любовь поразила меня как молния, сердце было готово вырваться из груди, я мечтал броситься под ноги рабов, несших ее. Я понял, что эта женщина предназначена для меня, жизнь без нее представлялась мне невозможной. Головою Гора поклялся я, что она будет моею. Эту клятву я произнес в присутствии Пармса, который отвернулся, нахмурившись, как ночь.

Мне незачем рассказывать, что мы оба любили ее. Она полюбила меня так же сильно, как и я ее. Я узнал, что Пармс увидел Атму раньше и также признался ей в своих чувствах. Я мог смеяться над его страстью, так как знал, что ее сердце принадлежит только мне.

На наш город обрушилась моровая язва. Я бесстрашно ухаживал за больными — ведь болезнь не представляла для меня никакой опасности. Дочь правителя восхищалась моим мужеством.

Тогда-то я рассказал ей о своей тайне и стал умолять, чтобы она позволила мне применить и к ней мои знания.

— Твоя юность никогда не увянет, Атма, — говорил я. — Пусть все исчезнет, но мы с тобой и наша великая любовь переживут века.

Но Атма боялась. В ней говорила целомудренная девичья робость.

— Правильно ли это? — спрашивала она. — Не будет ли это противоречить воле богов? Ведь если бы великий Осирис пожелал, чтобы наша жизнь длилась долгие годы, разве он сам не сделал бы этого?

Словами, исполненными нежности и любви, я старался преодолеть ее сомнения, и все же она колебалась.

— Это очень серьезный шаг, — говорила Атма. Она обдумает его в эту ночь. Завтра утром я узнаю ее решение. Ведь одна ночь — это так немного. Она хотела помолиться Исиде, чтобы та подсказала ей решение.

С тяжелым сердцем, полным недобрых предчувствий, я оставил Атму. Утром, едва закончилось раннее жертвоприношение, я поспешил к ее дому. Меня встретила испуганная рабыня.

— Госпожа больна, — сказала она, — очень больна.

Как безумный, я пробился сквозь толпу слуг и бросился через зал и коридор в комнату моей Атмы. Она лежала в беспамятстве на ложе с высоким изголовьем, лицо смертельно бледное, взор потух. На лбу виднелось темное пятно. Я знал этот проклятый знак: это был знак моровой язвы, собственноручная подпись смерти.

Нужно ли рассказывать вам о моем отчаянии? Много месяцев я был как безумный, лежал в жару, в бреду и все же не мог умереть. Ни один араб в пустыне не жаждал так свежей воды из родника, как я жаждал смерти. Если бы яд или сталь могли оборвать нить моей жизни, я скоро соединился бы с моей возлюбленной в стране с узкими воротами. Я делал все, чтобы умереть, но бесполезно: проклятое средство было сильнее меня. Однажды ночью, когда я, ослабевший и измученный, лежал без сна, ко мне вошел Пармс, жрец Тота. Он стоял, освещенный светильником, и глядел на меня. Глаза его сияли радостью.

— Почему ты дал девушке умереть? — спросил он. — Почему не дал ей сил, как мне?

— Я не успел, — ответил я. — Прости, я ведь забыл: ты также любил ее. Теперь мы с тобой товарищи по несчастью. Как ужасно думать, что должны пройти века, прежде чем мы снова увидим ее! Горе нам, безумцам, восстановившим против себя смерть!

— Да, ты вправе говорить так! — воскликнул с диким смехом Пармс. — Но говори о себе. Ко мне все это не имеет отношения.

— Что ты хочешь этим сказать? — воскликнул я, поднимаясь на локте. — Ах, понимаю, мой друг! Горе помутило твой рассудок!

Его лицо пылало от радости, он дергался и раскачивался как одержимый.

— Знаешь, куда я сейчас иду? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — не знаю.

— Я иду к ней, — сказал он. — Она лежит забальзамированная в могиле за городской стеной около двух пальм.

— Зачем же ты идешь туда? — спросил я.

— Чтобы умереть! — пронзительно закричал он. — Для того, чтобы умереть. Я больше не связан оковами жизни.

— Но ведь в твоей крови течет эликсир! — воскликнул я.

— Я избавился от него, — сказал он. — Я открыл более сильное средство, которое уничтожает действие твоего эликсира. В этот миг оно властно хозяйничает в моих жилах, и через час я умру и соединюсь с ней, а ты оставайся здесь!

Взглянув на него, я понял, что он говорит правду.

— Но ведь мне ты откроешь свой секрет?! — вскричал я.

— Никогда! — ответил он.

— Умоляю тебя во имя мудрости Тота!

— Твои мольбы бесполезны, — холодно проговорил он.

— Тогда я сам открою это средство! — закричал я.

— Тебе это не удастся, — ответил он. — Я открыл его совершенно случайно. В его составе компонент, которого тебе никогда не отыскать. Он в кольце Тота, больше его нет нигде.

— Кольцо Тота? — повторил я. — Где же оно, это кольцо?

— Этого ты никогда не узнаешь, — ответил он. — Ты завоевал ее любовь, но в конце концов кто же из нас выиграл? Продолжай свое жалкое земное существование. Мои оковы разбиты, я ухожу.

Он круто повернулся и исчез. Утром я узнал, что жрец Тота скончался.

Все последующие годы я отдал науке. Я должен был во что бы то ни стало отыскать этот удивительный яд, способный разрушить силу моего эликсира. С самого раннего утра и до полуночи я не отходил от реторт и горна. Я собирал все папирусы жреца Тота, все сосуды, которыми он пользовался, проводя свои опыты. Увы! Это ничего не дало мне. По временам какой-нибудь неясный намек в за-

писях Пармса пробуждал мои надежды, но вскоре они разлетались прахом. И все-таки я не складывал оружия. Когда мое сердце переполнялось отчаянием, я шел к могиле у двух пальм. Там, стоя у гробницы своей возлюбленной, я чувствовал ее присутствие и шептал ей, что, если только смертному суждено разрешить эту задачу, я разыщу яд и соединюсь с ней.

Пармс говорил мне, что его открытие было связано с кольцом Тота. Я помнил это кольцо. Оно было тяжелое, большое и сделано не из золота, а из более редкого и тяжелого металла, который добывали в рудниках горы Харбал. Вы называете его платиной. В кристалле кольца имелась — я это хорошо помнил — полость, и в ней вполне могли бы поместиться несколько капель жидкости. Тайна Пармса не могла быть связана только с металлом, потому что в храме было много колец из платины. Не следовало ли предположить, что драгоценный яд скрывается в полости кристалла? Я пришел к этому заключению еще до того, как наткнулся на запись Пармса, подтвердившую, что это действительно так. Более того, в записи было сказано, что в кольце еще осталась неиспользованная жидкость.

Но как же разыскать это кольцо? На теле Пармса, когда его бальзамировали, кольца не было. В этом я был уверен. Не было кольца и среди его вещей. Я тщетно обыскивал все помещения, в которых бывал Пармс, каждую его шкатулку, вазу. Я даже просеивал песок пустыни в тех местах, в которых он бывал, но, несмотря ни на что, я не мог найти и следов кольца Тота. Впрочем, возможно, что я все же и преодолел бы все трудности, если бы не новая беда.

Началась великая война с кочевниками. Полководцы солнцеподобного фараона были отрезаны в пустыне со всеми лучниками и всадниками. Кочевники обрушились на нас, как саранча в засушливый год. На всем протяжении от пустыни Шур до большого горького озера днем лилась кровь, а ночью пылали пожары. Аварис был оплотом Египта, но мы не смогли отогнать кочевников. Город пал. Правитель погиб, его воины были перебиты, а я и многие другие мои соплеменники попали в плен.

Долгие, долгие годы я пас стада на больших равнинах Евфрата. Умер мой хозяин, состарился его сын, а я был так же далек от смерти, как и раньше. Наконец мне удалось бежать, и я вернулся на родину. Кочевники поселились в побежденном Египте, и их вождь правил всей страной. Аварис был стерт с лица земли, а от великого храма не осталось ничего, кроме уродливого кургана. Могилы повсюду были разграблены, памятники разрушены. От гробницы моей Атмы не осталось и следа. Ее засыпали пески пустыни. Бесследно пропали и документы Пармса.

С того времени я потерял всякую надежду на то, что разыщу когда-нибудь кольцо Тота. Мне оставалось только терпеливо ждать, пока не прекратится действие эликсира. Вам не понять, какая это ужасная вещь — время, вам, чья короткая жизнь укладывается в короткий миг между колыбелью и могилой. Я изведal эту муку. Я был свидетелем всего потока истории. Я был стар, когда пала Троя, очень стар, когда Геродот прибыл в Мемфис. И теперь я все еще живу, по внешнему виду почти такой же, как все, с проклятым эликсиром в крови, который защищает меня от того, к чему я так стремлюсь. Но теперь уж конец близок.

Я много путешествовал, жил среди всех народов. Мне знакомы все языки — я изучил их, чтобы скоротать бесконечное время. Мимо меня медленно проходили и темные времена варварства, и мрачное средневековье, и долгий расцвет новой цивилизации. Я никогда не любил ни одной женщины. Атма знает, я всегда оставался верным ей.

У меня была привычка читать все, что пишут ученые о Древнем Египте. Мне приходилось жить по-разному, быть то богачом, то бедняком, но у меня всегда находились средства на покупку книг, которые имели касательство к таким вопросам. Девять месяцев назад я был в Сан-Франциско, когда прочитал статью о раскопках в окрестностях Авариса. У меня затрепетало сердце — ведь в статье говорилось, что один археолог занялся изучением недавно открытых гробниц. В одной из них была найдена нераспеленатая мумия. Надпись на гробнице гласила, что это тело дочери правителя города в дни Тутмоса. И еще в статье говорилось о

том, что в гробнице было обнаружено кольцо из платины с кристаллом; оно лежало на груди забальзамированной женщины. Так вот куда Пармс спрятал кольцо Тота!

В тот же день я покинул Сан-Франциско и через несколько недель снова был в Авари-се, если только кучи песка и обвалившиеся стены могут носить имя великого города. Я поспешил к французам, которые вели археологические работы, и стал наводить справки. Мне сказали, что и кольцо и мумия отосланы в Лувр. Я отправился туда и наконец здесь, в египетском зале, спустя тысячи лет, нашел останки моей Атмы и кольцо, которое я так долго разыскивал.

Но как добраться до него, как завладеть им? Случайно оказалась вакантной должность служителя. Я пошел к директору. Я хотел убедить его, что знаю Египет, и при этом наговорил много лишнего, так что директор сказал, что мне больше подходит звание профессора, чем место привратника, поскольку у меня больше знаний, чем у него самого. Только после того, как я нарочно допустил грубые ошибки в разговоре о Египте, я заставил его подумать, что он переоценил мои познания,

и добился разрешения перевезти в эту комнату те немногие вещи, которые у меня еще сохранились.

Вот и вся моя история, мистер Ванситтарт Смит. Случайно вы увидели сегодня лицо женщины, которую я любил в те далекие дни. Здесь, в музее, было много колец с кристаллами, и я был вынужден делать на них пробы, проверяя, платина ли это, чтобы быть уверенным, что в моих руках то самое кольцо, которое я искал. Один взгляд на кристалл убедил меня, что в нем еще достаточно жидкости и я смогу наконец избавиться от своего проклятого здоровья, которое для меня хуже, чем самая страшная болезнь. Больше мне нечего сказать. Я отвел душу в беседе с вами. Вот дверь. Она выходит на улицу Тиволи. Доброй ночи!

Перешагнув через порог, англичанин обернулся. Тощая фигура египтянина Сосры темным силуэтом рисовалась в узкой рамке дверей. Затем двери захлопнулись, и тяжелый скрежет засова нарушил тишину ночи.

...На второй день после возвращения в Лондон мистер Джон Ванситтарт Смит прочитал в «Таймсе» краткую корреспонденцию из Парижа: «Странный случай в Лувре. Вчера утром рабочие, которые пришли убирать главный египетский зал, нашли одного из музейных служащих мертвым на полу. Его руки крепко обнимали женскую мумию. В зале царил беспорядок. Витрина, в которой хранились ценные кольца, была открыта. Предполагают, что этот человек пытался унести мумию, чтобы продать ее какому-нибудь частному коллекционеру, но в момент кражи был сражен сердечным приступом. Покойный, как рассказывают, был человеком неопределенного возраста, с большими странностями. У него не оказалось родственников, которые могли бы оплакать эту безвременную и драматическую кончину».

Артур Конан Дойль

НОМЕР 249

(1892)

Вряд ли когда-нибудь удастся точно и окончательно установить, что именно произошло между Эдвардом Беллингемом и Уильямом Монкхаузом Ли и что так ужаснуло Аберкромба Смита. Правда, мы располагаем подробным и ясным рассказом самого Смита, и кое-что подтверждается свидетельствами слуги Томаса Стайлса и преподобного Пламтри Питерсона, члена совета Старейшего колледжа, а также других лиц, которым случайно довелось увидеть тот или иной эпизод из цепи этих невероятных происшествий. Главным образом, однако, надо полагаться на рассказ Смита, и большинство, несомненно, решит, что скорее уж в рассудке одного человека, пусть внешне и вполне здорового, могут происходить странные процессы и явления, чем допустит мысль, будто нечто совершенно выходящее за границы естественного могло иметь место в столь прославленном средоточии учености и просвещения, как Оксфордский университет. Но если вспомнить о том, как тесны и прихотливы эти границы естественного, о том, что, несмотря на все светильники науки, определить их можно лишь приблизительно и что во тьме, вплотную подступающей к этим границам, скрываются страшные неограниченные возможности, то остается признать, что лишь очень бесстрашный, уверенный в себе человек возьмет на себя смелость отрицать вероятность тех неведомых, окольных троп, по которым способен бродить человеческий дух.

В Оксфорде, в одном крыле колледжа, который мы условимся называть Старейшим, есть очень древняя угловая башня. Под бременем лет массивная арка над входной дверью заметно осела, а серые, покрытые пятнами лишайников каменные глыбы, густо оплетены и связаны между собой ветвями плюща — будто мать-природа решила укрепить камни на случай ветра и непогоды. За дверью начинается каменная винтовая лестница. На нее выходят две площадки, а третья завершает; ее ступени истерты и выщерблены ногами бесчисленных поколений искателей знаний. Жизнь, как вода, текла по ней вниз и, подобно воде, оставляла на своем пути эти впадины. От облаченных в длинные мантии, педантичных школяров времен Плантагенетов до молодых повес позднейших эпох — какой полнокровной, какой сильной была эта молодая струя английской жизни! И что же осталось от всех этих надежд, стремлений, пламенных желаний? Лишь кое-где на могильных плитах старого кладбища стершаяся надпись да еще, быть может, горстка праха в полусгнившем гробу. Но цела безмолвная лестница и мрачная старая стена, на которой еще можно различить переплетающиеся линии многочисленных геральдических эмблем — будто легли на стену гротескные тени давно минувших дней.

В мае 1884 года в башне жили три молодых человека. Каждый занимал две комнаты — спальню и гостиную, — выходившие на площадки старой лестницы. В одной из комнат полуподвального этажа хранился уголь, а в другой жил слуга Томас Стайлс, в обязанности которого входило прислуживать трем верхним жильцам. Слева и справа располагались аудитории и кабинеты профессоров, так что обитатели старой башни могли рассчитывать на известное уединение, и потому помещения в башне очень ценились наиболее усердными из старшекурсников. Такими и были все трое: Аберкромб Смит жил на самом верху, Эдвард Беллингем — под ним, а Уильям Монкхауз Ли — внизу.

Как-то в десять часов, в светлый весенний вечер, Аберкромб Смит сидел в кресле, положив на решетку камина ноги и покуривая трубку. По другую сторону камина в та-

ком же кресле и столь же удобно расположился старый школьный товарищ Смит Джеффо Хасти. Вечер молодые люди провели на реке и потому были в спортивных костюмах, но и, помимо этого, стоило взглянуть на их живые, энергичные лица, как становилось ясно, — оба много бывают на воздухе, их влечет и занимает все, что по плечу людям отважным и сильным. Хасти и в самом деле был загребным в команде своего колледжа, а Смит был гребцом еще более сильным, но тень приближающихся экзаменов уже легла на него, и сейчас он усердно занимался, уделяя спорту лишь несколько часов в неделю, необходимых для здоровья. Груды книг по медицине, разбросанные по столу кости, муляжи и анатомические таблицы объясняли, что именно и в каком объеме изучал Смит, а висевшие над каминной полкой учебные рапиры и боксерские перчатки намекали на способ, посредством которого Смит с помощью Хасти мог наиболее эффективно, тут же, на месте, заниматься спортом. Они были большими друзьями, настолько большими, что теперь сидели, погружившись в то блаженное молчание, которое знаменует вершину истинной дружбы.

— Налей себе виски, — сказал, наконец, попыхивая трубкой, Аберкромб Смит. — Шотландское в графине, а в бутылки — ирландское.

— Нет, благодарю. Я участвую в гонках. А когда тренируюсь, не пью. А ты?

— День и ночь занимаюсь. Пожалуй, обойдемся без виски.

Хасти кивнул, и оба умиротворенно умолкли.

— Кстати, Смит, — заговорил вскоре Хасти, — ты уже познакомился со своими соседями?

— При встрече киваем друг другу. И только.

— Хм. По-моему, лучше этим и ограничиться. Мне кое-что известно про них обоих. Не много, но и этого довольно. На твоём месте я бы не стал с ними близко сходитьсь. Правда, о Монкхаузе Ли ничего дурного сказать нельзя.

— Ты имеешь в виду худого?

— Именно. Он вполне джентльмен и человек порядочный. Но, познакомившись с ним, ты неизбежно познакомишься и с Беллингемом.

— Ты имеешь в виду толстяка?

— Да, его. А с таким субъектом я бы не стал знакомиться.

Аберкромб Смит удивленно поднял брови и посмотрел на друга.

— А что такое? — спросил он. — Пьет? Картежник? Наглец? Ты обычно не слишком придирчив.

— Сразу видно, что ты с ним незнаком, не то бы не спрашивал. Есть в нем что-то гнусное, змеиное. Я его не выношу. По-моему, он предается тайным порокам — зловещий человек. Хотя совсем не глуп. Говорят, в своей области он не имеет равных — такого знатока еще не бывало в колледже.

— Медицина или классическая филология?

— Восточные языки. Тут он сущий дьявол. Чиллингворт как-то встретил его на Ниле, у вторых порогов, Беллингем болтал с арабами так, словно родился среди них и вырос. С коптами он говорил по-коптски, с евреями — по-древнееврейски, с бедуинами — по-арабски, и они были готовы целовать край его плаща. Там еще не перевелись старики отшельники — сидят себе на скалах и терпеть не могут чужеземцев. Но, едва завидев Беллингема — он и двух слов сказать не успел, — они сразу же начинали ползать на брюхе. Чиллингворт говорит, что он в жизни не наблюдал ничего подобного. А Беллингем принимал все как должное, важно расхаживал среди этих бедняг и поучал их. Не дурно для студента нашего колледжа, а?

— А почему ты сказал, что нельзя познакомиться с Ли без того, чтобы не познакомиться с Беллингемом?

— Беллингем помолвлен с его сестрой Эвелиной. Прелестная девушка, Смит! Я хорошо знаю всю их семью. Тошно видеть рядом с ней это чудовище. Они всегда напоминают мне жабу и голубку.

Аберкромб Смит ухмыльнулся и выколотил трубку об решетку камина.

— Вот ты, старина, и выдал себя с головой. Какой ты жуткий ревнивец! Право же, только поэтому ты на него и злишься.

— Верно. Я знал ее еще ребенком, и мне горько видеть, как она рискует своим счастьем. А она рискует. Выглядит он мерзостно. И характер у него мерзкий, злобный. Помнишь его историю с Лонгом Нортон?

— Нет. Ты все забываешь, что я тут человек новый.

— Да-да, верно, это ведь случилось прошлой зимой. Ну так вот, знаешь тропу вдоль речки? Шли как-то по ней несколько студентов, Беллингом впереди всех, а навстречу им — старуха, рыночная торговка. Лил дождь, а тебе известно, во что превращаются там поля после ливня. Тропа шла между речкой и громадной лужей, почти с реку шириной. И эта свинья, продолжая идти посреди тропинки, столкнул старушку в грязь. Представляешь, во что превратилась она сама и весь ее товар? Такая это была мерзость, и Лонг Нортон, человек на редкость кроткий, откровенно высказал ему свое мнение. Слово за слово, а кончилось тем, что Нортон ударил Беллингема тростью. Скандал вышел грандиозный,

и теперь прямо смех берет, когда видишь, какие кровожадные взгляды бросает Беллингем на Нортон при встрече. Черт поberi, Смит, уже почти одиннадцать!

— Не спеши. Выкури еще трубку.

— Не могу. Я ведь тренируюсь. Мне бы давно надо спать, а я сижу тут у тебя и болтаю. Если можно, я позаимствую твой череп. Мой взял на месяц Уильямс. Я прихвачу и твои ушные кости, если они тебе на самом деле не нужны. Премного благодарен. Сумка мне не понадобится, прекрасно донесу все в руках. Спокойной ночи, сын мой, да не забывай, что я тебе сказал про соседа.

Когда Хасты, прихватив свою анатомическую добычу, сбежал по винтовой лестнице, Аберкромб Смит швырнул трубку в корзину для бумаг и, придвинув стул поближе к лампе, погрузился в толстый зеленый том, украшенный огромными цветными схемами таинственного царства наших внутренностей, которым каждый из нас тщетно пытается править. Хоть и новичок в Оксфорде, наш студент не был новичком в медицине — он уже четыре года занимался в Глазго и Берлине, и предстоящий экзамен обещал ему диплом врача.

Решительный рот, большой лоб, немного грубоватые черты лица говорили о том, что если владелец их и не наделен блестящими способностями, то его упорство, терпение и выносливость, возможно, позволят ему затмить таланты куда более яркие. Того, кто сумел поставить себя среди шотландцев и немцев, затереть не так-то просто. Смит хорошо зарекомендовал себя в Глазго и Берлине и решил упорным трудом создать себе такую же репутацию в Оксфорде.

Он читал почти час, и стрелки часов, громко тикавших на столике в углу, уже почти сошлись на двенадцати, когда до слуха Смита внезапно донесся резкий, пронзительный звук, словно кто-то в величайшем волнении, задохнувшись, со свистом втянул в себя воздух. Смит отложил книгу и прислушался. По сторонам и над ним никого не было, а

значит, помешавший ему звук мог раздаться только у нижнего соседа — у того самого, о котором так нелестно отзывался Хасти. Для Смита этот сосед был всего лишь обрюзгшим, молчаливым человеком с бледным лицом; правда, очень усердным: когда сам он уже гасил лампу, от лампы соседа продолжал падать из окна старой башни золотистый луч света. Эта общность поздних занятий походила на какую-то безмолвную связь. И глубокой ночью, когда уже близился рассвет, Смит было отрадно сознавать, что где-то рядом кто-то столь же мало дорожит сном, как и он. И даже сейчас, обратившись мыслями к соседу, Смит испытывал к нему добрые чувства. Хасти — человек хороший, но грубоватый, толстокожий, не наделенный чуткостью и воображением. Всякое отклонение от того, что казалось ему образцом мужественности, его раздражало. Для Хасти не существовали люди, к которым не подходили мерки, принятые в закрытых учебных заведениях. Как и многие здоровые люди, он был склонен видеть в телосложении человека признаки его характера и считать проявлением дурных наклонностей то, что на самом деле было просто недостаточно хорошим кровообращением. Смит, наделенный более острым умом, знал эту особенность своего друга и помнил о ней, когда обратился мыслями к человеку, проживавшему внизу.

Странный звук больше не повторялся, и Смит уже принялся было снова за работу, когда в ночной тишине раздался хриплый крик, вернее, вопль — зов до смерти испуганного, не владеющего собой человека. Смит вскочил на ноги и уронил книгу. Он был не робкого десятка, но в этом внезапном крике ужаса прозвучало такое, что кровь у него застыла в жилах и по спине побежали мурашки. Крик прозвучал в таком месте и в такой час, что на ум ему пришли тысячи самых невероятных предположений. Броситься вниз или же подождать? Как истый англичанин, Смит терпеть не мог оказываться в глупом положении, а соседа своего он знал так мало, что вмешаться в его дела было для него совсем не просто. Но пока он стоял в нерешительности, обдумывая, как поступить, на лестнице послышались торопли-

вые шаги, и Монкхауз Ли, в одном белье, бледный как полотно, вбежал в комнату.

— Бегите скорее вниз! — задыхаясь, крикнул он. — Беллингеми плохо.

Аберкромб Смит бросился следом за Ли по лестнице в гостиную, расположенную под его гостиной, однако как ни был он озабочен случившимся, переступив порог, он невольно с удивлением оглядел ее. Такой комнаты он еще никогда не видывал — она скорее напоминала музей. Стены и потолок ее сплошь покрывали сотни разнообразных диковинок из Египта и других восточных стран. Высокие угловатые фигуры с ношей или оружием в руках шествовали вокруг комнаты, напоминая нелепый фриз. Выше располагались изваяния с головой быка, аиста, кошки, совы и среди них, увенчанные змеями, владыки с миндалевидными глазами, а также странные, похожие на скарабеев божества, вырезанные из голубой египетской ляпис-лазури. Из каждой ниши, с каждой полки смотрели Гор, Изиды и Озирис, а под потолком, разинув пасть, висел в двойной петле истинный сын древнего Нила — громадный крокодил.

В центре этой необычайной комнаты стоял большой квадратный стол, заваленный бумагами, склянками и высушенными листьями какого-то красивого, похожего на пальму растения. Все это было сдвинуто в кучу, чтобы освободить место для деревянного футляра мумии, который отодвинули от стены — около нее было пустое пространство — и поставили на стол. Сама мумия — страшная, черная и высохшая, похожая на сучковатую обуглившуюся головешку, была наполовину вынута из футляра, напоминавшая птичью лапу рука лежала на столе. К футляру был прислонен древний, пожелтевший свиток папируса, и перед всем этим сидел в деревянном кресле хозяин комнаты. Голова его была откинута, полный ужаса взгляд широко открытых глаз прикован к висящему под потолком крокодилу, синие, толстые губы при каждом выдохе с шумом выпячивались.

— Боже мой! Он умирает! — в отчаянии крикнул Монкхауз Ли.

Ли был стройный, красивый юноша, темноглазый и смуглый, больше похожий на испанца, чем на англичанина, и присущая ему кельтская живость резко контрастировала с саксонской флегматичностью Аберкромба Смита.

— По-моему, это всего лишь обморок, — сказал студент-медик. — Помогите-ка мне. Беритесь за ноги. Теперь положим его на диван. Можете вы скинуть на пол все эти чертовы деревяшки? Ну и кавардак! Сейчас расстегнем ему воротник, дадим воды, и он очнется. Чем он тут занимался?

— Не знаю. Я услышал его крик. Прибежал к нему. Мы ведь близко знакомы. Очень любезно с вашей стороны, что вы спустились к нему.

— Сердце стучит, словно кастаньеты, — сказал Смит, положив руку на грудь Беллингема. — По-моему, что-то его до смерти напугало. Облейте его водой. Ну и лицо же у него!

И действительно, странное лицо Беллингема казалось необычайно отталкивающим, ибо цвет и черты его были совершенно противоестественными. Оно было белым, но то не была обычная при испуге бледность, нет, то была абсолютно бескровная белизна — как брюхо камбалы. Полное лицо это, казалось, было раньше еще полнее — сейчас кожа на нем обвисла складками, и его покрывала густая сеть морщин. Темные, короткие, непокорные волосы стояли дыбом, толстые морщинистые уши оттопыривались. Светлые серые глаза были открыты, зрачки расширены, в застывшем взгляде читался ужас. Смит смотрел, и ему казалось, что никогда еще на лице человека не проступали так явно признаки порочной натуры, и он уже более серьезно отнесся к предупреждению, полученному час назад от Хасти.

— Что же, черт побери, могло его так напугать? — спросил он.

— Мумия.

— Мумия? Как так?

— Не знаю. Она отвратительная, и в ней есть что-то жуткое. Хоть бы он с ней расстался! Уж второй раз пугает меня. Прошлой зимой случилось то же самое. Я застал его

в таком же состоянии — и тогда перед ним была эта мерзкая штука.

— Но зачем же ему эта мумия?

— Видите ли, он человек с причудами. Это его страсть. О таких вещах он в Англии знает больше всех. Да только, по-моему, лучше бы ему не знать! Ах, он, кажется, начинает приходить в себя!

На мертвенно бледных щеках Беллингема стали медленно проступать живые краски, и веки его дрогнули, как вздрагивает парус при первом порыве ветра. Он сжал и разжал кулаки, со свистом втянул сквозь зубы воздух, затем резко вскинул голову и уже осмысленно оглядел комнату. Когда взгляд его упал на мумию, он вскочил, схватил свиток папируса, сунул его в ящик стола, запер на ключ и, пошатываясь, побрел назад к дивану.

— Что случилось? Что вам тут надо?

— Ты кричал и поднял ужасный тарарам, — ответил Монкхауз Ли. — Если б не пришел наш верхний сосед, не знаю, что бы я один стал с тобой делать.

— Ах, так это Аберкромб Смит! — сказал Беллингем, глядя на Смита. — Очень любезно, что вы пришли. Какой же я дурак! О господи, какой дурак!

Он закрыл лицо руками и разразился истерическим смехом.

— Послушайте! Перестаньте! — закричал Смит, грубо тряся Беллингема за плечо. — Нервы у вас совсем распались, вы должны прекратить эти ночные развлечения с мумией, не то совсем рехнетесь. Вы и так уже на пределе.

— Интересно, — начал Беллингем, — сохранили бы вы на моем месте хоть столько хладнокровия, если бы...

— Что?

— Да так, ничего. Просто интересно, смогли бы вы без ущерба для своей нервной системы просидеть целую ночь наедине с мумией. Но вы, конечно, правы. Пожалуй, я действительно за последнее время подверг свои нервы слишком тяжким испытаниям. Но теперь уже все в порядке. Только не уходите. Побудьте здесь несколько минут, пока я совсем не приду в себя.

— В комнате очень душно, — заметил Ли и, распахнув окно, впустил свежий ночной воздух.

— Это бальзамическая смола, — сказал Беллингем.

Он взял со стола один из сухих листьев и подержал его над лампой, — лист затрещал, взвилось кольцо густого дыма, и комнату наполнил острый, едкий запах.

— Это священное растение — растение жрецов, — объяснил Беллингем. — Вы, Смит, хоть немного знакомы с восточными языками?

— Совсем не знаком. Ни слова не знаю.

Услыхав это, египтолог, казалось, почувствовал облегчение.

— Между прочим, — продолжал он, — после того как вы прибежали, сколько я еще пробыл в обмороке?

— Не долго. Минут пять.

— Я так и думал, что это не могло продолжаться слишком долго, — сказал Беллингем, глубоко вздохнув. — Какое странное явление — потеря сознания! Его нельзя измерить. Мои собственные ощущения не могут определить, длилось оно секунды или недели. Взять хотя бы господина, который лежит на столе. Умер он в эпоху одиннадцатой династии, веков сорок назад, но если бы к нему вернулся дар речи, он бы сказал нам, что закрыл глаза всего лишь миг назад. Мумия эта, Смит, необычайно хороша.

Смит подошел к столу и окинул темную скрюченную фигуру профессиональным взглядом. Черты лица, хоть и неприятно бесцветные, были безупречны, и два маленьких, напоминающих орехи глаза все еще прятались в темных провалах глазных впадин. Покрытая пятнами кожа туго обтягивала кости, и спутанные пряди жестких черных волос падали на уши. Два острых, как у крысы, зуба прикусили сморщившуюся нижнюю губу. Мумия словно вся подобралась — руки были согнуты, голова подалась вперед, во всей ее ужасной фигуре угадывалась скрытая сила — Сми-ту стало жутко. Были видны истончавшие, словно пергаментом покрытые ребра, ввалившийся, свинцово-серый живот с длинным разрезом — след бальзамирования, — но нижние конечности были спеленаты грубыми желтыми бинта-

ми. Тут и там на теле и внутри футляра лежали веточки мирра и кассии.

— Не знаю, как его зовут, — сказал Беллингем, проведя рукой по ссохшейся голове. — Видите ли, саркофаг с письменами утерян. Номер 249 — вот и весь его нынешний титул. Смотрите, вот он обозначен на футляре. Под таким номером он значился на аукционе, где я его приобрел.

— В свое время он был не из последнего десятка, — заметил Аберкромб Смит. — Он был великаном. В мумии шесть футов семь дюймов. Там он слыл великаном — ведь египтяне никогда не были особенно рослыми. А пощупайте эти крупные, шишковатые кости! С таким молодцом лучше было не связываться.

— Возможно, эти самые руки помогали укладывать камни в пирамиды, — предположил Монкхауз Ли, с отвращением рассматривая скрюченные пальцы, похожие на когти хищной птицы.

— Вряд ли, — ответил Беллингем. — Его погружали в раствор натронных солей и очень бережно за ним ухаживали. С простыми каменщиками так не обходились. Обыкновенная соль или асфальт были для них достаточно хороши. Подсчитано, что такие похороны стоили бы на наши деньги около семисот тридцати фунтов стерлингов. Наш друг по меньшей мере принадлежал к знати. А как по-вашему, Смит, что означает эта короткая надпись на его ноге у ступни?

— Я уже сказал вам, что не знаю восточных языков.

— Ах, да, верно. По-моему, тут обозначено имя того, кто бальзамировал труп. И, вероятно, это был очень добросовестный мастер. Много ли из того, что создано в наши дни, просуществует четыре тысячи лет?

Беллингем продолжал болтать быстро и непринужденно, но Аберкромб Смит ясно видел, что его все еще переполняет страх. Руки Беллингема тряслись, нижняя губа вздрагивала, и взгляд, куда бы он ни смотрел, опять обращался к его жуткому компаньону. Но, несмотря на страх, в тоне и поведении Беллингема сквозило торжество. Глаза египтолога сверкали, он бойко, непринужденно расхаживал по

комнате. Беллингом походил на человека, прошедшего сквозь тяжкое испытание, от которого он еще не совсем оправился, но которое помогло ему достичь поставленной цели.

— Неужели вы уходите? — воскликнул он, увидев, что Смит поднялся с дивана.

При мысли, что сейчас он останется один, к нему, казалось, вернулись все его страхи, и Беллингом протянул руку, словно хотел задержать Смита.

— Да, мне пора. Я должен еще поработать. Вы уже совсем оправились. Думаю, что с такой нервной системой вам бы лучше изучать что-нибудь не столь страшное.

— Ну, обычно я не теряю хладнокровия. Мне и раньше приходилось распеленывать мумии.

— В прошлый раз вы потеряли сознание, — заметил Монкхауз Ли.

— Да, верно. Надо заняться нервами — попринимать лекарства или подлечиться электричеством. Вы ведь не уходите, Ли?

— Я в вашем распоряжении, Нэд.

— Тогда я спущусь к вам и устроюсь у вас на диване. Спокойной ночи, Смит. Очень сожалею, что из-за моей глупости пришлось вас потревожить.

Они обменялись рукопожатием, и, поднимаясь по выщербленным ступеням винтовой лестницы, студент-медик услышал, как повернулся в двери ключ и его новые знакомые спустились этажом ниже.

Так необычно состоялось знакомство Эдварда Беллингема с Аберкромбом Смитом, и, по крайней мере, последний не имел желания его поддерживать. А Беллингом, казалось, напротив, проникся симпатией к своему резковатому соседу и проявлял ее в такой форме, что положить этому конец можно было, лишь прибегнув к откровенной грубости. Он дважды заходил к Смицу поблагодарить за оказанную помощь, а затем неоднократно заглядывал к нему, любезно предлагая книги, газеты и многое другое, чем могут поделиться холостяки-соседи. Смит вскоре обнаружил, что

Беллингем — человек очень эрудированный, с хорошим вкусом, весьма много читает и обладает феноменальной памятью. А приятные манеры и обходительность мало-помалу заставили Смита привыкнуть к его отталкивающей внешности. Для переутомленного занятиями студента он оказался прекрасным собеседником, и немного погодя Смит обнаружил, что уже предвкушает посещения соседа и сам наносит ответные визиты.

Но хотя Беллингем был, несомненно, умен, студент-медик замечал в нем что-то ненормальное: иногда он раздражался выпренными речами, которые совершенно не вязались с простотой его повседневной жизни.

— Как восхитительно, — восклицал он, — чувствовать, что можешь распоряжаться силами добра и зла, — быть ангелом милосердия или демоном отмщения!

А о Монкхаузе Ли он как-то заметил:

— Ли — хороший, честный, но в нем нет настоящего честолюбия. Он не способен стать сотоварищем человека предприимчивого и смелого. Он не способен стать мне достойным сотоварищем.

Выслушивая подобные намеки и иносказания, флегматичный Смит, невозмутимо попыхивая трубкой, только поднимал брови, качал головой и подавал незатейливые медицинские советы — пораньше ложиться спать и почаще бывать на свежем воздухе.

В последнее время у Беллингема появилась привычка, которая, как знал Смит, часто предвещает некоторое умственное расстройство. Он как будто все время разговаривал сам с собой. Поздно ночью, когда Беллингем уже не мог принимать гостей, до Смита доносился снизу его голос — негромкий, приглушенный монолог переходил иногда почти в шепот, но в ночной тишине он был отчетливо слышен.

Это бормотание отвлекало и раздражало студента, и он неоднократно высказывал соседу свое неудовольствие. Беллингем при этом обвинении краснел и сердито все отрицал; вообще же проявлял по этому поводу гораздо больше спокойствия, чем следовало.

Если бы у Смита возникли сомнения, ему не пришлось бы далеко ходить за подтверждением того, что слух его не обманывает. Том Стайлз, сморщенный старикашка, который с незапамятных времен прислуживал обитателям башни, был не менее серьезно обеспокоен этим обстоятельством.

— Прошу прощения, сэр, — начал он однажды утром, убирая верхние комнаты, — вам не кажется, что мистер Беллингем немного повредился?

— Повредился, Стайлз?

— Да, сэр. Головой повредился.

— С чего вы это взяли?

— Да как вам сказать, сэр. Последнее время он стал совсем другой. Не такой, как раньше, хоть он никогда и не был джентльменом в моем вкусе, как мистер Хастис или вы, сэр. Он до того пристрастился говорить сам с собой — прямо страх берет. Верно, это и вам мешает. Прямо не знаю, что и думать, сэр.

— Мне кажется, все это никак не должно касаться вас, Стайлз.

— Дело в том, что я здесь не совсем посторонний, мистер Смит. Может, я себе лишнее позволяю, да только я по-другому не могу. Иной раз мне кажется, что я своим молодым джентльменам и мать родная и отец. Случись что, да как понаедут родственники, я за все и в ответе. А о мистере Беллингеме, сэр, вот что хотелось бы мне знать: кто это расхаживает у него по комнате, когда самого его дома нет да и дверь снаружи заперта?

— Что? Вы говорите чепуху, Стайлз.

— Может, оно и чепуха, сэр. Да только я не один раз своими собственными ушами слышал шаги.

— Глупости, Стайлз.

— Как вам угодно, сэр. Коли понадобится вам — позвоните.

Аберкромб Смит не придавал значения болтовне старика слуги, но через несколько дней случилось маленькое происшествие, которое произвело на Смита неприятное впечатление и живо напомнило ему слова Стайлза.

Как-то поздно вечером Беллингем зашел к Смиту и развлекал его, рассказывая интереснейшие вещи о скальных гробницах в Бени-Гассане, в Верхнем Египте, как вдруг Смит, обладавший необычайно тонким слухом, отчетливо расслышал, что этажом ниже открылась дверь.

— Кто-то вошел или вышел из вашей комнаты, — заметил он.

Беллингем вскочил на ноги и секунду стоял в растерянности — он словно и не поверил Смиту, но в то же время испугался.

— Я уверен, что запер дверь. Я же наверняка ее запер, — запинаясь, пробормотал он. — Открыть ее никто не мог.

— Но я слышу, кто-то поднимается по лестнице, — продолжал Смит.

Беллингем поспешно выскочил из комнаты, с силой хлопнул дверь и кинулся вниз по лестнице. Смит услышал, что на полпути он остановился и как будто что-то зашептал. Минуту спустя внизу хлопнула дверь, и ключ скрипнул в замке, а Беллингем снова поднялся наверх и вошел к Смит. На бледном лице его выступили капли пота.

— Все в порядке, — сказал он, бросаясь в кресло. — Дуралей пес. Распахнул дверь. Не понимаю, как это я забыл ее запереть.

— А я не знал, что у вас есть собака, — произнес Смит, пристально глядя в лицо своему взволнованному собеседнику.

— Да, пес у меня недавно. Но надо от него избавиться. Слишком много хлопот.

— Да, конечно, раз вам приходится держать его взаперти. Я полагал, что достаточно только закрыть дверь, не запирая ее.

— Мне не хочется, чтобы старик Стайлз случайно выпустил собаку. Пес, знаете ли, породистый, и было бы глупо просто так его лишиться.

— Я тоже люблю собак, — сказал Смит, по-прежнему упорно искоса поглядывая на собеседника. — Может быть, вы разрешите мне взглянуть на вашего пса?

— Разумеется. Боюсь только, что не сегодня — мне предстоит еще деловое свидание. Ваши часы не спешат? Раз так, я уже на пятнадцать минут опоздал. Надеюсь, вы меня извините.

Беллингем взял шляпу и поспешно покинул комнату. Несмотря на деловое свидание, Смит услышал, что он вернулся к себе и заперся изнутри.

Разговор этот оставил у Смита неприятный осадок. Беллингем ему лгал, и лгал так грубо, словно находился в безвыходном положении и во что бы то ни стало должен был скрыть правду. Смит знал, что никакой собаки у соседа нет. Кроме того, он знал, что шаги, которые он слышал на лестнице, принадлежали не животному. В таком случае кто же это был? Старик Стайлз утверждал, что, когда Беллингема нет дома, кто-то расхаживает у него по комнате. Может быть, женщина? Это казалось всего вероятнее. Если бы об этом узнало университетское начальство, Беллингема с позором выгнали бы из университета, и, значит, его испуг и ложь вызваны именно этим. Но все-таки невероятно, чтобы студент мог спрятать у себя в комнатах женщину и избежать немедленного разоблачения. Однако, как ни объясняй, во всем этом было что-то неблагоприятное, и, принявшись снова за свои книги, Смит твердо решил: какие бы попытки к сближению ни предпринимал его сладкоречивый и неприятный сосед, он станет их решительно пресекать.

Но в этот вечер Смиту не суждено было спокойно поработать. Едва он восстановил в памяти то, на чем его прервали, как на лестнице послышались громкие, уверенные шаги — кто-то прыгал через три ступеньки, и в комнату вошел Хасти. Он был в свитере и спортивных брюках.

— Все занимаешься! — воскликнул он и бросился в свое любимое кресло. — Ну и любитель же ты корпеть над книгами! Случись у нас землетрясение и рассыпся до основания весь Оксфорд, ты бы, по-моему, преспокойно сидел себе среди руин, зарывшись в книги. Ладно уж, не стану тебе мешать. Разочек-другой затянусь да и побегу.

— Что новенького? — спросил Смит, уминая в трубке табак.

— Да ничего особенного. Уилсон, играя в команде первокурсников, сделал 70 против 11. Говорят, его поставят вместо Бедикомба, тот совсем выдохся. Когда-то он крепко бил мяч, но теперь может только перехватывать.

— Ну, это не совсем правильно, — отозвался Смит с той особой серьезностью, с какой университетские мужи науки обычно говорят о спорте.

— Слишком торопится — вырывается вперед. А с ударом запаздывает. Да, кстати, ты слышал про Нортонна?

— А что с ним?

— На него напали.

— Напали?

— Да. Как раз когда он сворачивал с Хай-стрит, в сотне шагов от ворот колледжа.

— Кто же?

— В этом-то и загвоздка! Было бы точнее, если б ты сказал не «кто», а «что». Нортон клянется, что это был не человек. И правда, судя по царапинам у него на горле, я готов с ним согласиться.

— Кто же тогда? Неужели мы докатились до привидений?

И, пыхнув трубкой, Аберкромб Смит выразил презрение ученого.

— Да нет, этого еще никто не предполагал. Я скорее думаю, что если бы недавно у какого-нибудь циркача пропала большая обезьяна и очутилась в наших краях, то присяжные сочли бы виновной ее. Видишь ли, Нортон каждый вечер проходил по этой дороге почти в одно и то же время. Над тротуаром в этом месте низко нависают ветви дерева — большого вяза, который растет в саду Райни. Нортон считает, что эта тварь свалилась на него именно с вяза. Но как бы то ни было, его чуть не задушили две руки, по словам Нортонна, сильные и тонкие, как стальные обручи. Он ничего не видел, кроме этих дьявольских рук, которые все крепче сжимали ему горло. Он завопил во всю мочь, и двое ребят подбежали к нему, а эта тварь, как кошка, перемах-

нула через забор. Нортону так и не удалось ее как следует разглядеть. Для Нортонa это было хорошенькой встряской. Вроде как побывал на курорте, сказал я ему.

— Скорее всего это вор-душитель, — заметил Смит.

— Вполне возможно. Нортон с этим не согласен, но его слова в расчет брать нельзя. У этого вора длинные ногти, и он очень ловко перемахнул через забор. Кстати, твой прекрасный сосед очень бы обрадовался, услышав обо всем этом. У него на Нортонa зуб, и, насколько мне известно, он не так-то легко забывает обиды. Но что тебя, старина, встревожило?

— Ничего, — коротко ответил Смит.

Он привскочил на стуле, и на лице его промелькнуло выражение, какое появляется у человека, когда его вдруг осеняет неприятная догадка.

— Вид у тебя такой, будто что-то сказанное мною задело тебя за живое. Между прочим, после моего последнего к тебе визита ты, кажется, познакомился с господином Б., не так ли? Молодой Монкхауз Ли что-то говорил мне об этом.

— Да, мы немного знакомы. Он несколько раз заходил ко мне.

— Ну, ты достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться. А знакомство с ним я не считаю подходящим, хотя он, несомненно, весьма умен и все такое прочее. Ну да ты скоро сам в этом убедишься. Ли — малый хороший и очень порядочный. Ну, прощай, старина. В среду гонки на приз ректора, я состязаюсь с Муллинсом, так что не забудь явиться, — возможно, до соревнований мы больше не увидимся.

Невозмутимый Смит отложил в сторону трубку и снова упрямо принялся за учебники. Однако вскоре понял, что никакое напряжение воли не поможет ему сосредоточиться на занятиях. Мысли сами собой обращались к тому, кто жил под ним, и к тайне, скрытой в его жилище. Потом они перескочили к необычайному нападению, о котором рассказал Хастис, и к обиде, которую Беллингом затаил на жертву этого нападения. Эти два обстоятельства упорно соеди-

нялись в сознании Смита, словно между ними существовала тесная внутренняя связь. И все же подозрение оставалось таким смутным и неясным, что его трудно было облечь в слова.

— Да будь он проклят! — воскликнул Смит, и брошенный им учебник патологии перелетел через всю комнату. — Испортил сегодня мне все вечерние занятия. Одного этого достаточно, чтобы больше не иметь с ним дела.

Следующие десять дней студент-медик был настолько поглощен своими занятиями, что ни разу не видел никого из своих нижних соседей и ничего про них не слышал. В те часы, когда Беллингом обычно приходил к нему, Смит закрывал обе двери, и, хотя не раз слышал стук в наружную дверь, он упорно не откликался. Однако как-то днем, когда он спускался по лестнице и проходил мимо квартиры Беллингема, дверь распахнулась, и из нее вышел молодой Монкхауз Ли — глаза его горели, смуглые щеки пылали гневным румянцем. По пятам за ним следовал Беллингом — его толстое, сероватое лицо искажала злоба.

— Глупец! — прошипел он. — Вы об этом еще пожалеете.

— Очень может быть! — крикнул в ответ Ли. — Запомните, что я сказал! Все кончено! И слышать ничего не хочу!

— Но вы дали мне слово.

— И сдержу его. Буду молчать. Только уж лучше видеть крошку Еву мертвой. Все кончено, раз и навсегда. Она поступит, как я ей велю. Мы больше не желаем вас видеть.

Все это Смит поневоле услышал, но поспешил вниз, не желая оказаться втянутым в спор. Ему стало ясно одно: между друзьями произошла серьезная ссора, и Ли намерен разрушить помолвку сестры с Беллингом. Смит вспомнил, как Хасти сравнивал их с жабой и голубкой, и обрадовался, что свадьбе не бывать. На лицо Беллингема, когда он разъярится, было не слишком приятно смотреть. Такому человеку нельзя доверить судьбу девушки.

Продолжая свой путь, Смит лениво раздумывал о том, что могло вызвать эту ссору и что за обещание дал Монк-

хауз Ли Беллингему, для которого так важно, чтобы оно не было нарушено.

В этот день Хасти и Муллиис должны были состязаться в гребле, и людской поток двигался к берегам реки. Майское солнце ярко светило, и желтую дорожку пересекали темные тени высоких вязов. Справа и слева в глубине стояли серые здания колледжей — старые, убеленные сединами обитатели знаний смотрели высокими стрельчатыми окнами на поток юной жизни, который так весело катился мимо них. Облаченные в черные мантии профессора, бледные от занятий ученые, чопорные деканы и проректоры, загорелые молодые спортсмены в соломенных шляпах и белых либо пестрых свитерах — все спешили к синей извилистой реке, которая протекает, петляя, по лугам Оксфорда.

Аберкромб Смит расположился в таком месте, где, как подсказывало ему чутье бывалого гребца, должна была произойти — если она вообще будет — решающая схватка. Он услышал вдалеке гул, означавший, что гонки начались; лодки приближались, и рев нарастал, потом раздался громовый топот ног и крики зрителей, расположившихся в своих лодках прямо под ним. Мимо Смита, тяжело дыша, сбросив куртки, промчалось несколько человек, и, вытянув шею, Смит разглядел за их спинами Хасти — он греб ровно и уверенно, а его частивший веслами противник отстал от него почти на длину лодки. Смит криком подбодрил друга, взглянул на часы и намеревался уже отправиться к себе, когда кто-то тронул его за плечо. Оглянувшись, он увидел, что рядом стоит Монкхауз Ли.

— Я заметил вас тут, — робко начал юноша. — И мне бы хотелось поговорить с вами, если вы можете уделить мне полчаса. Я живу вот в этом коттедже вместе с Харрингтоном из Королевского колледжа. Зайдите, пожалуйста, выпейте чашку чая.

— Мне пора возвращаться, — ответил Смит. — Я сейчас усиленно зубрю. Но с удовольствием зайду на несколько минут. Я бы и сюда не выбрался, но Хасти — мой друг.

— И мой тоже. Красиво гребет, правда? У Муллинса совсем не то. Зайдемте же. Дом немного тесноват, но в летние месяцы работать тут очень приятно.

Коттедж, стоявший ярдах в пятидесяти от берега реки, представлял собой небольшое белое квадратное здание с зелеными дверьми и ставнями; крыльцо украшала деревянная решетка. Самую просторную комнату кое-как приспособили под рабочий кабинет. Сосновый стол, деревянные некрашенные полки с книгами, на стенах несколько дешевых олеографий. На спиртовке пел, закипая, чайник, а на столе стоял поднос с чашками.

— Садитесь в это кресло и берите сигарету, — сказал Ли. — А я налью вам чаю. Я вам очень благодарен, что вы зашли, я знаю — у вас каждая минута на счету. Мне хотелось только сказать вам, что на вашем месте я бы немедленно переменил местожительство.

— Что такое?

Смит, с зажженной спичкой в одной руке и сигаретой в другой, изумленно уставился на Ли.

— Да, это, конечно, звучит очень странно, и хуже всего то, что я не могу объяснить вам, почему даю такой совет, — я связан обещанием и не могу его нарушить. Но все же я вправе предупредить вас, что жить рядом с таким человеком, как Беллингом, небезопасно. Сам я намерен пока пожить в этом коттедже.

— Небезопасно? Что вы имеете в виду?

— Вот этого я и не должен говорить. Но, прошу вас, послушайте меня, уезжайте из этих комнат. Сегодня мы окончательно рассорились. Вы в это время спускались по лестнице и, конечно, слышали.

— Я заметил, что разговор у вас был неприятный.

— Он негодяй, Смит. Иначе не скажешь. Кое-что я начал подозревать с того вечера, когда он упал в обморок, — помните, вы тогда еще спустились к нему? Сегодня я потребовал у него объяснений, и он рассказал мне такие вещи, что волосы у меня встали дыбом. Он хотел, чтобы я ему помог. Я не ханжа, но я все-таки сын священника, и я считаю, что есть пределы, которые преступать нельзя. Благола-

рю бога, что узнал его вовремя, — он ведь должен был с нами породниться.

— Все это превосходно, Ли, — резко заметил Аберкромб Смит. — Но только вы сказали или слишком много, или же слишком мало.

— Я предупредил вас.

— Раз для этого действительно есть основания, никакое обещание не может вас связывать. Если я вижу, что какой-то негодяй хочет взорвать динамитом дом, я стараюсь помешать ему, невзирая ни на какие обещания.

— Да, но я не могу ему помешать, я только могу предупредить вас.

— Не сказав, чего я должен опасаться.

— Беллингема.

— Но это же ребячество. Почему я должен бояться его или кого-либо другого?

— Этого я не могу объяснить. Могу только умолять вас уехать из этих комнат. Там вы в опасности. Я даже не утверждаю, что Беллингом захочет причинить вам вред, но это может случиться — сейчас его соседство опасно.

— Допустим, я знаю больше, чем вы думаете, — сказал Смит, многозначительно глядя в серьезное лицо юноши. — Допустим, я скажу вам, что у Беллингема кто-то живет.

Не в силах сдержать волнение, Монкхауз Ли вскочил со стула.

— Значит, вы знаете? — с трудом произнес он.

— Женщина.

Ли со стоном упал на стул.

— Я должен молчать. Должен.

— Во всяком случае, — сказал Смит, вставая, — вряд ли я позволю себя запугать и покину комнаты, в которых мне очень удобно. Вашего утверждения, что Беллингом может каким-то непостижимым образом причинить мне вред, еще недостаточно, чтобы куда-то переезжать. Я рискну остаться на старом месте, и, поскольку на часах уже почти пять, я, с вашего позволения, ухожу.

Смит коротко попрощался с молодым студентом и направился домой в теплых весенних сумерках, полусердясь,

полусмеясь — так бывает с волевыми здравомыслящими людьми, когда им грозят неведомой опасностью.

Как бы усердно Смит ни занимался, он неизменно позволял себе одну маленькую поблажку. Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, он непременно отправлялся пешком в Фарлингфорд, загородный дом доктора Пламптри Питерсона, расположенный в полутора милях от Оксфорда. Доктор Пламптри Питерсон был близким другом Фрэнсиса, старшего брата Аберкромба Смита. И поскольку у состоятельного холостяка Питерсона винный погреб был хорош, а библиотека — еще лучше, дом его являлся желанной целью для человека, нуждавшегося в освежающих прогулках. Таким образом, дважды в неделю студент-медик размашисто вышагивал по темным проселочным дорогам, а потом с наслаждением проводил часок в уютном кабинете Питерсона, рассказывая ему за стаканом старого портвейна университетские сплетни или обсуждая последние новинки медицины, и особенно хирургии.

На другой день после разговора с Монкхаузом Ли Смит захлопнул свои книги в четверть восьмого — в этот час он обычно отправлялся к своему другу. Когда он выходил из комнаты, ему случайно попала на глаза одна из книг Беллингема, и ему стало совестно, что он ее до сих пор не вернул. Как ни противен тебе человек, приличия соблюдать надо. Прихватив книгу, Смит спустился по лестнице и постучался к соседу. Ему никто не ответил, но, повернув ручку, он увидел, что дверь не заперта. Обрадовавшись, что можно избежать с Беллингемом встречи, Смит вошел в комнату и оставил на столе книгу и свою визитную карточку.

Лампа была прикручена, но Смит смог разглядеть все довольно хорошо. В комбате все было, как прежде: фриз, божества с головами животных, под потолком крокодил, на столе бумаги и сухие листья. Футляр мумии был прислонен к стене, но мумии в нем не оказалось. Не было заметно, чтобы в комнате жил кто-то еще, и, уходя, Смит подумал, что, вероятно, он был к Беллингему несправедлив. Скрывая тот какой-нибудь неблагоприятный секрет, вряд ли он оставил бы дверь незапертой.

На винтовой лестнице была тьма крошечная, и Смит осторожно спускался вниз, как вдруг почувствовал, что в темноте мимо него что-то проскользнуло. Чуть слышный звук, дуновение воздуха, прикосновение к локтю, но такое легкое, что оно могло просто почудиться. Смит замер и прислушался, но услышал только, как снаружи ветер шуршал листьями плюща.

— Это вы, Стайлз? — крикнул Смит.

Никакого ответа, и за спиной тишина. Он решил, что всему виной сквозняк — в старой башне полно трещин и щелей. И все же он был почти готов поклясться, что слышал совсем рядом шаги. Теряясь в догадках, Смит вышел во дворик. Навстречу по лужайке бежал какой-то человек.

— Это ты, Смит?

— Добрый вечер, Хасти!

— Ради бога, бежим скорее! Ли утонул. Мне сказал об этом Харрингтон из Королевского колледжа. Доктора нет дома. Ты можешь его заменить, только идем немедленно. Кажется, он еще жив.

— У тебя есть коньяк?

— Нет.

— Я прихвачу. Фляжка у меня на столе.

Смит бросился наверх, прыгая через три ступеньки, схватил фляжку и кинулся вниз, но, пробегая мимо двери Беллингема, увидел нечто такое, от чего дыхание у него перехватило, и он остановился, растерянно глядя перед собой.

Дверь, которую он закрыл, сейчас была распахнута, и прямо перед ним, освещенный лампой, стоял футляр. Три минуты назад он был пуст. Смит мог в этом поклясться. А сейчас в нем находилось тощее тело его страшного обитателя — он стоял мрачный и застывший, обратив темное, ссохшееся лицо к двери. Безжизненная, безучастная фигура, но Смит почудился в ней злоедающий отзвук одушевленности: искра сознания в маленьких глазах, прятая в глубоких впадинах. Смита это настолько потрясло, что он совсем забыл, куда и зачем направлялся, и все смотрел на тощую, высохшую фигуру, пока его не заставил опомниться голос Хасти.

— Спускайся же, Смит! — кричал Хасти. — Ведь дело идет о жизни и смерти. Скорей! Ну, а теперь, — добавил он, когда студент-медик наконец появился в дверях, — побежали. Надо за пять минут пробежать почти милю. Жизнь человека — большая награда, чем кубок.

Плечо к плечу мчались друзья сквозь темноту, пока, задышавшись и совсем без сил, не достигли маленького коттеджа у реки. На диване, весь мокрый, как сорванные водоросли, лежал Ли; к темным волосам его пристала зеленая тина, на свинцовых губах выступила полоска белой пены. Харрингтон — студент, с которым Ли жил в коттедже, — стоя возле него на коленях, растирал его окостеневшие руки, стараясь их согреть.

— По-моему, он еще жив, — сказал Смит, положив руку на грудь юноши. — Приложите к его губам ваши часы. Да, стекло помутнело. Берись, Хасти, за эту руку. Делай то же, что и я, и мы его скоро приведем в чувство.

Минут десять они работали молча, подымая и сдавливая грудь лежавшего в беспамятстве Ли. Наконец по телу его пробежала дрожь, губы шевельнулись, и Ли открыл глаза. Три студента невольно вскрикнули от радости.

— Очнись же, старина. Ну и напугал ты нас.

— Хлебните коньяку. Прямо из фляжки.

— Теперь он пришел в себя, — сказал Харрингтон, сосед пострадавшего. — Господи, до чего же я испугался! Я сидел тут и читал, а он отправился прогуляться до реки, как вдруг я услышал вопль и всплеск. Я бросился туда, но, пока разыскал его и вытащил, в нем не осталось никаких признаков жизни. Симпсон не мог пойти за доктором — он же калека, пришлось мне бежать. Просто не знаю, что бы я без вас стал делать. Правильно, старина. Попробуй сесть.

Монкхауз Ли приподнялся на локтях и дико озирался по сторонам.

— Что случилось? — спросил он. — Я весь мокрый. Ах да, вспомнил!

В глазах его мелькнул страх, и он закрыл лицо руками.

— Как же ты свалился в реку?

— Я не свалился.

— А что же случилось?

— Меня столкнули. Я стоял на берегу, что-то подхватило меня сзади, как перышко, и швырнуло вниз. Я ничего не слышал и не видел. Но я знаю, что это было.

— И я тоже, — прошептал Смит.

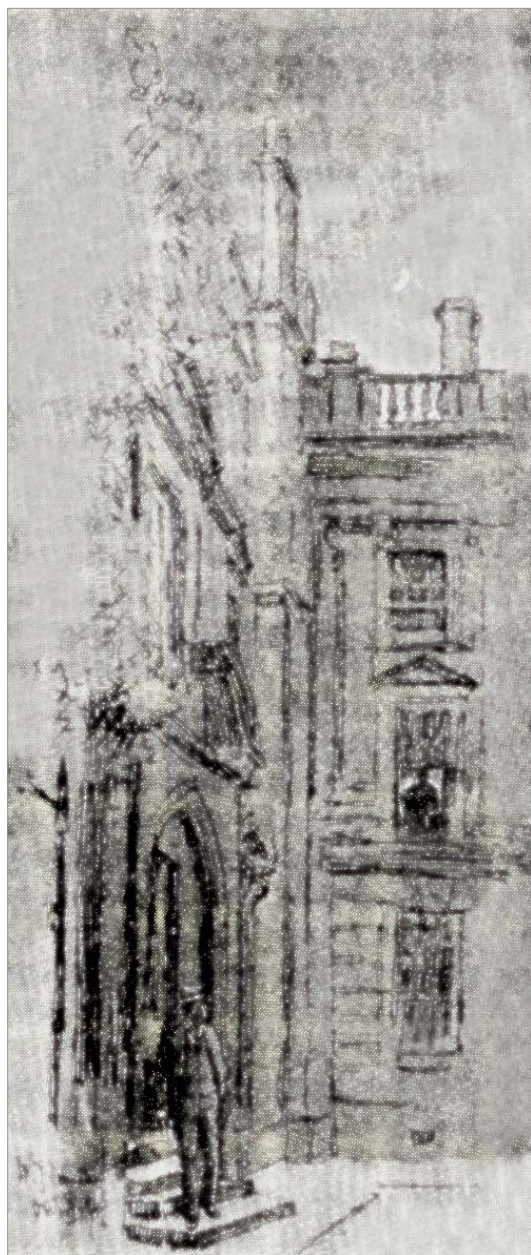
Ли взглянул на него с удивлением.

— Значит, вы узнали? Помните мой совет?

— Да, и я, пожалуй, ему последую.

— Не знаю, о чем, черт возьми, вы толкуете, — сказал Хасти, — но на вашем месте, Харрингтон, я бы немедленно уложил Ли в постель. Еще будет время обсудить, отчего и как все произошло, когда он немного окрепнет. По-моему, Смит мы с вами можем теперь оставить их одних. Я возвращаюсь в колледж, если нам по пути — поболтаем дорогой.

Но на обратном пути они почти не разговаривали. Мысли Смита были заняты событиями этого вечера: исчезновение мумии из комнаты соседа, шаги, прошелестевшие мимо него на лестнице, и появление мумии в футляре — удивительное, уму непостижимое появление в нем ужасной твари, — а потом это нападение на Ли, точно повторившее нападение на другого человека, к которому Беллингеми питал вражду. Все это соединялось в голове Смита, сплетаясь в единое целое, и подтверждалось разными мелочами, которые вызвали у него неприязнь к соседу, а также необычайные обстоятельства его первого визита к Беллингеми. То, что прежде было лишь неясным подозрением, смутной, фантастической догадкой, внезапно приняло ясные очертания и четко выступило в его сознании как факт, отрицать который невозможно. И все же это было чудовищно! Невероятно! И недоступно пониманию! Любой беспристрастный судья, даже его друг, тот, что шагает сейчас с ним рядом, просто-напросто сказал бы, что его обмануло зрение, что мумия все время была на своем месте, что Ли свалился в реку, как может свалиться в нее любой человек, и что при больной печени лучше всего принимать синие пилюли. Окажись на его месте кто-то другой, то же самое сказал бы он сам. И все-таки он готов был покляс-

ться, что Беллинге́м в душе убийца и в руках у него такое оружие, каким за всю мрачную историю человеческих преступлений никто никогда не пользовался.

Хасты направился к себе, весьма откровенно и едко посмеявшись над неразговорчивостью своего друга; что касается Аберкромба Смита, то он пересек внутренний дворик и направился к угловой башне, испытывая большое отвращение к своему обиталищу и всему, что с ним связано. Он решил последовать совету Ли и как можно скорее перебраться из этих комнат в другое место — разве возможно заниматься, все время прислушиваясь к бормотанию и шагам под тобой? Пересекая лужайку, он заметил, что в окне у Беллинге́ма все еще горит свет, а когда он проходил по лестничной площадке, дверь отворилась и из нее выглянул сам Беллинге́м. Пухлое злоеущее лицо его напоминало раздувшегося паука, только что соткавшего свою губительную сеть.

— Добрый вечер, — сказал он. — Не зайдете ли?

— Нет! — свирепо отрезал Смит.

— Нет? Вы, как всегда, заняты? Мне хотелось расспросить вас о Ли. К сожалению, с ним, кажется, что-то случилось.

Лицо Беллинге́ма было серьезно, но, когда он заговорил, в глазах его мелькнула скрытая усмешка, и Смит, заметив это, едва не набросился на лингвиста с кулаками.

— Вы будете еще больше сожалеть, узнав, что Ли вполне здоров и находится вне опасности, — сказал он. — На сей раз ваша дьявольская проделка сорвалась. Не пытайтесь отпираться. Мне все известно.

Беллинге́м попятился от разгневанного студента и, словно обороняясь, немного притворил дверь.

— Вы с ума сошли! О чем вы говорите? Или вы утверждаете, будто я имею какое-то отношение к тому, что случилось с Ли?

— Да, — загремел Смит. — Вы и этот мешок с костями, что у вас за спиной. Вы действуете заодно. И вот что, мистер Беллинге́м: таких, как вы, теперь не сжигают на кострах, но у нас еще есть палач! И, черт побери, если, пока вы

тут, в колледже умрет хоть один человек, я выведу вас на чистую воду, и коли вас не вздернут, то уж никак не по моей вине. И вы убедитесь, что в Англии ваши мерзкие египетские штучки не пройдут.

— Да вы буйнопомешанный, — сказал Беллингем.

— Пусть так. Только хорошенько запомните мои слова, вы еще убедитесь, что я не бросаю их на ветер.

Дверь захлопнулась. Смит, пылая гневом, поднялся к себе, заперся и полночи курил трубку, раздумывая над всем, что случилось в этот вечер.

На другое утро Беллингема не было слышно, а днем зашел Харрингтон и сообщил Смигу, что Ли уже почти совсем оправился. Весь день Смит усердно занимался, однако вечером решил все-таки навестить своего друга доктора Питерсона, к которому он отправился, да так и не добрался накануне вечером.

Он решил, что хорошая прогулка и дружеская беседа успокоят его взвинченные нервы.

Когда Смит проходил мимо двери Беллингема, она была закрыта, но, отойдя на некоторое расстояние от башни, студент оглянулся и увидел в окне силуэт соседа: свет лампы, по-видимому, падал на него сзади, он всматривался в темноту, прижимаясь к стеклу лицом. Обрадовавшись, что сможет хоть несколько часов побыть вдали от Беллингема, Смит бодро зашагал по дороге, с наслаждением вдыхая ласковый весенний воздух. На западе между двух готических башенок виднелся серп месяца, и ажурная тень их ложилась на посеребренные плиты улицы. Дул свежий ветерок, легкие кудрявые облачка быстро бежали по небу. Колледж находился на окраине городка, и уже через пять минут Смит, оставив позади дома, оказался на одной из дорог Оксфорда, обсаженной цветущими, благоухающими кустами.

По уединенной дороге, которая вела к дому его друга, редко кто ходил, и, хотя было еще совсем рано, Смит никого не встретил. Он быстро дошел до ворот Фарлингфорда, за которым начиналась длинная, посыпанная гравием аллея. Впереди сквозь листву приветливо мигали в окнах оранжевые огоньки. Взявшись за железную щеколду ка-

литки, Смит оглянулся на дорогу, по которой пришел. По ней что-то быстро приближалось.

Оно двигалось в тени кустов, бесшумно крадучись, — темная пригнувшаяся фигура, с трудом различимая на темном фоне. Она приближалась с удивительной быстротой. В темноте Смит разглядел только тощую шею да два глаза, которые до конца дней будут преследовать его в кошмарных снах. Смит повернулся и, вскрикнув от ужаса, бросился бежать что было сил. До оранжевых окон, означавших для него спасение, было рукой подать. Смит слыл хорошим бегуном, но так, как в эту ночь, он еще никогда не бежал.

Тяжелая калитка захлопнулась за ним, но он услышал, как она тотчас распахнулась перед его преследователем. Обезумев, он мчался сквозь тьму, слыша за собой drobный топот, и, оглянувшись, увидел, что это жуткое видение настигает его огромными прыжками, сверкая глазами, вытянув вперед костлявую руку. Слава богу, дверь была распахнута настежь. Смит увидел узкую полоску света горевшей в передней лампы. Но топот раздавался уже совсем рядом, и у самого уха Смит услышал хриплое клокотание. Он с воплем влетел в дверь, захлопнул ее, запер за собой и, теряя сознание, упал на стул.

— Господи, Смит, что случилось? — спросил Питерсон, появляясь в дверях кабинета.

— Дайте мне глоток коньяку!

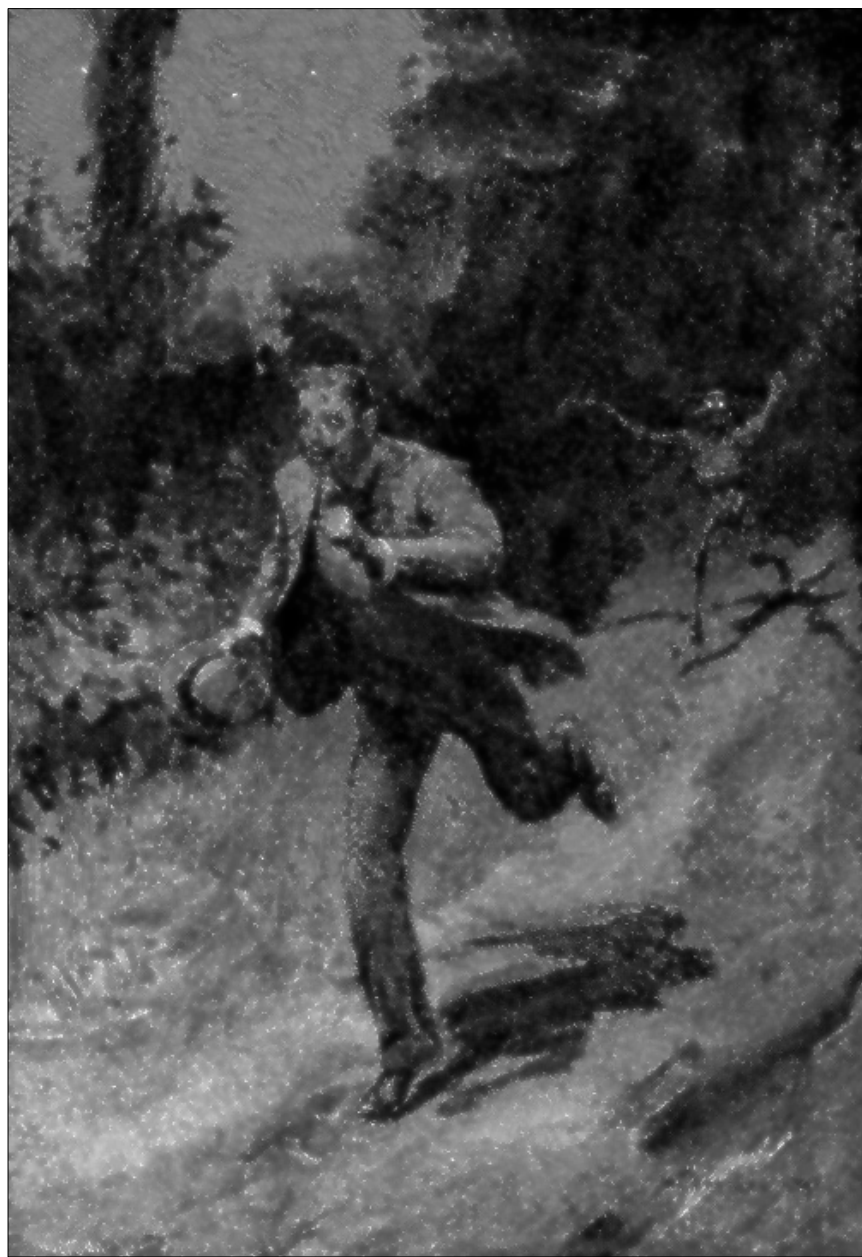
Питерсон исчез и появился снова, уже с графином и рюмкой.

— Вам это необходимо, — сказал он, когда его гость выпил коньяк. — Да вы белый как мел.

Смит отставил рюмку, поднялся на ноги и перевел дух.

— Теперь я взял себя в руки, — сказал он. — Впервые в жизни я потерял над собой контроль. Все же, Питерсон, если позволите, я заночую сегодня у вас: я не уверен, что найду в себе силы пройти по этой дороге иначе, как днем. Я знаю, что это — малодушие, но ничего не могу поделать.

Питерсон с великим изумлением посмотрел на своего гостя.

— Конечно, вы заночуете у меня. Я велю миссис Берни постелить вам. Куда это вы собрались?

— Подойдемте к окну, из которого видна входная дверь. Мне хочется, чтобы вы увидели то, что видел я.

Они поднялись на второй этаж и подошли к окну, откуда были видны все подступы к дому. Подъездная аллея и окрестные поля, полные тишины и покоя, мирно купались в лунном сиянии.

— Право же, Смит, — начал Питерсон, — если бы я не знал вас как человека воздержанного, то я подумал бы бог знает что. Что же могло вас так напугать?

— Сейчас расскажу. Но куда же оно могло деться? А, вон! Смотрите же! Где дорога сворачивает, сразу за вашими воротами.

— Да-да, вижу. Незачем щипать меня за руку. Я видел, кто-то прошел. По-моему, человек довольно худой и высокий, очень высокий. Но при чем тут он? И что с вами? Вы все еще дрожите как осиновый лист.

— Просто дьявол чуть было не схватил меня за горло. Но вернемся в ваш кабинет, и я все вам расскажу.

Так он и сделал. Приветливо светила лампа, рядом на столе стояла рюмка с вином, и, глядя на дородную фигуру и румяное лицо своего друга, Смит рассказал по порядку обо всех событиях — важных и незначительных, которые сложились в столь странную цепь, начиная с той ночи, когда он увидел потерявшего сознание Беллингема перед футляром с мумией, и кончая кошмаром, который пережил всего час назад.

— Такого это гнусное дело, — заключил Смит. — Чудовищно, невероятно, но это чистая правда.

Доктор Пламтри Питерсон некоторое время молчал; на лице его читалось величайшее недоумение.

— В жизни моей не слыхал ничего подобного! — наконец произнес он. — Вы изложили мне факты, а теперь поделитесь своими выводами.

— Вы можете сделать их сами.

— Но мне хочется послушать ваши. Вы же обдумывали все это, а я нет.

— Кое-какие частности остаются загадкой, но главное, мне кажется, вполне ясно. Изучая Восток, Беллингем овладел каким-то дьявольским секретом, благодаря которому возможно на время оживлять мумии или, может быть, только эту мумию. Такую мерзость он и пытался проделать в тот вечер, когда потерял сознание. Вид ожившей твари, конечно, его потряс, хотя он этого и ждал. Если помните, очнувшись, он тут же назвал себя дураком. Постепенно он стал менее чувствительным и, проделывая эту штуку, уже не падал в обморок. Беллингем, очевидно, мог оживлять ее только на недолгий срок — ведь я часто видел мумию в футляре, и она была мертвее мертвого. Думаю, что ее оживление — процесс весьма сложный. Добившись этого, Беллингем, естественно, захотел использовать мумию в своих целях. Она обладает разумом и силой. Из каких-то соображений Беллингем посвятил в свою тайну Ли, но тот, как добрый христианин, не захотел участвовать в таком деле. Они поссорились, и Ли поклялся, что откроет сестре истинный характер Беллингема. Беллингем стремился этому помешать, что ему чуть было не удалось, когда он выпустил по следам Ли свою тварь. До того он уже испробовал силу мумии на другом человеке — на ненавистном ему Нордоне. И только по чистой случайности у него на совести нет двух убийств. Когда же я обвинил его в этом, у него появились серьезные причины убрать меня с дороги, прежде чем я расскажу обо всем кому-либо еще. Случай представился, когда я вышел из дому, — ведь он знал мои привычки, знал, куда я направлялся. Я был на волосок от гибели, Питерсон, лишь по счастливой случайности вам не пришлось обнаружить утром труп на своем крыльце. Я человек не слабонервный и никогда не думал, что мне придется испытать такой смертельный страх, как сегодня.

— Мой милый, вы слишком сгущаете краски, — сказал Питерсон. — От чрезмерных занятий нервы у вас расшатались. Да как же может такое чудовище разгуливать по улицам Оксфорда, пусть даже ночью, и остаться незамеченным?

— Его видели. Жители города напуганы, ходят слухи о сбежавшей горилле. Все только об этом и говорят.

— Действительно, стечение обстоятельств удивительное. И все же, мой милый, вы должны согласиться, что сам по себе каждый из этих случаев можно объяснить гораздо естественнее.

— Как? Даже то, что случилось со мной сегодня?

— Несомненно. Когда вы вышли из дому, нервы у вас были напряжены до предела, а голова забита этими вашими теориями. За вами стал красться какой-то изможденный, изголодавшийся бродяга. Увидав, что вы кинулись бежать, он осмелел и бросился за вами. Остальное сделали ваш испуг и ваше воображение.

— Нет, Питерсон, это не так.

— Что же касается случая, когда вы обнаружили, что мумии в футляре нет, а через несколько минут увидели ее там, то ведь был вечер, лампа горела слабо, а у вас не было особых причин рассматривать футляр. Весьма вероятно, что в первый раз вы эту мумию просто не разглядели.

— Нет, это исключено.

— И Ли мог просто упасть в реку, а Нортон попытался задушить грабителя. Обвинения ваши против Беллингема, конечно, серьезны, но, если вы заявите в полицию, над вами просто посмеются.

— Я знаю. Потому я и хочу заняться этим сам.

— Каким образом?

— На мне лежит долг перед обществом, и, кроме того, мне надо позаботиться о собственной безопасности, если я не желаю, чтобы этот негодяй выжил меня из колледжа. А этого я не допущу. Я твердо решил, что должен делать. И прежде всего разрешите мне воспользоваться вашими письменными принадлежностями.

— Разумеется. Вы все найдете на том вон столике.

Аберкромб Смит уселся перед стопкой чистых листов, и целых два часа перо его скользило по бумаге. Одна заполненная страница за другой отлетала в сторону, а друг Смита, удобно расположившись в кресле, терпеливо, с неслабевающим интересом наблюдал за ним. Наконец с воз-

гласом удовлетворения Смит вскочил на ноги, сложил листы по порядку, а последний положил на рабочий стол Питерсона.

— Будьте любезны, подпишитесь вот тут как свидетель, — сказал он.

— А что я должен засвидетельствовать?

— Мою подпись и число. Дата очень важна. От этого, Питерсон, может зависеть моя жизнь.

— Дорогой мой Смит, вы говорите чепуху. Убедительно прошу вас: ложитесь в постель.

— Напротив, никогда в жизни не взвешивал я так тщательно своих слов. И обещаю вам: как только вы подпишете, я сразу же лягу.

— Но что здесь написано?

— Я изложил тут все, что рассказал вам сегодня. И хочу, чтобы вы это засвидетельствовали.

— Непременно, — сказал Питерсон и поставил свою подпись под подписью Смита. — Ну вот! Только зачем это?

— Пожалуйста, сохраните запись, чтобы предъявить, если меня арестуют.

— Арестуют? За что?

— За убийство. Это очень вероятно. Я хочу быть готовым ко всему. Мне остается только один выход, и я намерен им воспользоваться.

— Бога ради, не предпринимайте неразумных шагов!

— Поверьте мне, неразумно было бы отказаться от моего плана. Надеюсь, вас беспокоить не придется, но я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у вас в руках есть объяснение моих действий. А теперь я готов последовать вашему совету и лечь, — завтра мне понадобятся все мои силы.

Иметь Аберкромба Смита врагом было не слишком-то приятно. Обычно неторопливый и покладистый, он становился грозен, когда его вынуждали к действию. Любую в жизни цель он преследовал с тем же расчетливым упорством, с каким изучал науки. В этот день он пожертвовал занятиями, но не собирался тратить его попусту. Он ни слова

не сказал Питерсону о своих планах, но в девять утра уже шагал в Оксфорд.

На Хай-стрит он зашел к оружейнику Клиффорду, купил у него крупнокалиберный револьвер и коробку патронов к нему. Заложив в барабан все шесть патронов, он взвел предохранитель и положил оружие в карман пиджака. Затем направился к жилищу Хасти и застал великого гребца за завтраком; к кофейнику был прислонен «Спортивный вестник».

— А, здравствуй! Что стряслось? — воскликнул Хасти. — Хочешь кофе?

— Нет, благодарю. Надо, Хасти, чтобы ты пошел со мной и сделал то, что я попрошу.

— Конечно, дружище.

— И прихвати с собой трость потяжелее.

— Так! — Хасти огляделся. — Вот этим охотничьим хлыстом можно быка свалить.

— И еще одно. У тебя есть набор ланцетов. Дай мне самый длинный.

— Вот, бери. Ты как будто вышел на тропу войны. Еще что-нибудь?

— Нет, этого достаточно. — Смит сунул во внутренний карман ланцет и первым вышел во двор. — Мы с тобой, Хасти, не трусы, — сказал он. — Думаю, что справлюсь один, а тебя пригласил из предосторожности. Мне надо потолковать кое о чем с Беллингемом. Если придется иметь дело с ним одним, ты мне, конечно, не понадобишься. Но если же я крикну, являйся немедленно и бей что есть силы. Ты все понял?

— Да. Как услышу твой крик, сразу прибегу.

— Ну так подожди тут. Возможно, я задержусь, но ты никуда не уходи.

— Стою как вкопанный.

Смит поднялся по лестнице, открыл дверь Беллингема и вошел внутрь. Беллингем сидел за столом и писал. Рядом с ним среди хаоса всяких диковинных вещей высился футляр — к нему по-прежнему был прикреплен номер 249, под которым продавалась мумия, и его страшный обитатель

находился внутри, застывший и неподвижный. Смит не спеша огляделся, закрыл дверь, запер ее, вынул ключ, затем подошел к камину, чиркнул спичкой и разжег огонь. Беллингом с изумлением следил за ним, и его одутловатое лицо исказилось от гнева.

— Вы хозяйничаете, как у себя дома, — задыхаясь, сказал он.

Смит неторопливо уселся, положил на стол перед собой часы, вынул пистолет, взвел курок и положил оружие на колени. Потом вытащил из-за пазухи длинный ланцет и бросил его Беллингему.

— Ну, — сказал Смит, — беритесь за работу. Разрежьте на куски эту мумию.

— А, так вот в чем дело? — с насмешкой спросил Беллингом.

— Да, вот в чем дело. Мне объяснили, что уголовные законы тут бессильны. Но у меня в руках закон, который все быстро уладит. Если через пять минут вы не приступите к делу, клянусь создателем, я продырявлю вам череп.

— Вы намерены убить меня? — Беллингом привстал, его лицо стало серым, как замазка.

— Да.

— За что?

— Чтобы прекратить ваши злодеяния. Одна минута прошла.

— Но что я сделал?

— Я знаю, что, и вы знаете.

— Это насилие.

— Прошло две минуты.

— Но вы должны объяснить мне. Вы сумасшедший, опасный сумасшедший. Почему я должен уничтожить свою собственность? Мумия эта очень ценная.

— Вы должны разрезать ее и сжечь.

— Я не сделаю ни того, ни другого.

— Прошло четыре минуты.

Смит с неумолимым видом взял пистолет и посмотрел на Беллингема. Секундная стрелка двигалась по кругу, он поднял руку и положил палец на спусковой крючок.

— Пойдите! Пойдите! Я все сделаю! — взвизгнул Беллингем.

Он торопливо взял ланцет и принялся кромать мумию, то и дело оглядываясь и каждый раз убеждаясь, что взгляд и оружие его грозного гостя устремлены на него. Под ударами острого лезвия мумия трещала и хрустела. Над ней поднималась густая желтая пыль. Высохшие благовония и всякие снадобья сыпались на пол. Вдруг, захрустев, сломался позвоночник, и темная грудa рухнула на пол.

— А теперь — в огонь! — приказал Смит.

Пламя взметнулось и загудело, пожирая сухие горючие обломки. Небольшая комната напоминала кочегарку пархода, и по лицам обоих мужчин струился пот; но один, согнувшись, продолжал трудиться, а другой, с каменным лицом, по-прежнему не спускал с него глаз. От огня поднимался густой темный дым, едкий запах горячей смолы и паленых волос пропитал воздух. Через четверть часа от номера 249 осталось лишь несколько обуглившихся, хрупких головешек.

— Ну, теперь вы довольны, — прошипел Беллингем, оглянувшись на своего мучителя. Его серые глазки были полны страха и ненависти.

— Нет, я намерен уничтожить все ваши материалы. Чтобы в будущем не случилось никаких дьявольских штук. В огонь эти листья! Они, конечно, имеют к этому отношение.

— Что теперь? — спросил Беллингем, когда и листья последовали за мумией в пламя.

— Теперь свиток папируса, который лежал в тот вечер у вас на столе. По-моему, он вон в том ящике.

— Нет! — завопил Беллингем. — Не сжигайте его! Вы же не понимаете, что делаете. Это редчайший папирус. В нем заключена мудрость, которую больше нигде нельзя найти.

— Доставайте его!

— Но послушайте, Смит, вы же не можете всерьез этого требовать. Всем, что знаю, я поделюсь с вами. Я научу вас

тому, о чем сказано в папирусе. Дайте мне хоть снять копию, прежде чем вы его сожжете.

Смит подошел к ящику стола и повернул ключ. Взяв желтый свиток папируса, он бросил его в огонь и придавил каблуком. Беллинге́м взвизгнул и попытался схватить папирус, но Смит оттолкнул его и стоял над свитком, пока тот не превратился в бесформенную грудку пепла.

— Ну что же, мистер Беллинге́м, — сказал Смит, — думаю, я вырвал у вас все ваши ядовитые зубы. Если вы приметесь за старое, вы снова обо мне услышите. И позвольте проститься с вами: мне пора снова братья за учебники.

Вот что поведал Аберкромб Смит о необычайных происшествиях, случившихся в старейшем колледже Оксфорда весной 1884 года. Поскольку Беллинге́м сразу же после этого покинул университет и, по последним сведениям, находится в Судане, опровергнуть заявление Смита некому. Но мудрость людская ничтожна, а пути природы неисповедимы, и кому же дано обуздать темные силы, которые может обнаружить тот, кто их ищет!

Приложение

Филип Мак-Куат

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КОРИЧНЕВОЙ
МУМИИ**

Примечательная краска под названием «коричневая мумия» ведет свою родословную из Древнего Египта, а в европейской живописи начала использоваться с XVI века. Многие удивятся, ужаснутся или почувствуют отвращение, узнав, что это имя она получила не даром — насыщенный коричневый пигмент состоял, по большей части, из измельченных в порошок мумий. Но странная история взлета и падения Коричневой Мумии будет непонятна вне общего контекста судьбы египетских мумий на христианском Западе, этой истории потребления и злоупотребления.

Ошибка в опознании

История египетских мумий — подвергнутых церемониальному бальзамированию останков людей или животных — насчитывает 5,000 лет. В Европе мумии начали появляться в Средние века, главным образом благодаря вере в их целебные качества. Здесь сказался опыт древних греков, применявших в медицине асфальт или битум, вещество, сочащееся из земли в Персии и других регионах Ближнего Востока¹. Согласно историку Плинию Старшему и древнеримскому врачу и натуралисту Диоскориду, битум использовался для лечения чрезвычайно широкого спектра недугов, от зубной боли до дизентерии.

Мы можем только строить догадки о том, каким именно образом битум начал связываться с забальзамированными телами умерших египтян. Распространенное мнение (во многом основанное на сочинениях арабского ученого и врача XII в. Абдул Латифа²) гласит, что темный окрас мумий, вызванный старением бальзамических составов, был ошибочно принят за результат воздействия битума, в котором якобы вымачивались тела и их покровы. В мумиях увидели альтернативный источник столь необходимого для медицинских нужд битума, становившегося все более редким. И

---

¹ Другие месторождения включали дно Мертвого моря (называвшегося тогда Асфальтовым озером), Вавилонию, Сидон (Сайду) и Аполлонию, ныне Албанию (*Здесь и далее прим. авт.*).

² Более корректная транскрипция имени — Абдул Латиф аль-Багдади (1162-1231). Он был знаменитым иракским врачом и ученым, много писавшим о Египте и медицине.

действительно, Латиф утверждал, что вещество, «находящееся в полостях тел из Египта, немногим отличается» от природного битума, и «если возникают какие-либо трудности в добывании последнего, может быть использовано вместо него».

Персидское наименование битума — *tut* или *tutia*; вариациями этих слов начали обозначать битум, в котором египтяне предположительно вымачивали мертвые тела. Со временем так стали называть и сами мумифицированные тела; отсюда пошло известное нам сегодня слово «мумия».

Торговля мумиями

К XVI в., несмотря на все официальные запреты, экспорт мумий из Египта в Европу, где их перемалывали на «лекарства», стал вполне серьезным бизнесом; Б. Фаган называет его «процветающей торговлей человеческой плотью»³. Возникли «старательские» и торговые сети. Дело было прибыльным, и многие европейцы — англичане, испанцы, французы, немцы и другие — начали экспортировать целые мумии или тюки с их фрагментами из Каира и Александрии. В «Истории египетских мумий» Томас Петтигрю замечает: «Как только стало понятно, что мумии представляют известную ценность в медицинской практике, многие дельцы занялись торговлей ими; они разоряли гробницы в поисках все новых мумий, которые затем расчленялись на куски с целью продажи». И местные жители, и приезжие купцы раскапывали могилы и перевозили мумии в Каир, где, как писал Абдул Латиф, «они продавались по дешевке. За полдирхема я купил три головы, наполненные веществом [битумом]»¹¹.

Одним из торговцев был лондонский купец Джон Сандерсон, агент британской «Турецкой компании». Он провел год в Египте и оставил живое описание визита в мемфисские усыпальницы в 1586 г.: «Нас спустили с помощью веревок, словно в колодезь; с горящими восковыми свечами в руках мы ступали по телам всевозможных форм и размеров... Они не издавали неприятного запаха... Я отламывал разные части тел, дабы изучить превращение тканей в лекарство, и привез домой различные головы, руки, ки-

---

³ Fagan, B. M. *The Rape of the Nile*, McDonald and Jane's, London, 1977, с. 45.

сти рук и ноги, намереваясь выставить их; мы также привезли в Англию на “Геркулесе” 600 фунтов в кусках для Турецкой компании. Сверху они укутаны более чем сотней слоев полотна, какое часто гниет и спадает, и тогда видна кожа, плоть, пальцы и ногти, и все это твердое и сделавшееся черным. Я привез в Англию на память маленькую руку и подарил ее брату, а тот передал ее доктору из Оксфорда».

Помимо медицины, мумии сами по себе превратились в своеобразный аттракцион. В 1668 году Сэмюэл Пипс записал, как после ночной попойки отправился в портовый склад посмотреть на мумию, прежде чем она будет измельчена в порошок: «На складе у одного купца видел мумию, туловище мужского или женского тела, черное и твердое. Я никогда не видел мумий и получил большое удовольствие, хотя зрелище и отталкивающее. Купец подарил мне немного [порошка] и кость руки». Подобные фрагменты мумий нередко попадали в «кабинеты диковинок» состоятельных джентльменов; в 1639 году гость, осматривавший одну небольшую коллекцию, отметил такие разнородные экспонаты, как два ребра кита, чучело пеликана, руку русалки и руку мумий.

В области торговли мумиями быстро распространилось неизбежное мошенничество. Когда «настоящие» древние мумии стало трудно или сложно добывать, поставщики начали удовлетворять спрос, используя тела казненных преступников. Петтигрю рассказывает о французском медике Ги де ла Фонтене, придворном враче короля Наварры, который в 1564 г. заинтересовался торговлей мумиями в Александрии. При осмотре склада крупнейшего торговца выяснилось, что тот пополнял свои запасы телами недавно умерших людей, зачастую казненных преступников или рабов; их тела обрабатывали битумом и клали на солнце, после чего мумифицированные ткани продавались под видом подлинных мумий¹⁵.

В ответ на вопрос, продолжает Петтигрю, не умерли ли эти люди от какого-либо ужасного заболевания, один из торговцев ответил, что «ему безразлично, откуда они, были ли старыми или молодыми, женщинами или мужчинами, от какого заболевания умерли... главное — заполучить тела, а в бальзамированном виде их никто не различит». Иногда использовались даже тела животных. Мумифицированные «дети» порой оказывались забальзамированными ибисами; среди поддельных фрагментов мумий попадались и останки верблюдов.

Использование мумий в медицине

Мумия или «*mumia*» обычно представляла собой измельченное тело либо части тела; порошок использовали наружно, в качестве притирания, либо смешивали с питьем. Целебные свойства *mumia* были прописаны в стандартной фармакопее и активно рекламировались докторами, аптекарями и цирюльниками-хирургами. В XVI-XVII вв. *mumia* стала одним из самых распространенных лекарственных средств в ассортименте европейских аптек.

Mumia наперебой расхваливали некоторые из наиболее выдающихся врачей и ученых эпохи. К примеру, Фрэнсис Бэкон считал, что «*mumia* обладает великой способностью останавливать кровотечения», а Роберт Бойль видел в ней «одно из полезных лекарств, которое наши врачи рекомендуют и прописывают от ушибов и царапин». Зять Шекспира, врач Джон Холл, пытался лечить эпилептика, поджигая «смесь ароматической бензойной

*Аптекарский сосуд для хранения
mumia (Германия, XVIII в.).*

смолы, истолченной *mumia*, пека и сока руты»; пациент вдыхал дым в качестве успокоительного средства. Известно, что французский король Франциск I всегда носил с собой мешочек или кошель со смесью *mumia* и истолченного корня ревеня и «не боялся никаких несчастий, имея при себе немного этого снадобья» для лечения любых болячек — от головной боли и царапин до расстройства желудка и переломов. В 1549 г. Екатерина Медичи даже отправилась в Египет за *mumia* своего капеллана.

Еще в XVIII в. врачи с энтузиазмом прописывали порошок из мумий — будь то голова, сердце, жир, кожа или кости — от таких разнообразных заболеваний, как свернувшаяся кровь, «резкие боли в селезенке», кашель, «вздутие тела», блокирование менструальных выделений и маточные инфекции, мокнущие раны, болезненные родовые схватки, припадки истерии, высыхание и сокращение конечностей, боли, судороги, «твердость шрамов», оспины, «всевозможные» флюсы, катар, дизентерия, лизентерия (понос с выделением непереваренной пищи), подергивание конечностей и неврологические заболевания, «в особенности эпилепсия».

Чем объяснялись эти экстравагантные взгляды? Частично, по-видимому, верой в то, что в мумиях заключалась таинственная жизненная сила, которая передавалась больному и способствовала выздоровлению.

В формировании подобных воззрений важную роль сыграл Парацельс, швейцарско-немецкий медицинский реформатор XVI века. Парацельс считал, что при поедании мяса животного человеку передаются и особые качества данного животного. Древние мумии становились все более редкими, и можно было, ссылаясь на мнение Парацельса, с таким же успехом (и даже лучше) использовать свежие тела. Как указывает Ричард Сутт, Парацельс рекомендовал более или менее свежие тела. «Если бы докторам была известна целебная сила этой субстанции», — настаивал он, — «никакое тело не провисело бы на виселице более трех дней»⁴.

Последователь Парацельса, влиятельный немецкий химик Иоганн Шредер, давал еще более четкие указания. Он рекомендовал «цельный и свежий без изъяна труп рыжеволосого мужчины (так как у подобного человека кровь легче и плоть здоровее) около двадцати четырех лет от роду, умершего насильственной смертью (не от болезни), который сутки подвергался воздействию лунного света». Плоть следовало довести «до состояния, когда она будет напоминать копченое мясо и перестанет издавать неприятный запах». В начале XVII в. Пьетро дельла Валле утверждал, что лучшие по качеству мумии получают из тел «девиц и девственников» — мнение, которое и в 1824 г. разделял Жан Батист де Рокфор.

---

⁴ Sugg, R. «Corpse medicine: mummies, cannibals, and vampires», *The Lancet*, Vol. 371, Iss. 9630, 21 June 2008.

Но разделяли такие взгляды далеко не все. Египетские торговцы считали экспорт мумий в Европу выгодным делом, однако удивлялись тому, что христиане, «столь привередливые в пище, могут поедать тела мертвецов». Ауфдерхайде цитирует проповедника Ричарда Хаклюта, заявившего в 1599 г.: «Мертвые тела эти — мумия, что нас заставляют против воли глотать доктора и аптекари»⁵. В 1658 г. философ сэр Томас Браун ядовито заметил: «Египетские мумии, которых пощадили Камбисы или время, поглощаемы ныне алчностью. Мумия сделалась товаром, Мицраим [Египет] излечивает раны, фараон продается на притирания». По его словам, «подобная диета — удручающий вампиризм, каковой превосходит ужасами черный пир Домициана и может сравниться лишь с арабскими празднествами, на которых пиршествуют чудовищные гули»⁶.

В художественной литературе *tumia* также описывалась с неприязнью либо критически; snadobье вызывало определенное отвращение. Шекспир упоминает о нем в «Макбете», где три ведьмы, наряду с собачьим языком и «пальчиком детки удушенной», добавляют в свое адское варево «плоть сушеную [*tummy*] колдуньи». В «Виндзорских кумушках» толстяк Фальстаф боится утонуть, так как «от воды человек разбухает, и каков бы я был, доведись мне утонуть? Моя мумия напоминала бы гору!» В стихотворении «Алхимия любви» (ок. 1590) Джон Донн не слишком галантно пишет, что и лучшие из женщин «мертвее мумий». В «Птичке в клетке» (1633) драматурга Джеймса Ширли один из героев восклицает: «Сделайте из меня мумию и продайте аптекарям». В «Вольпоне» Бена Джонсона, Моска предлагает продать тело «как мумию! И так он высох весь». В «Герцогине Мальфи» Джона Уэбстера, Босола говорит, что тело герцогини подобно «обиталищу червей, от силы — пристанищу зеленой мумии». В его же «Белом

---

⁵ Aufderheide, A. C. *The Scientific Study of Mummies*, Cambridge University Press, 2003, с. 518.

⁶ Вторая приведенная автором цитата из британского медика, эзотерика и литератора сэра Томаса Брауна (1605-1682) взята из т. наз. «Фрагмента о мумиях»; история «находки» и лексика этого текста заставляет не без оснований подозревать в нем фальшивку (*Прим. перев.*).

дьяволе» Гаспаро произносит: «Ваша свора / Как мумию, вас съела, заболел / От купанья такого, и в канаву / Вас рвотою извергла».

Отвращение к *tumia* питали и некоторые врачи. В 1546 г. немец Леонард Фукс отзывался об этом лекарстве как о позорном снадобье, жалуясь на «окровавленные тела, снятые, очевидно, с виселицы или же пыточного колеса и запятнанные трупными испражнениями вместо алоэ и мирры». Согласно уважаемому медику Амбруазу Паре, *tumia* не оказывала никакого целебного действия: «Это зловредное снадобье ничем не помогает больному... а также вызывает множество неприятных симптомов, как-то боли в сердце или желудке, рвоту и дурной запах изо рта... По указанным причинам я не только не прописываю *tumia* своим пациентам, но и на консилиумах по мере возможности препятствую другим его прописывать».

Тем не менее, «зловредная» практика продолжалась. Порошок из мумий вытеснялся из медицины медленно и постепенно, причем не усилиями скептиков, а прогрессом в научном мышлении и медицинских познаниях. Должно быть, сказались и опасения, что *tumia* способствует эпидемиям чумы. Клиническое использование *tumia* пошло на убыль с XVIII в., хотя средство еще долго продолжало значиться в некоторых медицинских каталогах. Еще в 1973 г. один нью-йоркский магазин торговал «ведовскими товарами», предположительно включавшими порошок из мумий.

Мумии для науки и развлечений

Именно в то время, когда использование *tumia* начало сходить на нет, неожиданное вторжение Наполеона в Египет в 1798 году вновь привлекало внимание публики к этой стране.

Египтоomania развивалась в двух направлениях. Во-первых, научный интерес подстегивала публикация громадного и великолепно иллюстрированного 10-томного «Описания Египта», содержавшего сведения о памятниках истории, технологии, географии, флоре и фауны страны. Издание было основано на трудах 160 с лишним «savants» — ученых и исследователей, которых Наполеон пригласил сопровождать экспедиционные силы.

Во-вторых, желание египетских властей модернизировать и открыть страну новым западным веяниям, в сочетании с захватывающими археологическими открытиями, сделало туристиче-

ские поездки в Египет (ранее нерегулярные и иногда сопряженные с опасностями) занятием весьма престижным и модным. По словам Фагана, к 1830-м годам «лихорадочное увлечение всем египетским охватило Европу. Дипломаты и туристы, купцы и герцоги старались перещеголять друг друга, составляя впечатляющие коллекции мумий и других египетских древностей»⁷. Коллекционерское помешательство приводило к «свирепому соперничеству, и часто можно было видеть, как конкуренты карабкались по каменным плитам и саркофагам, копались в мусоре и торговались с мальчишками, чьи карманы были набиты древними предметами»⁸. В 1833 г. монах де Жерамб заметил, что «из Египта едва ли респектабельно возвращаться без мумии в одной руке и крокодила в другой». Некоторые местные проводники специально завозили в наиболее популярные у туристов места мумии из других районов Египта, чтобы никто из гостей не остался разочарованным⁹.

Одним из странных проявлений европейской египтомании стала практика «распеленания» или «разворачивания» мумий. Часто она сводилась к трезвым научным исследованиям. К примеру, на картине Поля Доминика Филиппото, написанной в конце XIX в., изображены французские ученые, исследующие мумию жрицы, найденную ими в Дейр эль-Бахане. На приложенной к картине табличке перечислены имена исследователей (любопыт-но, что честь эта не была оказана разодетым зрительницам).

Томас «Мумия» Петтигрю, самый известный «разворачивачик» мумий в Англии, превратил эту процедуру в публичный спектакль. Этот хирург и антиквар, казначей-основатель Британского археологического общества, стал ведущим экспертом по мумиям и написал цитирувавшийся выше классический труд «История египетских мумий». Петтигрю являл собой редкое сочетание ученого и шоумена. Его сеансы «распеленания» начались в 1833 г. в лекционном зале госпиталя Черинг-Кросс и были так популярны, что порой на всех желающих не хватало билетов.

---

⁷ Fagan, op. cit., с. 11.

⁸ Yallop, J. *Magpies, Squirrels & Thieves: How the Victorians Collected the World*, Atlantic Books, London, 2011, с. 223.

⁹ Для важных гостей организовывались и особые «открытия»; так, в 1869 году, во время посещения принцем Уэльским древнеегипетских развалин, там были эффектно выкопаны из земли 30 мумий; все они были перенесены на нужное место из других гробниц.

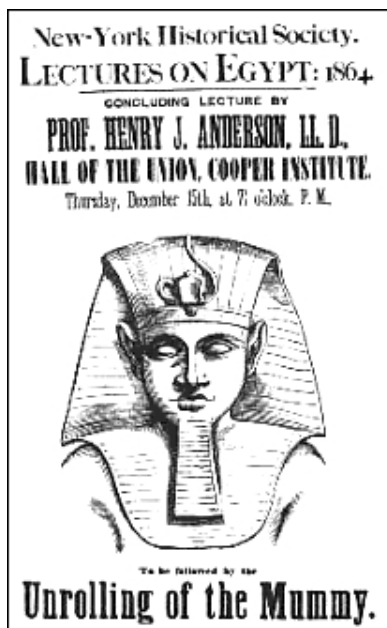
Поль Доминик Филиппото. *Исследование мумии жрицы Амона*
(ок. 1891).

Петтигрю проводил свои сеансы как в общественных местах, например в Королевском институте, так и на частных званых вечерах; он разворачивал и иногда вскрывал мумии, обеспечивая гостям «научное» развлечение¹⁰.

«Петтигрю начал с общедоступной лекции о различных процессах, которые использовали египтяне для сохранения мертвых тел», — писал в 1848 г. журналист, побывавший на сеансе «рас-

Афиша, зазывающая на лекцию и «распеленание» мумии в Нью-Йорке (1864).

пеленания» в мастерской одного британского художника. «Футляр [мумии] украшали мифологическими фигурами и надписями; на покрывах часто писали имя и должность покойного. При-

---

¹⁰ С помощью измерения черепов мумий Петтигрю пытался доказать, что древние египтяне были европеоидами, а не африканцами или представителями «негритянской» расы. Акт распеленания мумии имел также особое, но в те времена, вероятно, неизвестное значение: существует гипотеза, согласно которой ритуал пеленания играл критически важную роль в превращении мертвого тела в сакральный объект (см. Christina Riggs. *Unwrapping Ancient Egypt*, Bloomsbury Academic, London, 2014).

крепленные к телу в самых разных местах папирусы позволяют узнать крайне важные подробности...

Все это мистер Петтигрю излагал в четкой и понятной манере, и даже самые неподготовленные зрители могли понять его лекцию и порадоваться тому, что он умеет преподнести свои знания в таком доходчивом стиле. Затем началось искусное распеленание мумии, сопровождавшееся замечаниями мистера Петтигрю, в которых отразился его многолетний опыт: ведь он (если мы не ошибаемся) произвел уже сорок или пятьдесят подобных операций...»¹¹

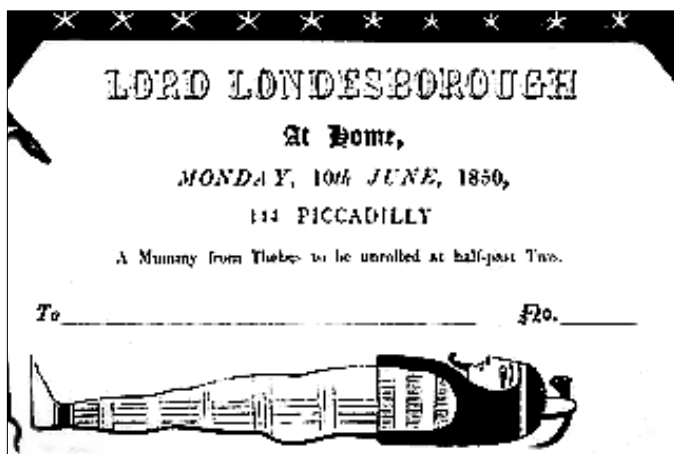
Французский романист и литературный критик Теофиль Готье описал «археологическое и траурное действие» на Парижской выставке 1857 г.: «Начали разматывать бинты; внешняя оболочка, из толстого полотна, была разрезана ножницами. Слабый, тонкий запах бальзама, ладана и других ароматических веществ распространился по комнате, как запах в магазине аптекаря. Затем стали искать конец бинта; когда он был найден, мумию поместили в вертикальное положение, что позволило оператору свободно двигаться вокруг нее и сматывать бесконечную ленту, принявшую желтоватый оттенок грубого льна под воздействием пальмового вина и прочих сохраняющих жидкостей... Вся комната заполнилась огромным количеством льняных бинтов, и мы невольно стали гадать, каким образом они поместились в футляре, ненамного превышавшем размерами обычный гроб...»

Во время распеленания были найдены некоторые мелкие украшения; Готье отметил, что «в футлярах мумий часто обнаруживается некоторое количество подобных безделушек, и в любой антикварной лавке можно найти множество фигурок с голубой эмалью». Сеанс продолжался, и «показались два белых глаза с большими черными зрачками, сиявшие поддельной жизнью между коричневыми веками. Это были эмалевые глаза, которые принято было вставлять в тщательно подготовленные мумии. Их ясный, застывший взгляд на мертвом лице производил ужасающее впечатление: казалось, тело с презрительным удивлением смотрело на живых существ, копошившихся вокруг... Постепенно начала открываться печальная нагота... не удивительно ли, точно в мечтаниях, увидеть на столе все еще сохранившее свою форму

---

¹¹ Сеансы Петтигрю не всегда шли по плану: сообщалось, например, что как-то он несколько часов трудился над мумией, но так и не смог отделить разложившуюся плоть от покровов.

тело создания, которое ходило под солнцем, жило и любило за пятьсот лет до Моисея, за две тысячи лет до Иисуса Христа?».

*Приглашение на сеанс распеленания «мумии из Фив»
в доме лорда Лондесборо (1850)*

Далеко не все «распеленания» имели что-либо общее с наукой или исследованиями. Утверждается, что подобные сеансы были популярным викторианским салонным развлечением, однако довольно трудно оценить, какие размеры приняло это явление¹².

---

¹² Марк Твен пародийно отобразил всеобщую увлеченность мумиями в «Простаках за границей» (1869): «Топливом для паровоза [на египетских железных дорогах] служат мумии трехтысячелетней давности, скупаемые тоннами, а то и целыми кладбищами, и... нечестивый машинист иногда с досадой кричит: "Пропади они пропадом, эти плебеи, жару от них ни на грош! Подбрось-ка еще фараонов"». Твен замечает: «Передано мне как факт. За что купил, за то и продал. Я лично готов поверить этому. Я чему угодно могу поверить». Некоторые читатели даже приняли это описание всерьез.

«Коричневая мумия» в искусстве

Учитывая, что европейцы радостно пили, поедали и растирались мумиями, стоит ли удивляться тому, что они также писали мумиями картины? Краска, которую они использовали, называлась «коричневая мумия»; это был густой коричневый пигмент, состоявший из истолченных мумий в сочетании с белой смолой и миррой (другие его названия — *Caput Mortuum* или «мертвая голова» и «египетская коричневая»).

Вплоть до XX в. «коричневую мумию» можно было приобрести у поставщиков красок для художников. Еще в 1712 г. в Париже открылась лавка с шутливым названием «A La Momie»; заведение торговало красками, лаками, а также порошком из мумий, благовониями и миррой. Некий лондонский торговец говорил, что одна мумия могла обеспечить его покупателей краской на двадцать лет вперед.

Документированные свидетельства об использовании этой краски в той или иной картине найти достаточно сложно, хотя и это не вызывает удивления. Состав пигмента менялся, и если бы мы задались целью обнаружить его в работах какого-либо художника, понадобилась бы спектрометрия. В целом считается, что художники использовали этот пигмент с XVI в.

Наибольшую популярность пигмент приобрел с середины XVIII века; в 1849 г. он описывался как «довольно модный». Делакруа, к примеру, использовал «коричневую мумию» в 1854 г. для росписей в парижской ратуше. Большие запасы «коричневой мумии» имелись у британского портретиста сэра Уильяма Бичи. Пигмент несомненно входил в арсенал прерафаэлиты Эдварда Берн-Джонса и, вероятней всего, Лоуренса Альмы-Тадемы и других художников их круга. Француз Мартин Дроллинг, как утверждается, использовал «коричневую мумию», изготовленную из останков французских королей, выброшенных из могил в королевском аббатстве Сен-Дени; не исключено, что он широко применял «коричневую мумию» в работе над картиной «Интерьер кухни».

Однако, несмотря на всю известность пигмента, технические особенности «коричневой мумии» вызывали много нареканий. Как и в случае снадобья, критики считали «сырье» для изготовления пигмента отталкивающим, его подлинность — сомнительной, а технические качества — неудовлетворительными.

Мартин Дроллинг. *Интерьер кухни* (1815)

Смерть Коричневой Мумии

Вопреки отрицательным отзывам, «коричневая мумия», как ни странно, продержалась четыре века, но в конце концов и над нею зазвонил похоронный колокол¹³.

В биографической книге о художнике-прерафаэлите Эдварда Берн-Джонсе его вдова Джорджина описывает переломный момент. Было воскресенье, и к Берн-Джонсам пришел на обед художник Лоуренс Альма-Тадема с семьей. «Этот день», — рассказывает Джорджина, — «запомнился всем нам как день похорон тюбика с краской из мумий. Мы все сидели и беседовали после обеда... и мужчины обсуждали различные краски, которыми пользовались в работе. Мистер Тадема всех удивил, сообщив, что недавно в мастерской своего поставщика осматривал мумию, предназначенную для изготовления краски. Эдвард презрительно отверг саму мысль о том, что пигмент как-то связан с мумиями; он сказал, что название лишь указывает на определенный оттенок коричневого. Но когда его заверили, что краску изготавливают из самых настоящих мумий, он тут же нас покинул, поспешил в мастерскую и вернулся со своим единственным тюбиком “коричневой мумии”, настаивая на немедленном и достойном погребении. Мы вырыли ямку в зеленой траве у наших ног, положили туда тюбик, и одна из девочек отметила могилу, посадив там маргаритки».

Этот странный, но трогательный эпизод действительно запомнился всем присутствовавшим, включая юного Редьярда Киплинга, племянника Джорджины. Несколько десятилетий спустя он также описал похороны тюбика: «Он [Берн-Джонс] спустился к нам в сиянии дня с тюбиком “коричневой мумии” в руке и заявил, что краска эта, как выяснилось, сделана из мертвых фарао-

---

¹³ Пигмент производится и в наши дни, но состоит исключительно из минералов — каолина, кварца, гетита и гематита. Кстати говоря, «коричневая мумия» была не единственной телесной субстанцией, использовавшейся в изобразительном искусстве. Как ни дико это звучит, при изготовлении связующего компонента для красок, применявшихся в иллюстрированных средневековых манускриптах, в ход шла *ушная сера*! Еще один пигмент назывался «зеленым мочевым пузырем». Читатель может облегченно вздохнуть: этот зеленый пигмент просто-напросто хранили в мочевых пузырях животных.

нов и мы должны устроить ей торжественные похороны. Мы все помогали; хотелось бы верить, что погребение прошло в полном соответствии с обрядами Мемфиса и Мицраима. Даже сегодня я могу воткнуть лопату в землю менее чем в футах от того места, где похоронен этот тубик».

Жест Берн-Джонса отразил растущее отвращение к «коричневой мумии». Художники все чаще вспоминали об ужасном происхождении пигмента (некоторые, похоже, каким-то образом о нем забыли), к мумиям начали относиться с уважением, подчеркивая их научное, археологическое, антропологическое и культурное значение, да и сами древние мумии попадались все реже. В начале XX века спрос на «коричневую мумию» резко упал.

Лондонская фирма Roberson's, известный производитель красок для художников, до 1920-30-х гг. хранила запасы «коричневой мумии», но пигмент мало кто покупал. В 1964 году спектакль подошел к концу. Генеральный директор фирмы с сожалением признался, что запасы мумий истощились. «Может быть, у нас где-то завалилась пара-тройка конечностей», — извинился он перед покупателями, — «но для изготовления краски этого недостаточно. Последнюю целую мумию мы продали несколько лет назад, кажется, фунта за три. Возможно, продавать ее не стоило. Новые мумии нам определенно будет негде приобрести».

Однако сама идея Коричневой Мумии, похоже, продолжает жить. Можно удивляться или огорчаться, но сегодня скорбящие родственники могут почтить память ушедших, заказав изящное изделие — украшение, флакон для духов или вазу — с примесью праха умерших. Можно даже поместить прах в набалдашник трости и, как дружелюбно указывает интернет-сайт изготовителя, «выводить старого друга на прогулку».

Комментарии

П. Гуран. Мумия

Впервые в кн. «Icons of Horror and the Supernatural: An Encyclopedia of Our Worst Nightmares» под ред. С. Т. Джоши (Лондон, 2007). Публикуется с некоторыми сокращениями.

Паула Гуран – литературовед, критик, составительница многочисленных антологий (в том числе готовящейся к печати «Монументальной книги мумий»), дважды лауреат премии Брэма Стокера (1998, 1999).

Н. Х. Радзивилл. Из книги «Похождение в Землю Святую и в Египет»

Князь Николай Христофор «Сиротка» Радзивилл (1549-1616) – государственный и военный деятель Великого княжества Литовского; в молодости учился в Западной Европе, путешествовал. Участвовал в Ливонской войне и походе Стефана Батория, во время осады Полоцка был тяжело ранен в глаз и лоб. Принимал участие в осаде Пскова. В 1582 г. по обету отправился в паломничество в Святую Землю, побывал на Крите, Кипре, в Сирии, Палестине, провел два месяца в Египте. В 1584 г. вернулся в Несвиж, где приступил к масштабному строительству, возвел каменный замок, ратушу, монастыри и городские строения. В 1604 г. был назначен виленским воеводой. Являлся крупнейшим землевладельцем Великого княжества Литовского.

Путевые записки Радзивилла в переводе на латинский были впервые изданы в 1601 г. Т. Третеком («Hierosolymitana peregrinatio... Nicolai Christophori Radzivili, ducis in Olike ... epistolis compaehensa»). Это издание легло в основу многочисленных переводов на польский, немецкий, французский и русский языки. Предлагаемый перевод основан на изданиях: «Путешествие ко святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивилла» (СПб, 1787) и «Похождение в Землю Святую князя Радивила (sic) Сиротки, 1582-1584» (Пб., 1879).

С. 54. ...*светило св. Германа* – Т. е. огни святого Эльма, разряды в виде светящихся кисточек, возникающие на острых концах выскоких предметов при большой напряженности электрического поля. Появление их на мачтах обещало морякам успех в плавании и избавление от опасности.

С. 54. ...*Карпатос* – Остров в Эгейском море.

С. 55. ...*Корциры* – Также Керкира, Коркира, старинное греч. название о. Корфу.

Ж. Боден. Из книги «Коллоквиум семи, посвященный сокрытым тайнам возвышенного»

Жан Боден (1530-1596) – французский юрист, один из величайших политических мыслителей XVI в. В качестве демонолога, написал известный и неоднократно переиздававшийся труд *De la démonologie des sorciers* (1580), в котором настаивал на истинной опасности ведовства и необходимости его искоренения. Трактат «Коллоквиум семи» был написан в 1588 г. и впервые опубликован посмертно (Kiel, 1683). В целом текст представляет собой диалог между представителями различных религий и философских течений и примечателен своим призывом к терпимости: в конце его все участники выступают за мирное сосуществование, основанное на фундаментальном сходстве их воззрений.

С. 57. ...*Исиды... взрастивший меня* – Изложено, с некоторыми изменениями, по «Исторической библиотеке» древнегреческого историка и биографа I века д.н.э. Диодора Сицилийского.

С. 58. ...*Плутарх... опровергал его* – См. сочинение древнегреческого историка, биографа и философа Плутарха (45-ок. 125) «О злокозненности Геродота».

С. 58. *Малатеста...* – род кондотьеров, правивший в 1295-1500 гг. городом Римини и рядом других местностей в Италии.

С. 59. ...*Марк Туллий* – Имеется в виду древнеримский политик, философ и оратор Марк Туллий Цицерон (106-43 д.н.э.).

С. 59. ...*ликантропии среди невра* – Древнегреческий историк Геродот (ок. 484 – ок. 425 гг. д.н.э.) пишет следующее о праславянском племени невра, жившем на территории Белоруссии и части современной Украины: «Эти люди, по-видимому, оборотни. Скифы и эллины, живущие в Скифии, говорят, что раз в год каждый невр становится волком на несколько дней и затем снова возвращается в прежнее состояние». («История», кн. IV, 105).

С. 59. ...*выкуп за красивых невест...* – По Геродоту, такой обычай был принят среди жителей Вавилона.

С. 59. ...*палладиум* – Палладиум (палладий) – священная статуя Афины-Паллады, служившая защитой и предметом поклонения для города, в котором хранилась; здесь подразумевается легендарный деревянный палладиум Трои, похищенный Одиссеем.

С. 59. ...*Волтурн* – Восточный или юго-восточный ветер.

С. 59. ...«*Как иногда ясный Нот*» – Гораций, «Оды», кн. I, 7 (пер. Г. Церетели).

С. 61. «*Славься, звезда морская*» – Гимн Богородице, известный по крайней мере с IX в. «Звезда морская» (Stella Maris) – древний титул Девы Марии.

С. 61. «*О жертва спасительная...*» – «O salutaris hostia», евхаристический гимн, часть гимна Фомы Аквинского (1225-1274) «Verbum supernum prodiens».

С. 61. ...*Тебе единому* – См. Пс. 50 (51).

С. 61. *Он речет... умолкают* – Пс. 106 (107): 25-29. У Бодена здесь приведено французское поэтическое переложение.

С. 61. ...«*malgrado*»... «*A la virgien sa madre*» – «Вот злосчастье», «девственную мать» и пр. (*искаж. исп.*).

С. 62. «*Если небесных богов не склоню...*» – Вергилий, «Энеида», кн. VII (пер. С. Ошерова).

С. 62. ...*бросить в море пророка Иону... жребий..* – Ион. 1:4-15.

Т. Готье. Ножка мумии

Рассказ выдающегося французского поэта, писателя и литературного критика Теофиля Готье (1811-1872) был впервые напечатан в сентябре 1840 г. в журн. *Le Musee des Familles* (т. VII). Рассказ предшествовал главному «египетскому» произведению Готье – «Роману о мумии», впервые опубликованному в 1857 г. (см. с. 24).

С. 65. ...«брикабраком» – От bric-a-brac, антикварные вещицы, старинные безделушки (фр.).

С. 65. ...«буль» – Стиль мебели, названный по имени французского художника и мастера-мебельщика Андре-Шарля Буля (1642-1732).

С. 65. ...бисквита... Севра – Бисквит – неглазурованный фарфор, селадон – фарфор с серо-зеленой глазурью, кракле – глазурь, имитирующая трещины на фарфоре, Севр – знаменитый фарфоровый завод в Севре близ Парижа.

С. 65. ...Бернара Палисси – Бернар Палисси (ок. 1510- ок. 1590) – французский керамист, инженер и естествоиспытатель; на протяжении 16 лет безуспешно пытался разгадать секреты китайских мастеров, в результате чего разработал собственный стиль керамики.

С. 67. ...Вицли-Пуцли – Искаженное имя ацтекского бога солнца и войны Уицилопочтли.

С. 67. ...Лисиппа – Лисипп – один из величайших греческих скульпторов, живший в IV в. д.н.э., любимый мастер Александра Македонского.

С. 73. ...Регентства – Имеется в виду период правления Филиппа Орлеанского (1715-1723) при малолетнем короле Людовике XV.

С. 75. ...Аменти – Название подземного загробного мира в Древнем Египте.

Э. По. Разговор с мумией

Рассказ великого американского романтика, писателя, поэта, журналиста и литературного критика Эдгара Аллана По (1809-1849) был впервые напечатан в журн. *The American Review* в апреле 1845 г. Русский перевод публикуется по изданию: Э. По. *Собрание сочинений*. Том второй (Спб., 1896) с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

С. 81. *Symposium* – здесь: пиршество, попойка (лат.).

С. 82. ...*Глиддон* – см. с. 25. В числе прочих источников По воспользовался сочинением Глиддона «Древний Египет» и мог побывать на его бостонских лекциях в декабре 1842-январе 1843 г.

С. 84. ...*tunica albuginea* – Здесь: глазной белок (лат.).

С. 85. ...*os sesaimodeum pollicis peclis* – Кость большого пальца ноги (лат.).

С. 85. ...*musculus abductor* – Отводящая мышца (лат.).

С. 85. ...*en masse* – Здесь: всей толпой (фр.).

С. 89. ...*chemise* – Сорочка, рубашка (фр.).

С. 93. ...*Галля и Шпурцгейма* – Речь идет о немецких медиках и френологах Ф. И. Галле (1758-1828) и И. К. Шпурцгейме (1776-1832).

С. 93. ...*Месмера* – Ф. А. Месмер (1734-1815) – немецкий врач, создатель учения о «животном магнетизме» («месмеризме»). Несмотря на ошибочность этой концепции и шарлатанские методы, предвосхитил практику гипнотерапии и групповой психотерапии.

С. 95. *Bowling-Green Fountain* – Фонтан в Боулинг-Грин (англ.). Боулинг-Грин – старейший парк в Нью-Йорке.

С. 91. ...*Большом оазисе* – Большой оазис – крупнейший египетский оазис с древними колодцами и руинами римских дворцов, находящийся в ливийской пустыне.

С. 96. ...*ad libitum* – По собственному усмотрению (лат.).

С. 96. ...*Герона через Соломона де Ко* – Гирон Александрийский – выдающийся греческий математик и механик (I в. д.н.э.), описавший в сочинении «Пневматика» первую паровую турбину; Соломон де Ко (Косс, 1576-1626) – французский ученый и инженер, в одном из своих сочинений описал машину, основанную на упругости пара.

С. 97. ...*пилюли Брандрета* – Широко рекламировавшиеся в XIX веке в США пилюли производства Бенджамина Брандрета (1809-1880), которые предположительно излечивали множество болезней путем очищения крови и принесли торговцу богатство и пост сенатора штата Нью-Йорк.

Душа мумии

Впервые: *The Knickerbocker or New-York Monthly Magazine*, 1862, vol. 59-60, под назв. «The Mummy's Soul». Автор этого анонимного рассказа остался неизвестным.

С. 101. *Ховаджи... сиди* – Турецким словом «ховаджи», изначально означавшим «купец», жители Египта еще в первой половине XIX в. начали называть всех западных путешественников. В англ. языке оно получило известность после публикации кн. Джорджа Куртиса «Нильские записки ховаджи» (1851). Сиди – хозяин, господин (*егип. араб.*).

С. 111. ...*Сесостриса* – Сесострис – египетский фараон-завоеватель, упоминаемый у Геродота и ряда других античных авторов; часто считается собирательным образом.

С. 111. *Филы...* – Остров на Ниле с многочисленными древнеегипетскими постройками эллинистического периода, легендарное место погребения Осириса.

С. 111. ...*Эль-Уксорейна* – Эль-Уксорейн – устаревшее название Луксора.

С. 112. ...*Мемнон... троне* – Имеются в виду т. наз. «колоссы Мемнона», огромные статуи Аменхотепа III в некрополе Фив. В рассказе обыгрываются сведения античных историков и географов о «пении» северного колосса, расколовшегося и начавшего издавать звуки в результате землетрясения в 27 году д.н.э. После починки статуи в конце III в. пение колосса прекратилось.

С. 116. ...*Гермес Трисмегист... «Поймандр»* – Гермес Трисмегист (Триждывеличайший) – синкретическое сочетание греческого бога Гермеса и древнеегипетского Тота, легендарный автор т. наз. «Герметического корпуса» религиозно-философских сочинений, кот. стали основой герметизма. «Поймандр» – название первого трактата корпуса и совокупности первых 14 трактатов. Под «нисходящими элементами» в «Поймандре» подразумеваются материальные природные стихии.

Д. Остин. Три тысячи лет спустя

Впервые: *Putnam's Monthly Magazine of American Literature, Science and Art*, 1868, июль, под назв. «After Three Thousand Years».

Джейн Гудвин Остин (1831-1894) – популярная в свое время американская писательница, автор 24 книг и многочисленных рассказов. Происходила из рода «пилигримов», т.е. первых европейских поселенцев Америки; большой архив документов о пилигримах и их потомках, которым Остин посвятила ряд исторически достоверных романов, был собран ее отцом, юристом, антикваром и генеалогом Исааком Гудвином.

С. 126. ...*Аталанте* – Имеется в виду красавица Аталанта беотийская, персонаж древнегреческой мифологии. Аталанта предлагала сватавшимся к ней юношам состязание в беге и убивала копьем тех, кого могла догнать; Гиппомен перехитрил ее, разбрасывая на бегу золотые яблоки – собирая их, Аталанта отстала.

С. 127. ...*Дельмонико* – Сеть нью-йоркских ресторанов, основанная в 1827 г. выходцами из Швейцарии братьями Дельмонико. Главный из них, на Саут Вильям-стрит, долгое время считался одним из лучших в США. Последний ресторан, принадлежавший семейству Дельмонико, закрылся в 1923 г.

С. 128. ...*fiancé* – Здесь: нареченная (*фр.*).

С. 131. ...*золотой пылью Пактола* – Пактол – речка в Малой Азии, на территории современной Турции. В древности славилась золотоносными песками и связывалась с мифом о Мидасе.

Л. Олкотт. Заблудившиеся в пирамиде, или
Проклятие мумии

Впервые: *The New World*, 1869, № 1, под назв. «Lost in a Pyramid, or the Mummy's Curse».

Луиза Мэй Олкотт (1832-1888) – американская писательница. Родилась в семье трансценденталистов, в детстве жила с родителями и тремя сестрами в утопической общине. Другими семьи были выдающиеся интеллектуалы эпохи: Р. У. Эмерсон, Г. Торо, Н. Готорн, М. Фуллер. В молодости Олкотт стала сторонницей аболиционизма и феминизма; в годы Гражданской войны в США некоторое время работала медсестрой в военном госпитале. Из-за бедственного положения семьи рано начала работать, была гувернанткой, учительницей, швеей, находя отдушину в литературном творчестве. Ее первой книгой стали письма к родным из военного госпиталя, затем последовал сборник детских рассказов. В 1860-х гг. Олкотт сочинила ряд сенсационных и полных страстей романов и рассказов; однако самой известной ее книгой стал роман «Маленькие женщины» (1868) о взрослении в обществе сестер и его продолжения – «Хорошие жены» (1869), «Маленькие мужчины» (1871) и «Ребята Джо» (1886). Умерла от последствий подхваченного в военном госпитале брюшного тифа, лечения каломелью (хлоридом ртути) и, видимо, волчанки.

С. 143. ...*светоча гарема* – «Светоч гарема» («Свет гарема») – неточный перевод имени Нур-Махал («Свет дворца»), главной жены могольского правителя XVII в. Джахангира. Это прозвище стало нарицательным после того, как было использовано Томасом Муром в романтической повести в стихах и прозе «Лалла Рук» (1817).

Впервые: *Belgravia*, 1880, январь под назв. «My New Year's Eve Among the Mummies». Русский (несколько сокращенный) пер. был впервые напечатан в журн. *Мир приключений*, 1910, № 8. Публикуется по этому изданию с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Грант Аллен (наст. имя Чарльз Грант Аллен, 1848-1899) – английский писатель, популяризатор науки, фантаст. Уроженец Канады; до 13 лет жил в Канаде, затем вместе с родителями переехал в США, Францию и наконец в Англию. Выпускник Оксфорда, преподавал в английской школе и позднее в Квинс-колледже на Ямайке. В 1876 г. вернулся в Англию. Первые литературные успехи Аллена связаны с научно-популярными книгами и статьями, в кот. он отстаивал теорию эволюции. С 1884 г. издал около 30 романов. Аллен считается одним из пионеров научной фантастики (так, в 1895 г., практически одновременно с Г. Уэллсом, он опубликовал роман о путешествии во времени – «Британские варвары») и инноватором детективного жанра.

С. 151. ...из племени *Гавази* – Также гавази, гавези, от араб. *ghawazi*, букв. «похитительницы сердец», уличные танцовщицы в Египте; изначально употреблялось в отношении танцовщиц из племени, которое, как считалось, пришло в Египет из Индии.

С. 152. ...*Рамзес* ...обкрадывал фараона – Искаженное изложение предания или сказки о ловком и хитром воре из «Истории» Геродота (II, 121).

С. 154. ...богиню *Пта* с кошачьей головой – Здесь перепутан древнеегипетский бог Пта (Птах) и богиня радости, веселья и любви Баст (Бастет), кот. изображалась в виде кошки или женщины с кошачьей головой.

С. 155. ...*Тотмеса XXVII из XVIII династии* – Вымышленный автором фараон.

С. 159. ...«*Home Rule*» – Принцип государственного устройства, в рамках кот. административная единица государства получает де-

легированные правительством полномочия; в Великобритании изначально применялся к Ирландии.

С. 164. ...*диорита* – Диорит – магматическая порода; в Месопотамии и Древнем Египте использовалась как скульптурный материал.

А. Конан Дойль. Кольцо Тота

Впервые: *The Cornhill Magazine*, 1890, Vol. 61 (январь). Данный русский пер. впервые: *Волга*, 1967, № 6. Илл. выполнены В. Захарченко для перепечатки в сб. *На суше и на море*, 1972, вып. 12.

С. 169. ...*Лепсиуса* – Карл Рихард Лепсиус (1810-1884) – выдающийся прусский археолог и египтолог, один из основателей современной египтологии. В 1842-46 гг. во главе археологической экспедиции исследовал Египет и Судан, по результатам экспедиции опубликовал важный 12-томный труд «Памятники из Египта и Эфиопии», позднее был профессором египтологии Берлинского университета и директором Египетского музея в Берлине.

А. Конан Дойль. Номер 249

Этот рассказ Артура Конан Дойля (1859-1930) был впервые опубликован в *Harper's Monthly Magazine*, 1892, Vol.24 (сентябрь) под назв. «Lot No. 249». Иллюстрации У. Смедли взяты из этой публикации.

Ф. Мак-Куат. Жизнь и смерть Коричневой Мумии

Впервые – *Journal of Art in Society* (www.artinsociety.com). Публикуется в сокращении.

Филип Мак-Куат – австралийский адвокат и писатель, увлеченный историей искусств, создатель сетевого журнала «Искусство в обществе».

Оглавление

От составителя	7
П. Гуран. Мумия. <i>Пер. А. Шермана</i>	9
Н. Радзивилл. Из книги «Похождение в Землю Святую и в Египет»	51
Ж. Боден. Из книги «Коллоквиум семи...» <i>Пер. С. Старосельского</i>	56
Т. Готье. Ножка мумии. <i>Пер. Н. Гнединой</i>	64
Э. По. Разговор с мумией. <i>Пер. М. Энгельгардта</i>	80
Душа мумии. <i>Пер. А. Шермана</i>	98
Д. Остин. Три тысячи лет спустя. <i>Пер. А. Шермана</i>	119
Л. Олкотт. Заблудившиеся в пирамиде, или Проклятие мумии. <i>Пер. В. Барсукова</i>	135
Г. Аллен. Среди мумий	145
А. Конан Дойль. Кольцо Тота. <i>Пер. В. Штенгеля</i>	167
А. Конан Дойль. Номер 249. <i>Пер. Н. Высоцкой</i>	188
Ф. Мак-Куат. Жизнь и смерть Коричневой Мумии. <i>Пер. А. Шермана</i>	231
Комментарии	248

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.